

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ

**«ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»**

№ 2 (26)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2017**

VESTNIK

MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

PHILOLOGY. THEORY OF LINGUISTICS.

LINGUISTIC EDUCATION

№ 2 (26)

Published since 2008

Quarterly

Moscow

2017

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М. председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации
Рябов В.В. заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
Геворкян Е.Н. заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
Агранат Д.Л.	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Щепилова А.В. главный редактор	доктор педагогических наук, профессор
Викулова Л.Г. заместитель главного редактора	доктор филологических наук, профессор
Смирнова А.И. заместитель главного редактора	доктор филологических наук, профессор
Алмазова Н.И.	доктор педагогических наук, профессор
Афанасьева О.В.	доктор филологических наук, профессор
Беляева И.А.	доктор филологических наук, профессор
Бубнова И.А.	доктор филологических наук, доцент
Вострикова О.В. секретарь	кандидат филологических наук, доцент
Геймбух Е.Ю.	доктор филологических наук, профессор
Джанумов С.А.	доктор филологических наук, профессор
Курдюмов В.А.	доктор филологических наук, профессор
Матвеева И.И. секретарь	кандидат филологических наук, доцент
Поршнева Е.Г.	доктор педагогических наук, профессор (Нижегородский лингвистический университет)
Радченко О.А.	доктор филологических наук, профессор (Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина)
Романова Г.И.	доктор филологических наук, доцент
Собянина В.А.	доктор филологических наук, профессор
Сулейманова О.А.	доктор филологических наук, профессор
Тарева Е.Г.	доктор педагогических наук, профессор
Федянина В.А. ответственный секретарь	кандидат исторических наук, доцент
Чупрына О.Г.	доктор филологических наук, профессор
Языкова Н.В.	доктор педагогических наук, профессор
Ярыгина Е.С.	доктор филологических наук, профессор

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-913X

© ГАОУ ВО МГПУ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Головки В.М.* «Постепеновство снизу» как выражение позиций демократического просветительства И.С. Тургенева 8
- Лагоша М.А., Васильев С.А.* Н.С. Гумилёв и Д.Г. Россетти: творческий диалог (поэзия и живопись) 18
- Матвеева И.И.* Иронический модус в структуре образа главного героя романа К. Вагинова «Бамбочада» 25
- Завьялова Е.Е.* Структурная организация повести Ф.Н. Горенштейна «Последнее лето на Волге» 35

Русистика. Германистика. Романистика

- Ковалева Т.А.* Особенности употребления фразеологических эвфемизмов ядерных номинаций концепта «death» 43

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

- Сулейманова О.А.* К вопросу о нормативности письменного академического дискурса 52
- Трунова О.В., Бубнова И.А.* Язык как показатель социального статуса и фактор национальной идентичности 62
- Абаева Е.С.* Особенности перевода отрывков с юмористическим эффектом, построенным на столкновении скриптов [одушевленное]/[неодушевленное] 72

Языковое образование. Методика преподавания филологических дисциплин

- Романичева Е.С., Сененко О.В.* О новом методическом термине «социальное чтение» 81
- Нечаева Л.Т.* Проблема перевода сочетаний устойчивых грамматических конструкций в преподавании японского языка 89

Слово молодым ученым

- Федорова А.Г.* Изменение категориальной семантики неопределенного местоимения «некто» в сказке «Некто»: причины и функции (на материале «Сказок для вундеркиндов» С.Д. Кржижановского)..... 95
- Касьянова Н.Б.* Репрезентация концепта *птица* в жанре *каталога* у Оливье Мессиаана..... 102
- Харлашкин М.Н.* Интертекстуальность в англоязычных компьютерных играх..... 108
- Федоренко О.Я.* Реализация мотива *путь* в пьесе Т. Уильямса «И вдруг минувшим летом» 114
- Зоц И.В.* Московские урбанонимы в переводческой перспективе 121

Критика. Рецензии. Библиография

- Дыханова Б.С., Шелаева А.А.* Рецензия на монографию В.М. Головки «Философская повесть Н.С. Лескова семидесятых годов» (Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского федерального ун-та, 2016. 251 с.)..... 127
- Гринева С.В., Викулова Л.Г.* О некоторых лингвистических аспектах эволюции: рецензия на монографию В.П. Даниленко «От праязыка — к языку. Введение в эволюционную лингвистику» (СПб.: Алетейя, 2015. 386 с.)..... 130

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Филология. Теория языка.

Языковое образование», 2017, № 2 (6)..... 135

Требования к оформлению статей..... 139

CONTENTS

Literary Science

- Golovko V.M.* «Gradual Changes from Below» as Representation of I.S. Turgenev's Statements of Democratic Enlightenment 8
- Lagosha M.A., Vasilyev S.A.* N.S. Gumilev and D.G. Rossetti: Creative Dialogue (Poetry and Painting)..... 18
- Matveeva I.I.* Ironic Modus in the Image Structure of the Protagonist of the Novel by K. Vaginov «Bamboccianti Painting»..... 25
- Zavyalova E.E.* Structural Organization of the Tale by F.N. Gorenstein «Last Summer on the Volga»..... 35

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

- Kovaleva T.A.* Phraseological Euphemisms of Nuclear Nominations of the Concept «Death»: Usage Particularities..... 43

Linguistic Theory. Cross-cultural Communication Theory

- Sulejmanova O.A.* Guidelines towards Academic Writing 52
- Trunova O.V., Bubnova I.A.* Language as a Social Status Indicator and National Identity Factor 62
- Abaeva E.S.* Translation of Extracts with Humorous Effect Created on Script Opposition [Animate]/[Inanimate]..... 72

Language Teaching. Methodology of Teaching Philological Disciplines

- Romanicheva E.S., Senenko O.V.* On the New Methodological Term «Social Reading» 81
- Nechaeva L.T.* Translation of Combined Stable Grammatical Constructions in Teaching Japanese 89

Young Scientists' Platform

<i>Fedorova A.G.</i> Change of Categorical Semantics of the Indefinite Pronoun «Someone» in the Tale «Someone»: Causes and Functions (Based on «Fairy Tales for Whiz Kids» by S.D. Krzhizhanovsky).....	95
<i>Kasyanova N.B.</i> Representation of the Concept «Bird» in the Genre of Catalogue by Olivier Messiaen	102
<i>Kharlashkin M.N.</i> Intertextuality in English-Language Computer Games	108
<i>Fedorenko O.Ya.</i> Implementation of the Motif of Way in the Play by T. Williams «Suddenly Last Summer»	114
<i>Zots I.V.</i> Moscow Urbanonyms from Translator's Viewpoint	121

Criticism. Reviews. Bibliography

<i>Dykhonova B.S., Shelaeva A.A.</i> Review of the Monograph by V.M. Golovko «N.S. Leskov's Philosophical Tale of the 70s» (Stavropol: Publishing House of North-Caucasus Federal University, 2016. 251 p.)	127
<i>Grinev S.V., Vikulova L.G.</i> On Certain Linguistic Aspects of Evolution: Review of the Monograph by V.P. Danilenko «From Protolanguage to Language: an Introduction to Evolutionary Linguistics» (SPb.: Aletheia, 2015. 386 p.).....	130

«MCU Vestnik». Series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education» / Authors, 2017, № 2 (26)	135
--	-----

Style Sheet.....	139
------------------	-----

В.М. Головки**«Постепеновство снизу» как выражение
позиций демократического
просветительства И.С. Тургенева**

В статье рассматривается социально-философская концепция И.С. Тургенева и его вклад в теорию эволюционизма. Идентифицируется течение демократического просветительства в истории общественной мысли России второй половины XIX в., реализацией идейных принципов которого стала социокультурная программа «постепеновства снизу». Впервые дифференцируются парадигмы либерального и демократического просветительства в процессе обоснования особой позиции И.С. Тургенева в идеологически неоднородном «либеральном лагере».

Ключевые слова: демократическое просветительство; социальный эволюционизм; «постепеновство»; «скромная деятельность»; мирный прогресс.

Философско-социологические и художественные концепции И.С. Тургенева, в мировоззрении которого определяющей является идея эволюционного развития общества, и их восприятие в публицистике и литературе последующего времени представляют собой тему, вызывающую большой научный интерес. Динамика теории эволюционизма XIX – первой половины XX в. фиксируется на уровне как научных (см.: [11: с. 6]), так и художественных идей. Социальная прогностика мыслителей этого направления в историко-функциональном аспекте может восприниматься как продуктивная идея переустройства России, дискредитированная хранителями «наследства» шестидесятников, некоторыми представителями революционного народничества, марксистскими теоретиками, а в условиях настоящего — отрицаемая представителями метаидеологии либерализма.

Известно, что И.С. Тургенев неоднократно называл себя «постепеновцем», а если и «либералом», то «либералом старого покроя», т. е. эпохи 1840-х гг., подчеркивая при этом в 1880 г., что его «убеждения... не изменились ни на йоту в последние сорок лет» [3: Соч., т. XV, с. 184–185]. Традиционные суждения о Тургеневе как представителе русского либерализма препятствуют объяс-

нению того, почему, например, отказывая революционному народничеству способности обновления России, он поддерживал тесные отношения с ведущими идеологами этого движения. Почему, будучи «мирным сторонником прогресса и свободы» [2: т. 2, с. 163], на излете своей литературной деятельности писатель вынашивал замыслы романов о «двух революционерах» (французском и русском) и о «жизнерадостном революционере» («Natalia Karповna»)? Отклонения от истины в выводах исследователей, утверждавших, что Тургенев якобы находился на позициях заурядного либерализма (см.: [15; 10: с. 175]), *возникают из-за отсутствия дифференциации демократического и либерального просветительства* при изучении истории развития общественной мысли в России. Когда писателя безоговорочно относят к лагерю либералов (что, кстати, противоречит мнению современников Тургенева, например крупнейшего теоретика революционного народничества П.Л. Лаврова [2: с. 362–363]) и не вникают в смысл того, какое содержание он вкладывал в понятие «либерал старого покроя», то в этом случае не дифференцируется само «либеральное направление». Безусловно, уже предпринимались попытки объективного анализа общественных позиций И.С. Тургенева [7; 9], но течение демократического просветительства второй половины XIX в. как таковое неизученным остается до сих пор. Его можно идентифицировать в том случае, если иметь в виду не только позиции «западников» 1840-х гг., к числу которых причислял себя И.С. Тургенев, но и тех идеологов последующих эпох, которые воспринимали идею «постепеновства снизу» как социально-философскую традицию, развивали основополагающие положения теории эволюционизма. Тургеневскую программу «созидательной практической работы снизу» [13: с. 26] вполне разделяли, например, публицист журнала «Вестник Европы» Л.А. Полонский, один из крупных общественно-литературных деятелей «культурнического течения» в реформаторском народничестве Я.В. Абрамов и др.

Философские интенции писателя отражаются в его творчестве (см.: [8; 14]). Так, концепция «постепеновства снизу» нашла свое художественное воплощение в романе «Новь» (1877). Имея в виду 1870-е – начало 1880-х гг., современники Тургенева «основную черту его взглядов на русские дела» усматривали в «скептицизме» «относительно чего бы то ни было действительно полезного для России» [2: т. 1, с. 361]. В условиях очевидного кризиса «хождения в народ» революционеров-семидесятников концепция «постепеновства снизу», созданная писателем, наполнялась конкретным содержанием — утверждением исторической роли «скромной деятельности» «полезных людей», «народных слуг» [3: Письма, т. X, с. 295–296]. Такая концепция основывалась на идее преемственных связей демократического просветительства 1840-х гг. и социальных программ прогрессивной молодежи нового времени. «Времена переменялись, — писал он, — теперь Базаровы не нужны. Для предстоящей общественной деятельности не нужно ни особенных талантов, ни даже особенного ума — ничего крупного, выдающегося, слишком индивидуального; нужно трудолюбие, терпение... нужно уметь смириться и не гнушаться

мелкой и темной и даже низменной (“в смысле простоты, бесхитростности”. — В. Г.) работы» [3: Письма, т. X, с. 295].

Дифференцируя разные идеологические течения в общественной жизни того времени, великий писатель в «Речи на обеде в “Эрмитаже” 6/18 марта 1879 г.» и в открытом письме «Редактору “Вестника Европы”» 2 января 1880 г. отделял «либерализм» 1840-х от либерализма конца 1870-х гг. (с которым его постоянно отождествляют), подчеркивал просветительско-демократическую доминанту в мировоззрении «людей “сороковых годов”» и указывал на свою принадлежность именно к этому течению общественной мысли. Более того, И.С. Тургенев делал акцент на актуальности идеалов «так называемого либерального направления» эпохи 40-х гг. для времени, отмеченного, с одной стороны, активной деятельностью революционного народничества и отсутствием альтернативы их концепциям в программах пореформенного либерализма, с другой стороны. Формулировки Тургенева отличаются особой точностью: «так называемого» — т. е. называемого условно, когда термин «либеральное направление» не является аутентичным смыслу, содержанию самого явления — общественной мысли «людей “сороковых годов”». «Слово “либерал” в последнее время несколько опошнилось, и не без причины, — говорил писатель в 1879 г. — Теперь, когда все указывает на то, что мы стоим накануне <...> значительного перестроя общественной жизни, это слово является чем-то неопределенным и шатким. <...> Но в наше, в мое молодое время, когда еще и помину не было о политической жизни, слово “либерал” означало протест против всего темного и притеснительного, означало уважение к науке и образованию, любовь к поэзии и искусству и наконец — пуще всего — означало любовь к народу, который, находясь еще под гнетом крепостного бесправия, нуждался в деятельной помощи своих счастливых сынов» [3: Соч., т. XV, с. 58]. И.С. Тургенев, как видим, суть «либерализма» «людей “сороковых годов”», группировавшихся вокруг В.Г. Белинского, усматривал именно в идеалах демократического просветительства. Со сторонниками «дворянского либерализма» 1850–1870-х гг. (Т.Н. Грановский, В.П. Боткин, П.В. Анненков, К.Д. Кавелин, Ф.И. Родичев, Д.И. Шаховской, ранний Б.Н. Чичерин и др.) писатель имел одну принципиальную точку соприкосновения во взглядах на защиту личности, ее свободы, признание самореализации и самоактуализации человека в общественно полезной, творческой деятельности высшей ценностью социума и показателем развития его культуры. Ему был близок классический русский либерализм XIX в., приверженцы которого отрицали крепостное право и признавали необходимость изменений в сфере законодательства ради социального прогресса. Различия проявлялись в отношении к проблемам народной жизни, поскольку идеологи дворянского либерализма не шли так далеко, как И.С. Тургенев и его единомышленники, в признании роли инициатив самого народа, его участия в управлении общественными делами. В научной литературе справедливо отмечается, что «русские

либералы не являлись демократами в полном смысле этого слова. Они долго не могли согласиться с тем, что в России должно доминировать общественное (народное) мнение, а не мнение образованной элиты» [16].

Состояние общественной жизни России двух пореформенных десятилетий убеждало Тургенева в том, что «молодое поколение», развивая традиции «людей “сороковых годов”», «поступает согласно с высказанным» этим поколением «воззрением» и «продолжает начатое дело». «Надо докончить начатое, — убеждал он, — и докончить прямо, честно, по открытому пути» [3: Соч., т. XV, с. 59]. В «Речи на обеде профессоров и литераторов 13/25 марта 1879 г.» писатель особо отмечал факт преемственности поколений «людей “сороковых годов”» и «современной молодежи», к поколению которой принадлежали С.Н. Южаков, А.С. и В.С. Пругавины, Я.В. Абрамов, Г.П. Сазонов и др. «...Есть... область, в которой эти поколения, по крайней мере в большинстве, сходятся дружески... — подчеркивал И.С. Тургенев. — <...> есть стремления, есть надежды, которые им общи; есть, наконец, идеал не отдаленный и не туманный, а определенный, осуществимый и, может быть, близкий, в который они одинаково верят» [3: Соч., т. XV, с. 60]. Существует, по мнению писателя, и «почва», на которой эти поколения «могли сойтись», оказывая «деятельную помощь» народу в новых исторических условиях [3: Соч., т. XV, с. 61]. На этой «почве» в романе «Новь» действует «постепеновец снизу» Соломин. Поскольку в тургеневском решении проблем «постепенного развития... общественной жизни» [3: Соч., т. XV, с. 60] актуализировался цивилизационный подход, то в художественном творчестве писатель стремился воплотить мысль о необходимости просветительской деятельности, о «медленной и терпеливой» подготовке не только «постепенной реформы», но и чего-то «сильного и внезапного» [3: Письма, т. X, с. 331]. Как справедливо отметил в начале 1960-х гг. Г.А. Бялый, тургеневские образы «постепеновцев снизу», в которых писатель воплотил идею «специального идеала» и «скромной деятельности», «задуманы и поданы» в произведениях 1870-х гг. «не как реальная сила русской жизни, а как сила искомая, ожидаемая» [6: с. 231]. О том, насколько это было актуальным для своего времени, свидетельствует письмо П.В. Анненкова к Тургеневу от 28 октября (9 ноября) 1876 г., в котором он поддержал мысль автора «Нови» о необходимости широкого просвещения народа [12: с. 198]. Именно такая идея лежит в основе романа, где программным является образ «постепеновца снизу», «самого трудного, — по словам писателя, — характера», хотя он «и не кажется таким с первого взгляда» [3: Письма, т. XII, кн.1, с. 21, 39].

По воспоминаниям С.Н. Кривенко, автор «Нови» признавался, что деятель соломинского типа «ближе» к его «понятиям и представлениям» о движущих силах социокультурного прогресса России эпохи «всеобщего переворота». «...Я убежден, — говорил И.С. Тургенев, — что такие люди сменяют теперешних деятелей (имелись в виду «вспышечники», народники-семидесятники [3: Письма, т. XIII, кн.1, с. 73]): у них есть известная положительная программа, хотя бы

и маленькая в каждом отдельном случае, у них есть практическое дело с народом, благодаря чему они имеют отношения и связи в жизни, то есть имеют почву под ногами, на которой можно твердо стоять и гораздо увереннее действовать...» [2: т. 1, с. 419].

Либерализм, в том числе и «дворянский», был неоднородным течением общественной мысли. Современные ученые констатируют, что российским либералам 1870–1880-х гг. «свойственна внеэкономическая, культурно-духовная природа взглядов, что делало эти взгляды и достаточно привлекательными, и в то же время умозрительными. Наконец, бросается в глаза раздробленность русского либерального лагеря, его разветвленность, количество носителей либеральных взглядов, организационно не связанных друг с другом и часто не понимающих друг друга» [16]. Особенностью развития общественной мысли в России второй половины XIX в. было то, что некоторые идейные течения определялись деятельностью даже отдельных выдающихся личностей. Так было и в случае с И.С. Тургеневым. В 1870–1880-х гг., в исторических условиях зарождения и спада «второй революционной ситуации», не только фиксировалась дифференциация разных течений либеральной мысли (либерально-буржуазного, либерально-демократического и т. д.), но и отчетливо проявлялось дальнейшее развитие традиций демократического просветительства. В это время И.С. Тургенев подчеркнуто дистанцировался от «трусливого русского либерализма», указывая на то, что его «убеждения» не соответствовали позициям «друзей-либералов» [2: т. 1, с. 365, 362]. Народнический идеолог П.Л. Лавров, который вначале в Тургеневе «видел только либерала», констатировал, что писатель имел «более чутья, чем его товарищи», поскольку «готов был сочувствовать и даже содействовать *всякой* нарождающейся силе, оппозиционной по отношению абсолютизма» (курсив П.Л. Лаврова. — *В. Г.*) [2: т. 1, с. 381]. Говоря о «русских либералах», Тургенев «каждый раз начинал иронически или раздражительно перебирать имена и личности (иные весьма близкие ему) и доказывать для каждого, что он не способен ни к смелому делу, ни к риску, ни к жертве и что поэтому невозможна организация их в политическую партию с определенной программой...» [2: т. 1, с. 362]. Современники автора «Нови» отмечали, что во второй половине 1870-х – начале 1880-х гг., когда писатель особенно настойчиво пропагандировал идеи «постепеновства снизу», он отказывал либералам в «темпераменте», в «гражданском мужестве», в самой возможности способствовать проведению «реформ», причем реформ даже «в либеральном направлении» [2: т. 1, с. 363]. Следует еще раз подчеркнуть, что с критикой русских либералов, надеявшихся только на «реформы свыше», И.С. Тургенев выступал с позиций «людей “сороковых годов”», т. е. с позиций демократического просветительства. Солидаризируясь с ними в идее «мирного обновления России», автор «Нови» в отличие от «близких ему» по журналу «Вестник Европы» идеологов умеренно-монархической буржуазии (М.М. Стасюлевич,

К.К. Арсеньев, М.М. Ковалевский, В.Д. Кузьмин-Караваев, Н.И. Костомаров, С.М. Соловьев, А.Д. Галахов, Д.Л. Мордовцев, А.Н. Пыпин и др.), ратовавших за «буржуазный прогресс страны под властью самодержавия», разделявших политические идеалы конституционной монархии [5: с. 171], надежд на «реформы сверху» не возлагал [2: т. 1, с. 379]. Не отрицая важности «дарования конституции» [3: Письма, т. XII, кн. 1, с. 446], он был одним из самых последовательных сторонников «скромной деятельности» «полезных» народу людей [3: Письма, т. X, с. 296]. «Добро делать помаленьку» [3: Письма, т. X, с. 296] — именно такие формы «постепенности снизу» на данном этапе социально-исторической эволюции продиктованы, по убеждению Тургенева, характером жизни, общественной ситуацией в России. «Скромная деятельность» — это не универсальное, а исторически обусловленное средство «постепенного развития». «Эпоха только полезных людей», «усердных тружеников» неизбежно пройдет, подчеркивал И.С. Тургенев, «и лишь тогда, когда этот период кончится, снова появятся крупные, оригинальные личности», а в литературе — «красивые, пленительные» Базаровы [3: Письма, т. X, с. 296].

Поскольку в 1870-е гг. писатель не видел никакой реальной силы, которая могла бы выдвинуть альтернативную программу созидательной деятельности по отношению к «творцам» «долголетних реформ», к либералам, народникам, почвенникам и т. д., то «скромная деятельность» «полезных людей» представлялась ему единственно правильной и возможной. Если, например, рассматривать автономно, т. е. за пределами внутренних связей всех элементов системы «постепенности снизу» Тургенева, одно из его программных высказываний об обусловленности временем «малого», «тесного круга» деятельности «народных слуг» в условиях, когда «все переверотилось и только укладывалось» (Л.Н. Толстой), то может сложиться впечатление, что великий писатель-философ является апологетом... «теории малых дел». В письме А.П. Философовой от 22 декабря (6 марта) 1875 г. он писал, например, по поводу «отчаяния» его корреспондентки, занимавшейся «заведением и постройкой школы»: «...Деятельность Ваша достигла хотя маленького результата — следовательно, не бесплодна — чего же больше? Пусть каждый в своей сфере сделает столько же, и выйдет дело большое и хорошее... Пора у нас в России бросить мысль о “сдвигании гор с места” — о крупных, громких и красивых результатах; более чем когда-либо и где-либо, следует у нас удовлетворяться малым, назначить себе тесный круг действия...» [3: Письма, т. XI, с. 32–33]. Но суждения И.С. Тургенева о «скромной деятельности» «полезных рабочих и народных слуг» ничего общего не имели с «теорией малых дел». Он вообще, как отмечали современники, был «человеком, неспособным уложиться в тесные рамки какой-нибудь исключительной политической доктрины» [2: т. 2, с. 161]. Эти суждения в устах «мирного сторонника прогресса и свободы» [2: т. 2, с. 163] были откликом на дискуссии о том типе общественного деятеля, который востребован «периодом... разложения и сложения, переживаемым народной

жизнью» [3: Письма, т. X, с. 296]. «Постепеновство» Тургенева противопоставлено бескрылому эмпиризму и разрозненным действиям, при которых игнорируются законы развития общества. Он имел в виду такую системную, «кропотливую работу» в условиях укрепления буржуазных отношений, которая бы обеспечивала развитие всех сторон общественной жизни: экономики, культуры, образования, науки, социальной сферы, медицины, государственного устройства, законодательства и т. д. Хорошо знавший И.С. Тургенева народник-революционер Г.А. Лопатин в воспоминаниях о писателе подчеркнул: стратегия его «постепеновства снизу» предусматривала все «предпосылки» кардинального обновления «старого строя» — «технические, экономические, моральные», социально-психологические и т. д. — в целях достижения весьма отдаленного идеала — «социализма», который представлялся ему «венцом социального развития человечества» [2: т. 1, с. 388–389].

Идеи И.С. Тургенева разделял «завзятый постепеновец» [3: Письма, т. XIII, кн. 1, с. 49], один из идеологов эволюционизма Л.А. Полонский. Доктрину эволюционного движения России к социализму отстаивали теоретики легального народничества Н.К. Михайловский, И.И. Каблиц (Юзов), В.П. Воронцов, С.Н. Кривенко, Я.В. Абрамов и др. Но если у создателей «теории малых дел» (П.П. Червинский, И.И. Каблиц) наблюдаются внешние переклички с тургеневской программой «постепеновства снизу», то в программных выступлениях, например, Я.В. Абрамова можно обнаружить точки соприкосновения с основополагающими социально-философскими идеями автора «Нови». В понимании перспектив самоорганизации народной жизни у народнического публициста и прозаика (см.: [4]) обнаруживается много общего с мыслями Тургенева, настаивавшего на том, что нельзя «насиловать вламываться в народную жизнь, с чуждыми ему [народу] принципами и теориями». А таковыми, по словам неатрибутированного автора воспоминаний о писателе, были «все социально-революционные доктрины и все попытки пересадить их на русскую народную почву» [2: т. 2, с. 163]. Я.В. Абрамов, по сути, разделял убеждение Тургенева в том, что «лучше предоставить народу полную свободу устраиваться самому, предоставляя ему только все необходимое и ограждая от всяких корыстных и бескорыстных набегов на его жизнь» [2: т. 2, с. 163]. В статье «Программа вопросов для собирания сведений о русском сектантстве» народнический публицист именно так ставил вопрос [4]. Подобная общность идей стала возможной потому, что в народническом лагере Я.В. Абрамов занимал особую позицию, творчески развивая традиции демократического просветительства 1840-х – начала 1880-х гг., к которым восходит и концепция «постепеновства снизу» Тургенева. Если преемственные связи между идеями И.С. Тургенева и Л.А. Полонского являются контактными, то в случае с Я.В. Абрамовым — типологическими. О восприятии традиций демократического просветительства в этом смысле можно говорить, имея в виду фоновые факторы, т. е. источники информации

общекультурного исторического контекста. Подобно И.С. Тургеневу, но уже в 1880–1890-е гг., Я.В. Абрамов обращался к «скромным труженикам», к интеллигенции с призывом «служить народу», «работать для удовлетворения» его «реальнейших нужд», соотносил «скромную деятельность» «народных слуг» с задачами «культурной работы» во имя «движения... народа вперед», во имя того, чтобы «освободить человека от зависимости от материальных условий существования и дать простор его духовным способностям» [1: с. 217, 216, 215, 224]. Показательно, что именно Тургенев, неоднократно писавший о несостоятельности надежд на «деревню», в письме к М.Е. Салтыкову-Щедрину от 26 мая (7 июня) 1882 г. дал высокую оценку рассказу Я.В. Абрамова «Ищущий правды» [3: Письма, т. XIII, кн. 1, с. 266], в котором начинающий писатель осветил причины распада и деградации крестьянской общины.

Итак, идеям радикализма и либерального просветительства в эпоху, когда «все перевернулось и только укладывалось», была противопоставлена альтернатива — концепция постепенного прогресса, мирной эволюции России. Идеология и социальная философия демократического просветительства, одной из форм и средств реализации которых была программа «постепеновства снизу», имеют все основания для идентификации в качестве особого течения русской общественной мысли второй половины XIX в.

Библиографический список

Источники

1. Абрамов Я.В. Малые и великие дела // Книжки «Недели»: ежемесячный литературный журнал. 1896. Июль. С. 214–227.
2. И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худ. лит., 1983.
3. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Соч.: в 15 т. Письма: в 13 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР (Наука), 1960–1968.
4. Федосеевец [Абрамов Я.В.]. Программа вопросов для собирания сведений о русском сектантстве // Отечественные записки. 1881. № 4. Отд. 2. С. 255–280; № 5. Отд. 2. С. 123–162.

Литература

5. Алафаев А.А. Русский либерализм на рубеже 70–80-х годов XIX века. Из истории журнала «Вестник Европы». М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1991. 229 с.
6. Бялый Г.А. Тургенев и русский реализм. М.: Сов. писатель, 1962. 248 с.
7. Винникова Г.Э. Тургенев и Россия. 3-е изд. М.: Сов. Россия, 1986. 416 с.
8. Головки В.М. Натурфилософские идеи И.-В. Гёте в творческой рецепции И.С. Тургенева // Вестник МГПУ. Сер.: «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 4. С. 8–19.
9. Grandjard H. Ivan Tourguénev et les Courants Politiques et Sociaux de Son Temps: Thèse principale présentée à la Faculté des Lettres de l'Université de Paris pour le Doctoratès Lettres. Paris, 1954. 506 p.

10. Зеленин Ю.А. Рец. на кн.: История и историография правого народничества: сб. ст. / отв. ред. Г.Н. Мокшин. Воронеж: Истоки, 2014. 296 с. // Вестник ВГУ. Сер.: «История. Политология. Социология». 2015. № 3. С. 172–176.

11. Казютинский В.В. Эпистемологические проблемы универсального эволюционизма // Универсальный эволюционизм и глобальные проблемы. М.: Ин-т философии РАН, 2007. С. 4–32.

12. Литературная мысль: альманах. Кн. 1. Пг.: Мысль, 1922. 254 с.

13. Новак С.Я. Я.В. Абрамов — исследователь народной жизни // За лучшую будущность России: к 150-летию со дня рождения Я.В. Абрамова, общественного деятеля, публициста, критика: биобиблиографические материалы. Ставрополь: Ставропольск. гос. науч. библиотека, 2008. С. 17–30.

14. Смирнова А.И., Симкина В.С. Философские интенции в романе В. Пелевина «Священная книга оборотня» // Вестник МГПУ. Сер.: «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 3. С. 35–42.

Интернет-ресурсы

15. Карпович М.М. Либерализм: И.С. Тургенев // Информационный портал «Русский путь». Книга и общество. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rp-net.ru/book/OurAutors/Drugie%2520avtory/karpovich-liberalizm-turgenev.php> (дата обращения: 02.02.2017).

16. Либеральный лагерь в 1850–1870-е гг. // Учебные материалы для студентов. [Электронный ресурс]. URL: http://studme.org/17790821/istoriya/liberalnyu_lager_1850-1870-e (дата обращения: 03.05.2016).

References

Istochniki

1. Abramov Ya.V. Maly'e i velikie dela // Knizhki «Nedeli»: ezhemesyachny'j literaturny'j zhurnal. 1896. Iyul'. S. 214–227.

2. I.S. Turgenev v vospominaniyax sovremennikov: v 2 t. M.: Xud. lit., 1983.

3. Turgenev I.S. Poln. sobr. soch. i pisem: v 28 t. Soch.: v 15 t. Pis'ma: v 13 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR (Nauka), 1960–1968.

4. Fedoseevetz [Abramov Ya.V.]. Programma voprosov dlya sobiraniya svedenij o russkom sektantstve // Otechestvenny'e zapiski. 1881. № 4. Otd. 2. S. 255–280; № 5. Otd. 2. S. 123–162.

Literatura

5. Alafaev A.A. Russkij liberalizm na rubezhe 70–80-x godov XIX veka. Iz istorii zhurnala «Vestnik Evropy». M.: In-t istorii SSSR AN SSSR, 1991. 229 s.

6. Byaly'j G.A. Turgenev i russkij realizm. M.: Sov. pisatel', 1962. 248 s.

7. Vinnikova G.E'. Turgenev i Rossiya. 3-e izd. M.: Sov. Rossiya, 1986. 416 s.

8. Golovko V.M. Naturfilosofskie idei I.-V. Gjote v tvorcheskoj recepcii I.S. Turgeneva // Vestnik MGPU. Ser.: «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 4. S. 8–19.

9. Grandjard H. Ivan Tourguénev et les Courants Politiques et Sociaux de Son Temps: Thèse principale présentée à la Faculté des Lettres de l'Université de Paris pour le Doctoratès Lettres. Paris, 1954. 506 p.

10. Zelenin Yu.A. Recz. na kn.: Istoriya i istoriografiya pravogo narodnichestva: sb. st. / otv. red. G.N. Mokshin. Voronezh: Istoki, 2014. 296 s. // Vestnik VGU. Ser.: «Istoriya. Politologiya. Sociologiya». 2015. № 3. S. 172–176.

11. Kazyutinskij V.V. E'pistemologicheskie problemy' universal'nogo e'volyucionizma // Universal'ny'j e'volyucionizm i global'ny'e problemy'. M.: In-t filosofii RAN, 2007. S. 4–32.

12. Literaturnaya my'sl'. Kn. 1. Pg.: My'sl', 1922. 254 s.

13. Novak S.Ya. Ya.V. Abramov — issledovatel' narodnoj zhizni // Za luchshuyu budushhnost' Rossii: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya Ya.V. Abramova, obshhestvennogo deyatelya, publicista, kritika: biobibliograficheskie materialy'. Stavropol': Stavropol'sk. gos. nauch. biblioteka, 2008. S. 17–30.

14. Smirnova A.I., Simkina V.S. Filosofskie intencii v romane V. Pelevina «Svyashennaya kniga oborotnaya» // Vestnik MGPU. Ser.: «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2016. № 3. S. 35–42.

Internet-resursy'

15. Karpovich M.M. Liberalizm: I.S. Turgenev // Informacionny'j portal «Russkij put'». Kniga i obshhestvo. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.rp-net.ru/book/OurAutors/Drugie%2520avtory/karpovich-liberalizm-turgenev.php> (data obrashheniya: 02.02.2017).

16. Liberal'ny'j lager' v 1850–1870-e gg. // Uchebny'e materialy' dlya studentov. [E'lektronny'j resurs]. URL: http://studme.org/17790821/istoriya/liberalnyy_lager_1850-1870-e (data obrashheniya: 03.05.2016).

V.M. Golovko

«Gradual Changes from Below»

as Representation of I.S. Turgenev's Statements of Democratic Enlightenment

The paper regards Turgenev's socio-philosophical concept and his contribution to the theory of evolutionism. The ideological principles of the identified trend of democratic enlightenment in the history of social thought in Russia in the second half of the 19th century were implemented through the socio-cultural program of «gradual changes from below». For the first time, the paradigms of liberal and democratic enlightenment are differentiated in the process of justification of Turgenev's special position in the ideologically heterogeneous «liberal camp».

Keywords: democratic enlightenment; social evolutionism; «gradual changes»; «humble activity»; peaceful progress.

**М.А. Лагоша,
С.А. Васильев**

Н.С. Гумилёв и Д.Г. Россетти: творческий диалог (поэзия и живопись)

В статье рассматривается взаимодействие произведений литературы и живописи на примере картины «Благословенная Беатриче» Д.Г. Россетти и стихотворения Н.С. Гумилёва «Музы, рыдать перестаньте...».

Ключевые слова: творчество Д.Г. Россетти; образ Беатриче; сопоставление художественных средств; экфрасис; синтез искусств.

Одно из значимых и перспективных направлений современной филологической науки — анализ литературных произведений и авторского стиля с точки зрения взаимодействия, а в наиболее ярких случаях — синтеза искусств. Сопоставление различных видов творческой деятельности, в частности, словесности и живописи, глубоко обосновано отечественной филологической академической традицией. Методологические предпосылки для исследования такого рода содержатся в работах Ф.И. Буслая [3], Вяч.И. Иванова [6], Андрея Белого [2], П.А. Флоренского [9], А.Ф. Лосева [14], а также В.Н. Альфонсова [1], Ю.И. Минералова [16], И.Г. Минераловой [17], С.А. Васильева [11] и других ученых. Синтез искусств предполагает «приращение» смыслов и образование качественно нового художественного целого, это «органическое единство художественных средств и образных элементов, объединенных единством замысла, стиля и исполнения, которые реализуются по законам различных видов искусства» [19: с. 315]. Именно взаимодействие идей и материалов, а не только законченных произведений, имеет важное значение для понимания всего процесса.

Синтез искусств стал одной из доминант культурного стиля России рубежа XIX–XX вв. [17]. С этим, очевидно, связан и интерес ряда отечественных писателей к живописи и поэзии прерафаэлитов. Среди последних особое место принадлежит основателю Братства — Данте Габриэлю Россетти (1828–1882), одной из наиболее известных картин которого является «Благословенная Беатриче» (1864–1870). Талантливый художник был еще и поэтом, что привело его к мысли о единстве искусства вне зависимости от его видов: «Россетти мечтал осуществить синтез литературы и живописи. <...> Он писал и стихи к картинам <...> и картины к стихам» [8: с. 13–15].

Обратимся к истории данного полотна, которое стало предметом для литературного переосмысления отечественными авторами: «Создавая эту картину, Данте Россетти был вдохновлен творением другого Данте — Алигьери,

его поэмой “Новая жизнь” <...> Художник глубоко ощущал и культивировал свою духовную связь с Данте. Этот холст стал памятником Элизабет Сиддал. Беатрис изображена в момент смерти, себя же Россетти ассоциирует с оплакивающим утрату Данте. <...> Полотно имеет множество символических деталей: солнечные часы обозначают проходящее время, на ладонь героини птица (вестник смерти) кладет цветок мака (Элизабет умерла от передозировки опия)» [15: с. 38].

Именно с этой картиной связано стихотворение Н.С. Гумилёва из цикла «Беатриче»:

Музы, рыдать перестаньте,
Грусть вашу в песнях излейте,
Спойте мне песню о Данте
Или сыграйте на флейте.

Дальше, докучные фавны,
Музыки нет в вашем кличе!
Знаете ль вы, что недавно
Бросила рай Беатриче,
Странная белая роза
В тихой вечерней прохладе...
Что это? Снова угроза
Или мольба о пощаде?

Жил беспокойный художник.
В мире лукавых обличий —
Грешник, развратник, безбожник,
Но он любил Беатриче.

Тайные думы поэта
В сердце его прихотливом
Стали потоками света,
Стали шумящим приливом.

Музы, в сонете-брильянте
Странную тайну отметьте,
Спойте мне песню о Данте
И Габриеле Россетти [5 : с. 90].

Стихотворение написано в 1906 г., оно неоднократно редактировалось, последний раз в 1918 г. Перед нами шесть четверостиший с перекрестной рифмой (АВАВ) и женской клаузулой. Лирический сюжет развивается плавно, без резких переходов. Последний безударный слог придает строке легкость, создает впечатление незавершенности, «эффект многоточия». Рифма в стихотворении богатая (в восьми случаях из двенадцати) и, как правило, точная, пары слов состоят в основном из существительных. Ударение падает на 1, 4 и 7-й слог. Это дактиль, он «мощен, торжественен, говорит о стихиях в их покое, о деяниях богов и героинь» [4: с. 215]. Но последняя стопа усеченная и выглядит как хорей. Такая оговорка существенна, если внимательнее

приглядеться к тексту. При чтении делается небольшая пауза в каждой первой строке. Но фраза не заканчивается, мысль продолжается. Следующая строчка произносится вместе с первой, и тогда это получается уже шестистопный дактиль с усечением в середине и в конце. Таким образом, перед нами гекзаметр. Соблюдены все условия: цезура в середине для вдоха и одна стопа дактиля заменена на хорей. Стихотворение Н.С. Гумилёва звучит как античная лирика. Если рассматривать его с этой точки зрения, то обращение к музам и фавнам воспринимается не просто как красивые слова, а как логичное упоминание, соответствующее общему стилю.

Стихотворение не только отражает явление синтеза искусств, но и представляет собой экфрасис — «вербальный текст о невербальном феномене искусства» [10: с. 194]. В произведении, помимо аллюзий, упомянуты некоторые детали, которые можно увидеть на полотне. Общим для живописи и поэзии будет то, что помогает создать атмосферу: «экфрасис естественным образом привлекает внимание к специфически живописным изобразительным средствам <...>: цвет, световые образы, пространственная организация описываемой картины и др.» [13: с. 349]. История персонажей образно накладывается на судьбу художника и картины, задавая определенное настроение. Эмоциями зрителя управляет цвет — по сюжету первыми чувствами, казалось бы, должны быть печаль и скорбь, но теплые краски смягчают впечатление. Они напоминают о том вечном и светлом, что позволяет нам испытывать радость: о любви и доброте, о солнце и его теплых лучах. И сердце уже не плачет, это не горечь, но трепет души. Кроме этого на полотне множество деталей, каждая из которых привлекает к себе внимание, не позволяя утонуть во всепоглощающей печали центрального образа.

В поэзии слова тоже могут создать представление о цвете. Палитры стихотворения и картины перекликаются: теплые тона, сияние и несколько затененных деталей. Возникают следующие образные ассоциации: «музы» — богини в белых или разноцветных одеждах; «грусть» — тень, темные и пастельные тона, слезы (сама капля прозрачная, отражает свет или блестит); «фавны» — духи гор, лугов, полей (в основном зеленый); «рай» — яркий свет, сияние, белый или золотой; «белая роза» — белый и немного зеленого на фоне; «вечерняя прохлада» — закат, сумерки, темно-синий; «художник» — вся палитра или основные цвета (красный, желтый, синий); «любил» и «сердце» — кровь, красный; «потoki света» — сияние, белый или золотой; «шумящий прилив» — белый (пена) и синий (волна); «сонет-брильянт» — сияние, белый. Благодаря соотносимым художественным средствам и полотну, и стихотворение вызывают у читателя сходные эмоции.

Обратимся к более детальному сопоставлению произведений живописи и литературы. Беатриче — главная героиня картины Д.Г. Россетти. В стихотворении Н.С. Гумилёва она уже не находится в центре внимания, а скорее дополняет общую канву лирического сюжета, и речь в этой связи должна идти о переосмыслении композиционных особенностей произведения и о «портретировании как разновидности стилизованного мимесиса» [16: с. 224], так как контуры картины в стихотворении переданы вполне определенно.

По мнению исследователя жизни и творчества Данте, «в “Новой жизни” <...> Беатриче воплотила все добродетели, она — чудо, колеблющее законы природы» [12: с. 23]. Данное наблюдение, с учетом контекста жизни и творчества прерафаэлитов, а также биографии автора разбираемого стихотворения, предполагает дополнение и другими смыслами: «Гумилёв проецирует свои драматические отношения с Ахматовой и на любовные коллизии Данте Габриэля Россетти и Элизабет Сиддал, музы прерафаэлитов» [18: с. 47].

Особое значение имеет последняя строфа стихотворения. Вначале может показаться, что первый упомянутый человек — это Данте Алигьери, а второй — Д.Г. Россетти. Но конструкция с союзом «и», соединяющая два имени, говорит нам о том, что у людей одна фамилия. Речь идет о Габриэле Россетти старшем и его сыне, которого он назвал в честь себя и великого итальянского писателя. Среди его произведений есть сонет, посвященный отцу Россетти. «Странной тайной», по-видимому, является совпадение, что он, назвав ребенка в честь Данте Алигьери, в каком-то смысле определил судьбу сына, которому небеса подарили свою Беатриче: «И словно знал ты, в самом деле, в тот миг когда / Ты вместе с именем своим мне имя дал Его, / Что так же сыну твоему предрешено быть с Беатриче <...>» [7]. В витиеватых строках сонета, кроме «странной тайны» в имени, еще и отсылка к произведению Данте Алигьери «Божественная комедия». Д.Г. Россетти говорит не только о простом совпадении судьбы возлюбленной — неизбежна ее смерть и предопределена духовная связь с поэтом. Художник видит себя скитающим по кругам ада, словно Данте, а Сиддал — такой же спасительницей, какой Беатриче была в «Божественной комедии».

Н.С. Гумилёв, обращаясь к сонету Д.Г. Россетти, подчеркивает мистическую связь с судьбой великого итальянского писателя и его музой, в которую верил художник. Выходит, что в стихотворении, помимо упоминания конкретных деталей с картины, использованы те же персонажи и скрытые сопоставления с ними.

Кроме этого в произведении Н.С. Гумилёва есть еще одна характерная в контексте развиваемой темы строфа: «Тайные думы поэта / В сердце его прихотливом / Стали потоками света, / Стали шумящим приливом» [5: с. 90]. Эти слова могут показаться лишь незамысловатой метафорой, но они имеют и аллюзивную функцию: в них содержится отсылка к другому произведению Д.Г. Россетти — «Портрет» [8: с. 103].

В художественном переводе гораздо труднее опознать те самые строки, в которых упоминаются «потоки света» и «шумящий прилив», но в оригинале их увидеть нетрудно: «That he who seeks her beauty's furthest goal, / Beyond the light that the sweet glances throw / And refluent wave of the sweet smile, may know / The very sky and sea-line of her soul» [8: с. 100]. Дословно данный фрагмент можно перевести так: «Пусть тот, кто ищет красоты, её далёкую цель, / За потоками света нежного взгляда / И отхлынувшей волной улыбки

сладкой, сможет понять / Пределы неба и моря на горизонте её души» (перевод мой. — *М. Л.*).

Но чем же эта метафора могла привлечь Н.С. Гумилёва? Напомним, что стихотворение связано с полотном «Благословенная Беатриче». Разве слова Д.Г. Россетти не напоминают картину: «потоки света ее ласкового взгляда» и «отхлынувшая волна улыбки». Пусть опущены веки Беатриче — всё равно её глаза будто сияют, нет улыбки на лице — так она как раз отхлынула, словно «шумящий прилив». Получается, что в стихотворении Н.С. Гумилёва, связанном с полотном «Благословенная Беатриче», присутствует отсылка к произведению Д.Г. Россетти, тоже содержащему отсылку к этой картине. Единство художественных средств и образных элементов проявляется в общем сюжете, героях и деталях.

Итак, стихотворение Н.С. Гумилёва «Музы, рыдать перестаньте...», открывающее его поэтический цикл «Беатриче», как было показано, ориентировано не только на всемирно известную «Божественную комедию» Данте Алигьери, но и на творчество Д.Г. Россетти (живописное и литературное), глубоко переосмыслившего образ своего великого предшественника. Синтез искусств, определяющий стиль произведения Н.С. Гумилёва, как и культурной эпохи рубежа XIX–XX вв. в целом, обнаруживается не только в характере развертывания лирического сюжета, но и в образно-ассоциативных планах, аллюзиях и словесно-живописной палитре стихотворения.

Библиографический список

Источники

1. *Альфонсов В.Н.* Слова и краски. М.: Сов. писатель, 1966. 244 с.
2. *Белый А.* Символизм. М.: Мусагет, 1910. 633 с.
3. *Буслаев Ф.И.* Мои воспоминания. М.: В.Г. фон-Бооль, 1897. 378 с.
4. *Гумилёв Н.С.* Письма о русской поэзии. Пг.: Мысль, 1923. 223 с.
5. *Гумилёв Н.С.* Полн. собр. соч. в одном томе. М.: Альфа-книга, 2011. 1148 с.
6. *Иванов Вяч.И.* Чурлянис и проблема синтеза искусств // Иванов Вяч.И. Собр. соч.: в 4 т. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1971–1987. Т. 3. С. 147–170.
7. *Лагоша М.* Мрак Данте, 2016 // Крупнейший российский литературный портал «Стихи.ру». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi.ru/2016/10/31/7321> (дата обращения: 31.10.2016).
8. Поэтический мир прерафаэлитов. М.: Центр книги Рудомино, 2013. 372 с.
9. *Флоренский П.А.* Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1994–2000.

Литература

10. *Бушев А.Б.* Проблема экфрасиса // Ученые записки ЗабГУ. Сер.: «Филология, история, востоковедение». 2012. № 2. С. 194–198.
11. *Васильев С.А.* «...Золотописьмо тончайших жил...» (Литература и другие виды искусства). М.: Литера, 2007. 160 с.
12. *Голенищев-Кутузов И.Н.* Данте. М.: Молодая гвардия, 1967. 288 с.

13. *Завьялова М.А.* Экфрасис в творчестве Д.Г. Россетти // Царскосельские чтения, 2014. № XVIII. С. 347–351.
14. *Лосев А.Ф.* Форма. Стиль. Выражение. М.: Мысль, 1995. 944 с.
15. *Майкапар А.* Великие музеи мира. Т. 32: Галерея Тейт. Ярославль: Директ-Медиа, 2012. 96 с.
16. *Минералов Ю.И.* Теория художественной словесности. М.: Владос, 1999. 360 с.
17. *Минералова И.Г.* Русская литература Серебряного века. Поэтика символизма. М.: Флинта, Наука, 2009. 269 с.
18. *Раскина Е.Ю.* Переключка трех голосов: Данте Алигьери, Данте Габриэль Россетти и Н.С. Гумилев // Вісник Дніпропетровського ун. ім. Альфреда Нобеля. Сер.: «Філологічні науки». 2015. № 2. С. 46–51.
19. Эстетика: словарь. М.: Политиздат, 1989. 447 с.

References

Istochniki

1. *Al'fonsov V.N.* Slova i kraski. M.: Sov. pisatel', 1966. 244 s.
2. *Bely'j A.* Simvolizm. M.: Musaget, 1910. 633 s.
3. *Buslaev F.I.* Moi vospominaniya. M.: V.G. fon-Bool', 1897. 378 s.
4. *Gumilev N.S.* Pis'ma o russkoj poe'zii. Pg.: My'sl', 1923. 223 s.
5. *Gumilev N.S.* Poln. sobr. soch. v odnom tome. M.: Al'fa-kniga, 2011. 1148 s.
6. *Ivanov Vyach.I.* Churlyanis i problema sinteza iskusstv // Ivanov Vyach.I. Sobr. soch.: v 4 t. Bryussel': Foyer Oriental Chretien, 1971–1987. T. 3. S. 147–170.
7. *Lagosha M.* Mrak Dante, 2016 // Krupnejshij rossijskij literaturny'j portal «Stixi.ru». [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.stihi.ru/2016/10/31/7321> (data obrabshheniya: 31.10.2016).
8. Poe'ticheskiy mir prerafae'litov. M.: Centr knigi Rudomino, 2013. 372 s.
9. *Florenskij P.A.* Soch.: v 4 t. M.: My'sl', 1994–2000.

Literatura

10. *Bushev A.B.* Problema e'kfrasisa // Ucheny'e zapiski ZabGU. Ser.: «Filologiya, istoriya, vostokovedenie». 2012. № 2. S. 194–198.
11. *Vasil'ev. S.A.* «...Zolotopis'mo tonchajshih zhil...» (Literatura i drugie vidy' iskusstva). M.: Litera, 2007. 160 s.
12. *Golenishhev-Kutuzov I.N.* Dante. M.: Molodaya gvardiya, 1967. 288 s.
13. *Zav'yalova M.A.* E'kfrasis v tvorchestve D.G. Rossetti // Czarskosel'skie chteniya, 2014. № XVIII. S. 347–351.
14. *Losev A.F.* Forma. Stil'. Vy'razhenie. M.: My'sl', 1995. 944 s.
15. *Majkapar A.* Velikie muzei mira. T. 32: Galereya Tejt. Yaroslavl': Direkt-Media, 2012. 96 s.
16. *Mineralov Yu.I.* Teoriya xudozhestvennoj slovesnosti. M.: Vlados, 1999. 360 s.
17. *Mineralova I.G.* Russkaya literatura Serebryanogo veka. Poe'tika simbolizma. M.: Flinta, Nauka, 2009. 269 s.
18. *Raskina E.Yu.* Pereklichka trex golosov: Dante Alig'eri, Dante Gabrie'l' Rossetti i N.S. Gumilev // Visnik Dnipropetrovs'kogo un. im. Al'freda Nobelya. Ser.: «Filologichni nauki». 2015. № 2. S. 46–51.
19. E'stetika: slovar'. M.: Politizdat, 1989. 447 s.

**M.A. Lagosha,
S.A. Vasilyev**

**N.S. Gumilev and D.G. Rossetti:
Creative Dialogue (Poetry and Painting)**

The article considers the interaction of literature and painting creations by the example of D.G. Rossetti's picture «Beata Beatrix» and N.S. Gumilev's poem «Muses, stop weeping...».

Keywords: work of D.G. Rossetti; the image of Beatrice; comparison of artistic means; ekphrasis; synthesis of arts.

И.И. Матвеева

Иронический модус в структуре образа главного героя романа К. Вагинова «Бамбочада»

Автор рассматривает роман К. Вагинова «Бамбочада» как произведение сатиры неклассического типа, определяет роль иронии в создании образа главного героя. В статье уделяется внимание экзистенциальным мотивам отчуждения, одиночества, мотиву театра, а также библейским мотивам жениха, райского сада.

Ключевые слова: неклассическая сатира; ирония; диалогизм; автобиографизм; структура образа героя.

Константин Вагинов — писатель, долгие годы находившийся в тени, — в последнее время вызывает неподдельный научный интерес. Исследователи причисляют его к авангардной ветви отечественной литературы [9; 16], отмечают «сатирический и пародийный склад творческой индивидуальности» [6], интертекстуальность произведений [2; 4; 16], обнаруживают все новые культурные связи и имплицитные коды его поэзии и прозы [7; 9; 11]. Внимание литературоведов чаще всего сосредоточено на поэтике романа «Козлиная песнь», в то время как другие произведения Вагинова остаются практически не исследованными. Несмотря на необходимость «выявления тенденций в развитии художественной характерологии» русской литературы [14: с. 18], «странные» персонажи Вагинова до сих пор не становились объектом системного научного изучения, чем обусловлена актуальность настоящей статьи.

Ирония — неотъемлемая составляющая сатиры неклассического типа. Возникшая на базе экзистенциальной философии и принципах диалогизма [12], сатира этого типа получила распространение в русской литературе на рубеже XIX–XX вв., и прежде всего в творчестве сатириконцев [3; 10], в чьих произведениях В.А. Келдыш отметил «потеснение остро политической темы, обнаженной идеологичности, субъективно-оценочного, пафосного образного языка» и «усиление реалистической конкретности, интереса к быту (сквозь который нередко просвечивало бытие), созерцательных интонаций» [5: с. 283]. Будучи частью общелитературного процесса, неклассическая сатира отказалась от позитивизма, прямого осуждения героев, «впитала в себя... стремление к синтезу жанров и стилей, повышенную концептуальность в оценке мира и человека» [12: с. 12]. Перечисленные черты вполне соотносятся с творчеством Вагинова, в котором сатира представляет не столько форму отрицания, сколько новый принцип художественного изображения жизни,

когда на первый план выходит ирония как способ выражения отношения к миру и одновременно метод познания действительности.

Роман «Бамбочада» (1931) создавался в драматическую пору сталинской реконструкции страны, потребовавшей от советских граждан беззаветного трудового подвига, а от писателей — «героического стиля» и пропаганды образа строителя новой жизни: рабочего, стахановца, полярника. В 1930-е гг. интеллигенция была не в чести, а слово «интеллигент» стало почти ругательным: «Уже исчезло из обихода молодого поколения это проклятое слово “интеллигент”, это бескостное, мяكلое, унылое, мокрокурицыное слово... Через двадцать-тридцать лет исчезнет племя интеллигентов с земли русской. Достойный путь для интеллигента — покончить с собой...» [8: с. 318]. Литература отреагировала на презрительное отношение к культурному слою населения страны тем, что стала активно развивать тему человека, живущего за счет других. В произведениях 1920–1930-х гг. интеллигенту, как правило, отводилась роль либо хилого, мягкотелого человека, либо хитреца, лицемера и предателя, далекого от насущных задач революции. Классические примеры подобных персонажей представлены в творчестве Н. Эрдмана (Подсекальников), И. Ильфа и Е. Петрова (Киса Воробьянинов, Васисуалий Лоханкин), М. Зощенко (Мишель Синягин), А. Платонова (Козлов) и др.

Вагинов, очевидно, в целях контрпропаганды также стремился показать в негативном ключе уходящий старый мир. Именно поэтому образ главного героя, Евгения Фелинфлеина, прочитывается как сатирический типаж, высвечивающий пустую праздную жизнь интеллигенции после революции и продолжающий галерею «мертвых душ» русской литературы. Однако Фелинфлеина нельзя однозначно отнести к комическим типажам, поскольку он лишен одномерности и статичности героев классической сатиры и подан в развитии. Кроме того, в образе Евгения отчетливо ощущается автобиографический компонент, когда за «зыблущейся иронией» писателя, как верно отметила Е. Толстая, «угадывается частичное самоотождествление» [11: с. 59].

Образ Фелинфлеина создается с помощью целого набора «масок», за которыми не видно его истинного лица. В сознании Евгения присутствует, словами М. Бахтина, «Я-другой», все более проявляющийся к концу романа. Личность героя не просто двойственная, но бесконечно множественная.

Включая героя в метатекстуальное пространство всего своего творчества¹, Вагинов сделал Евгения, как и Тептелкина, и персонажа по имени Сентябрь («Козлиная песнь»), и Свистонова («Труды и дни Свистонова»), представителем творческой интеллигенции, но лишил способности к систематическому упорному труду. Евгений Фелинфлеин — праздный мечтатель, жуир, вор, ловелас и альфонс: «...он был греком по профессии, как понимали слово “грек”

¹ О.В. Шиндина, выявив «авторрефлексивные способы организации художественного произведения» [15: с. 31] в романах К. Вагинова «Козлиная песнь» и «Труды и дни Свистонова», пришла к выводу о метатекстуальной природе его творчества.

в XVIII веке, т. е. веселым обманщиком» [1: с. 277]. «Пусть закрыты игорные дома, — говорил он, — для меня — везде игорный дом» [1: с. 277]. Одновременно в образе присутствует лирическое начало, обусловленное диалогическими отношениями автора и героя, поэтому Евгений способен испытывать чувство стыда, осознавать красоту мира и ценность жизни. Уже при первой характеристике героя возникают куплеты, некогда напеваемые «прохвостом, одетым в костюм трубадура», с которым Евгений выступал в цирке: «Умен, умен, умен / Дурак, дурак, дурак» [1: с. 272]. В парадигме «умник – дурак» и представлен Фелинфлеин, причем смещение точки зрения в ту или иную сторону зависит от читательской рефлексии, способности улавливать интертекстуальные аллюзии, разрушающие линейность текста и одномерность образа.

Реализация принципа ассоциативных связей в имени героя

Немалую роль в иронической характеристике Евгения Фелинфлейна играет принцип ассоциативных связей, о котором Вагинов сказал так: «...Протягивается рука смысла из-под одного слова и пожимает руку, появившуюся из-под другого слова, и третье слово руку подает, и поглощает тебя совершенно новый мир, раскрывающийся за словами» [1: с. 94]. Этот принцип начинает работать уже при первом знакомстве с персонажем.

Имя героя сконструировано как своеобразная загадка. Это способ сотворчества с читателем, призванным разгадать полифонию вложенных в него смыслов. Вагинов, испытавший влияние многих поэтических школ, безусловно, понимал силу яркого слова. Фамилия Фелинфлеин обилием ассонансов напоминает что-то цветочное (*фиалка*), музыкальное (*флейта*) и указывает на художественную натуру героя. Ритмическая организация и нехарактерные для русской речи сочетания звуков (*фелин – флейн*) порождают некий «внутренний отклик», имплицитный «отголосок бытия» [13: с. 23], вызывая в сознании образ несколько манерного, далекого от прозы жизни человека. Ассоциативная цепочка приводит, наконец, к поэту немецкого барокко П. Флемингу: фамилия главного героя построена как анаграмма фамилии немецкого поэта (*Фелинфлеин – Флеминг*). Данная коррелятивная пара, очевидно, не случайна. Действительно, немецкая культура живо интересовала Вагинова, имевшего немецкие корни (настоящая фамилия поэта, Вагенгейм, происходит, очевидно, от *нем. Wagenheim* — дом-фургон). Образ Германии, немцев, немецких вещей постоянно возникает в его романах. Флеминг был интересен Вагинову как поэт, имевший сходную биографию (в момент написания романа Вагинов уже знал о своей скорой смерти от туберкулеза)² и близкие поэтические мотивы мира-иллюзии, сна, грезы. Фелинфлеин, как и лирический герой Флеминга, бежит от жизни и нигде не может найти пристанища, и так же, как он, на пороге смерти размышляет о смысле жизни. Таким образом, имплицитная связь

² Флеминг Пауль (1609–1640) — выдающийся лирик немецкого барокко, писавший оды, духовные стихи, сонеты. В 1633–1634 гг. совершил путешествие в Москву, о чем оставил стихи. Умер в молодом возрасте от воспаления легких.

«Фелинфлеин – Флеминг» объясняет оторванность героя от реальной жизни, его экзистенциальный кризис и попытки самоидентифицироваться через творчество.

Вместе с тем звучание фамилии напоминает слова «*филин*» и одновременно «*блеет*» и «*клеит*». На лексическом уровне подобные ассоциации снижают образ, обращают к карнавальным традициям осмеяния. Это поддерживается всей поэтикой романа и декларируется эпиграфом: «Бамбочада — изображение сцен обыденной жизни в *карикатурном виде...*» [1: с. 271] (здесь и далее курсив мой. — *И. М.*). Соотнесение романа с *низким* жанром европейской живописи XVII–XVIII вв. активизирует ироническое отношение к персонажу: герой, подобно филину, ничего не видит при свете солнца, которое словно ослепляет его, скрывает современный динамичный мир. Жизнь Фелинфлеина, ночная и сумрачная, протекает в душных комнатах, подвалах, на чердаке, на *темных* улицах, а при свете дня — в *тенистых* лесах и укромных местечках.

Имя Евгений связывает героя с пушкинской традицией, отсылая одновременно к образам «маленького человека» из «Медного всадника» и «лишнего человека» из романа «Евгений Онегин». Как и герой «Медного всадника», Евгений не способен противостоять силе государства, а потому предпочитает бежать от него, но, в отличие от пушкинского героя, погружается не в безумие, а в мир сладостных грез и иллюзий. Соотнесение с пушкинскими персонажами углубляет образ, и обреченность Фелинфлеина воспринимается как закономерная смерть «благородного человека» в период списывания со счетов старой интеллигенции.

Библейский текст

Интересно, что в кружке Торопуло Евгения звали «изящным» именем Вендимиан, которое, по ироническому замечанию Вагинова, означает «собиратель винограда»³ [1: с. 293]. Авторское пояснение создает ироническое поле, ассоциации с библейскими притчами о виноградарях [Мф. 20: 1–16; 21: 33–43] и проповедью Иисуса, в которой он говорил о себе как о виноградной лозе [Ин. 15]. Евгений и в самом деле собиратель, однако не духовных, а материальных ценностей. «Собирание» для него связано с воровством (кража золотого браслета у невесты Лареньки, мелкие хищения в доме друзей). Примечательно, что, перепродав украденные книги, герой купил себе *виноград* и тут же, не делясь ни с кем, съел его. Так имя Вендиамин в романе получает отрицательные коннотации: Фелинфлеин превращается в апостола, предавшего заповеди Иисуса.

Библейские аллюзии в романе настойчиво повторяются. Таковы, например, *мотивы жениха и невесты*. Вагинов неоднократно именует Фелинфлеина женихом, а Лареньку невестой: «невеста стала переодеваться, *жених* сел спиной...» [1: с. 276], «сквозь деревья *жених* увидел толпу мужчин в цилиндрах...» [1: с. 287],

³ Имя Вендимиан греко-латинского происхождения и действительно означает «собиратель винограда», «виноградарь».

«Евгений... склонился над спящей *невестой*» [1: с. 287], «*жених* и невеста вбежали в ворота...» [1: с. 288] и др. (Ср.: «имеющий невесту есть жених» [Ин. 3: 29]; «...будет царство Небесное десяти девам, которые, взяв светильники свои, вышли навстречу *жениху*» [Мф. 25: 1]). Однако образ Жениха Небесного переосмыслен Вагиновым в пародийном ключе. У Евгения есть невеста, но он не готов вести ее под венец, не может он одарить любовью многочисленных случайных подруг (невест), его интересует лишь плотское проявление любви. Герой не способен на глубокие чувства: он обольщает и предаёт женщин, обворовывает невесту, не берет на себя ответственность за судьбу близких. Жизнь Фелинфлеина напоминает порхание бабочки-однодневки. Не случайно Торопуло говорит о своих гостях, в числе которых Евгений: «...вы ко мне как *мотыльки* на огонь». Ему вторит и сам герой: «...я как *мотылек*, попорхал, попорхал и умер» [1: с. 376].

Противоречие, создаваемое разностью потенциалов двух номинаций Евгения (жених и Вендимиан), требует комментария. Если первое наименование коррелирует со Спасителем, то второе переводит героя на ступеньку ниже — в ряд учеников Иисуса. Отметим также, что в авторской речи Евгений именуется женихом, именем Вендимиан героя называют в кружке Торопуло люди, сами оказавшиеся за бортом истории. Возможно, так, имплицитно, писатель заявлял о потере интеллигенцией веры в высшее начало, об утрате ею самих основ бытия, а потому все герои романа живут прошлым и лишены надежды на будущее.

Иронически поданный образ жениха, не спешащего на брачный пир, иначе высвечивает близких людей Фелинфлеина: *невесту Лареньку и друга Торопуло*. Невеста в классической трактовке библейского текста означает непорочную церковь, в романе же невеста осквернена: пьет вино, употребляет наркотики, посещает притоны, вступает в добрачную связь с Евгением. Но грешит Ларенька, совершая преступления против своей души, ради любви к жениху. И в этом один из парадоксов романа.

Образ друга жениха Торопуло также чрезвычайно важен для характеристики Фелинфлеина. Торопуло — инженер, представитель технической интеллигенции, но служба не интересует его, он полностью сосредоточен на «другой» жизни, связанной с ночными пиршествами, музыкой, филолидией (коллекционированием конфетных оберток). Мир героя гастрономический, в нем царит культ еды, материального достатка, дионисийства. Это подчеркивает его фамилия, основанная на частичной анаграмме, где на фонетическом уровне обыграны слова «рот» и «пузо» (*Торопуло*). Страсть героя к коллекционированию — это попытка сохранить старый мир хотя бы в виде красочных этикеток.

Подчеркнем также, что друзей связывает мотив винограда. Торопуло, вкушая «тревожный *запах винограда*», живет «в атмосфере никогда не существовавшего золотого века» [1: с. 306]. Любуясь природой, он сравнивает цвет воды в пруду с цветом *винограда*, белая ночь для него окрашивается «сладостным» «*виноградным* зеленовато-голубоватым светом» [1: с. 308], но виноград для инженера, как и для Фелинфлеина, всего лишь сладкие ягоды. Так его мечта — плодоносящий райский сад, соотносимый в классической традиции

с представлениями о «тысячелетнем царстве», — дискредитируется, переводится на потребительский уровень, лишается высокого духовного смысла.

Несмотря на то, что образ Торопуло окрашен библейскими аллюзиями (ср.: «друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью *радуется*, слыша *голос жениха*» [Ин. 3: 29]), однако слово «жених» применительно к Евгению для Торопуло актуально лишь в основном своем значении. Высшую сущность, «голос жениха», он постичь не способен. Так, в финале романа Торопуло получает прощальные письма от Фелинфлеина, но не узнает друга за вымышленными именами ученого Загни-Бородова, нумизмата С. Мухина и др. Торопуло не может расшифровать заключенные в них послания, трактуя письма Фелинфлеина в привычном «гастрономическом» ключе. По сути, данный персонаж являет собой образ сбитого с толку апостола, потерявшего ориентир в жизни. Если сам жених не видит цели и блуждает в темноте, то перспективы просветления ученика, не узнающего своего учителя, выглядят и вовсе туманными.

Значение мотива театра для характеристики героя

Как упоминалось выше, истинное лицо Фелинфлеина скрыто за вереницей масок, которые он непринужденно примеряет на себя. Он не сосредоточен ни на одном деле: занимается то актерской игрой, то вокалом, то путешествует, то играет на фортепиано, но главное, он не стремится оставить после себя след. Красноречиво характеризуют образ, передают его динамику глаголы движения: «Фелинфлеин, как всегда, *бежал* впереди» [1: с. 287], «они *побежали* дальше» [1: с. 287], «юноша *вбежал* в узенький сквозной коридор, и некоторое время там была видна его уменьшающаяся фигура» [1: с. 275], «он *быстро-быстро побежал* продавать чужую браслетку» [1: с. 273] и др. Жизнь героя пуста, не наполнена высшим смыслом, стремлением к конкретной цели. Экзистенциальная тоска, которая периодически наваливается на него, заставляет его все бросать и бежать. Спасением от уныния ему представляется некая *иная действительность*, к которой он стремится, но никак не может обрести. Жизнь кажется ему театром, а люди в ней актерами: «Щеголеватые парни с зеленой гребенкой в волосах, с длинной серьгой в ухе <...> играли в рюхи на дворе, на площади бывшей пристройки; они как бы давали *представление* Евгению, настолько они были декоративны» [1: с. 310]; «Какой фантастический бытовой театр!» — думал Евгений [1: с. 313].

Иллюзорность существования героя красочно представлена в ночной сцене после пирушки и во время посещения притона китайца. В этих эпизодах граница между явным и ирреальным стерта. Герой творит свою фантастическую действительность, наблюдая себя словно со стороны, через стекло, оставаясь не участником, а лишь пассивным созерцателем иллюзорного действия: «Женские образы возникали и, не достигнув настоящей плотности, исчезали. Мелькнула Ларенька с ее голубыми, цвета воды, глазами, показала кончик языка и пропала за высокою

решетчатую оградой. <...> По движениям Лареньки Евгений понял, что она идет на свидание; ему любопытно было: на свидание с кем? Сидел духовой оркестр; по движениям музыкантов Евгений понял, что музыка гремит вовсю. Сквозь деревья жених увидел толпу мужчин в цилиндрах и женщин в кринолинах, отплясывающих какой-то танец...» [1: с. 287]. Пышная девственная природа, лениво пасущиеся на лугах стада, веселые беззаботные люди, невеста, спешащая на свидание, — эта нарисованная в воображении Фелинфлеина картина напоминает театральное действо. Однако она тут же разрушается героем. На миг вернувшись в реальность и полюбовавшись спящей Ларенькой, Евгений немедленно поспешил в вымышленный мир: «...провел по губе носовым платком и вообразил себя в будуаре у кокотки» [1: с. 287]. Так реальность смешивается в сознании героя с иллюзиями, превращаясь в подобие балаганного театра, где люди уподобляются куклам, а он кукловоду.

Стремление Фелинфлеина сотворить свой мир становится понятнее, если сопоставить радужные картины его фантазий с жизнью, которую он видит вокруг себя: «...двухэтажное здание с *трециной*, давно не крашенное, с небольшими окнами, с *ухабным* двором» [1: с. 272]; «...было все *мрачно*; *невозможный* запах несся из открытых дверей; часть окон была *забита досками*; другая хотя и сохранила стекла, но почти не пропускала дня, настолько *стекла были покрыты грязью и пылью*» [1: с. 288]; «Крыша протекала, и под ней стояли *ржавые* подносы, *старые* ведра, *полуразбитые* горшки, которые могли еще удержать воду... Окно, так как стекла были разбиты, было загорожено решеткой от детской кровати» [1: с. 289]. Евгения оскорбляют «неокрашенный дощатый забор», «двухэтажное грязное строенье» и «*унывные* звуки гитар» на улице. Пульс современной жизни он не слышит, наблюдая ее с высоты чердачного окна: «Внизу *уменьшенные трамваи* резко звонили. <...> Широкая даль, в огородах разноцветные фигуры окапывают грядки, грузовые автомобили с *приглушенным* шумом проносятся по тихой узенькой улице» [1: с. 290].

Настоящая, не вымышленная жизнь стучится к Фелинфлеину отовсюду, в том числе со страниц прессы, но она не вдохновляет его. Рассеянно просматривая немецкий журнал, Евгений неожиданно наткнулся на фотографию своего троюродного брата Лубкова, эмигрировавшего и женившегося за границей на немецкой принцессе. Фотография — это проекция на потенциальную возможность Фелинфлеина иначе устроить свою судьбу. Однако такая перспектива кажется ему далекой от идеала: Лубков рядом с некрасивой невестой, больше похожей «на старую, не удовлетворенную жизнью гувернантку» [1: с. 318], не выглядит счастливым полнокровным человеком. Для Евгения он всего лишь застывшая часть картинки, напоминание о далекой и уже чужой судьбе.

Исследователями ранее отмечено, что творчество Вагинова насыщено «семантикой смерти» [15: с. 45]. В финале романа герой на пороге гибели преобразается: с него спадают маски, и он наконец осознает ценность жизни. Тело Евгения медленно умирает, но пробуждается душа, готовясь к встрече

с вечностью. Так сатира вторгается в область экзистенциальных смыслов, а ирония приобретает философский смысл. В последнем, неотправленном письме Фелинфлейна сквозит сожаление о бездарно прожитой жизни: «Сейчас я не понимаю, как я мог так жить. Мне кажется, что если бы мне дали новую жизнь, я иначе прожил бы ее» [1: с. 376].

Подводя итог сказанному, отметим, что в романе «Бамбочада» К. Вагинов создал новый вариант литературного героя-интеллекта. В лице Евгения Фелинфлейна писатель подверг критике стиль жизни интеллигенции. Однако изображение пустого, бессмысленного существования высвечивает в романе не столько отрицательное отношение автора к герою, сколько его экзистенциальный ужас перед катастрофичностью современности, перед социальной потерянностью людей, к которым Вагинов относил и себя. Автор отказался от однозначного осуждения своего героя. Используя средства философской иронии в обрисовке образа, писатель избежал прямолинейности, сделал Фелинфлейна одновременно поверхностным и глубоко чувствующим, комическим и трагическим. Именно так Вагинов утверждал эстетическую ценность незавершенного героя, находящегося в вечном становлении и способного к духовному возрождению на любой стадии падения.

Библиографический список

Источники

1. Вагинов К. Козлиная песнь. Романы. Стихотворения и поэмы. М.: Эксмо, 2008. 608 с.

Литература

2. Бреслер Д.М. «Вот и палец можно истолковать по Фрейду»: прагматика интертекста в романе К.К. Вагинова «Козлиная песнь» // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. № 3. Т. 1. С. 46–55.

3. Брызгалова Е.Н. Творчество сатириков и эстетические искания поэзии Серебряного века // Комическое в русской литературе XX века / сост. и ред. Д.Д. Николаев. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 31–37.

4. Бухштаб Б. Вагинов // Тыняновский сборник: Четвертые Тыняновские чтения. Рига, 1999. С. 271–277.

5. Келдыш В.А. Реализм и неореализм // Русская литература рубежа веков. М.: Наследие, 2001. Кн. 1. С. 259–335.

6. Кибальник С.А. Ахматова о Вагинове и у Вагинова // Образовательный портал «Слово». [Электронный ресурс]. URL.: http://www.portal-slovo.ru/philology/44112.php#_edn17 (дата обращения: 1.10.2016).

7. Кибальник С.А. Велимир Хлебников в «Козлиной песни» Константина Вагинова (К вопросу о криптографии в русском авангарде 1920-х гг.) // Новый филологический вестник. 2014. № 2 (29). С. 19–31.

8. Левидов М.Ю. Организованное упрощение культуры // Красная новь. 1923. № 1. С. 306–318.

9. Пурин А. Воспоминания о Евтерпе // Urbi: Литературный альманах. Вып. 9. СПб.: Журнал «Звезда», 1996. 256 с.

10. *Спиридонова Л.А.* «Лиро-сатира» как жанр комического в русской литературе // Комическое в русской литературе XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 23–30.
11. *Толстая Е.* МирПослеконца: Работы о русской литературе XX века. М.: РГГУ, 2002. 511 с.
12. *Федяева Т.А.* Диалог и сатира: Проблемы поэтики сатиры неклассического типа. СПб.: Союз писателей России, 2013. 284 с.
13. *Флоренский П.* Имена: Соч. М.: Эксмо, 2008. 896 с.
14. *Чернец Л.В.* Тип персонажа и его эволюция // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 4. С. 13–24.
15. *Шиндина О.В.* Творчество К.К. Вагинова как метатекст: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010. 23 с.
16. *Шукуров Д.Л.* Концепция слова в дискурсе русского литературного авангарда. СПб.; Иваново, 2007. 440 с.

References

Istochniki

1. *Vaginov K.* Kozlinaya pesn'. Romany'. Stixotvoreniya i poe'my'. M.: E'ksmo, 2008. 608 s.

Literatura

2. *Bresler D.M.* «Vot i palecz mozhno istolkovat' po Frejdu»: pragmatika interteksta v romane K.K. Vaginova «Kozlinaya pesn'» // Vestnik LGU im. A.S. Pushkina. 2014. № 3. T. 1. S. 46–55.
3. *Bry'zgalova E.N.* Tvorchestvo satirikoncev i e'stetcheskie iskaniya poe'zii Serebryanogo veka // Komicheskoe v russkoj literature XX veka / sost. i red. D.D. Nikolaev. M.: IMLI RAN, 2014. S. 31–37.
4. *Buxshtab B.* Vaginov // Ty'nyanovskij sbornik: Chetverty'e Ty'nyanovskie chteniya. Riga, 1999. S. 271–277.
5. *Keldy'sh V.A.* Realizm i neorealizm // Russkaya literatura rubezha vekov. M.: Nasledie, 2001. Kn. 1. S. 259–335.
6. *Kibal'nik S.A.* Axmatova o Vaginove i u Vaginova // Obrazovatel'ny'j portal «Slovo». [E'lektronny'j resurs]. URL: http://www.portal-slovo.ru/philology/44112.php#_edn17 (data obrashheniya: 1.10.2016).
7. *Kibal'nik S.A.* Velimir Xlebnikov v «Kozlinoj pesni» Konstantina Vaginova (K voprosu o kriptografii v russkom avangarde 1920-x gg.) // Novy'j filologicheskij vestnik. 2014. № 2 (29). S. 19–31.
8. *Levidov M.Yu.* Organizovannoe uproshhenie kul'tury' // Krasnaya nov'. 1923. № 1. S. 306–318.
9. *Purin A.* Vospominaniya o Evterpe // Urbi: Literaturny'j al'manax. Vy'p. 9. SPb.: Zhurnal «Zvezda», 1996. 256 s.
10. *Spiridonova L.A.* «Liro-satira» как zhanr komicheskogo v russkoj literature // Komicheskoe v russkoj literature XX veka. M.: IMLI RAN, 2014. S. 23–30.
11. *Tolstaya E.* MirPoslekonca: Raboty' o russkoj literature XX veka. M.: RGGU, 2002. 511 s.
12. *Fedyayeva T.A.* Dialog i satira: Problemy' poe'tiki satiry' neklassicheskogo tipa. SPb.: Soyuz pisatelej Rossii, 2013. 284 s.
13. *Florenskij P.* Имена: Соch. М.: E'ksmo, 2008. 896 с.

14. *Chernecz L.V.* Tip personazha i ego e'volyuciya // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2016. № 4. S. 13–24.
15. *Shindina O.V.* Tvorchestvo K.K. Vaginova kak metatekst: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2010. 23 s.
16. *Shukurov D.L.* Konceptsiya slova v diskurse russkogo literaturnogo avangarda. SPb.; Ivanovo, 2007. 440 s.

I.I. Matveeva

**Ironic Modus in the Image Structure of the Protagonist
of the Novel by K. Vaginov «Bamboccianti Painting»**

The author considers the novel «Bamboccianti Painting» by K. Vaginov as a literary writing of non-classical satire; defines the role of irony in the protagonist's image creation. The article reviews the existential motifs of alienation, loneliness, along with the motive of theater and biblical motives of bridegroom and Paradise.

Keywords: non-classical satire; irony; dialogism; autobiographism; structure of hero's image.

УДК 821.161.1.09"1917/1991"

Е.Е. Завьялова

Структурная организация повести Ф.Н. Горенштейна «Последнее лето на Волге»

В статье доказывается, что важнейшим принципом организации художественного мира в повести Ф.Н. Горенштейна является антитеза, которая функционирует на содержательном, лексическом, грамматическом уровнях. Отмечается контрастность деталей пейзажа, портретов, психологических состояний, системы образов, понятий и др. Раскрываются особенности временных и пространственных противопоставлений. Доминирование в тексте антиномических связей объясняется полемической заостренностью суждений писателя.

Ключевые слова: антитеза; контраст; амбивалентность; лирическая повесть.

В повести Ф.Н. Горенштейна «Последнее лето на Волге» (1988) ослаблена внешняя событийная линия. Основное действие начинается после полудня и завершается вечером. Рассказчик подъезжает к незнакомому городу, чтобы пересечь с небольшого пароходика на современное судно и двигаться дальше вниз по реке. Из-за непогоды приход плавучего отеля задерживается, мужчина от скуки слоняется по окрестностям. Он теряет дорогу, обедает в «Блинной», едет в автобусе, высаживается, увидев пристань, наблюдает за игрой детей, делает попытку защитить нищенку, потом беседует с ней — и по ее совету уезжает на катере к другой пристани, более удобной для швартовки. Путевые впечатления становятся поводом для размышлений, переживаний и рассуждений.

Особый характер развития действия диктует отбор средств художественной выразительности, их тонкую нюансировку. Структурирующим принципом в «Последнем лете...» является, на наш взгляд, антитеза.

По своей природе лирическая повесть ориентирована на *совмещение противоположных интенций*: многоплановость отображения внешнего мира, характерная для эпоса, сочетается в этом жанровом образовании с эмоциональностью лирики, сосредоточенной на переживаниях героя. Отсюда вариативное развитие тем, подчинение логики повествования субъективным ассоциациям нарратора, синкретичность пространственно-временной организации и т. п. Добавим к этому острый интерес Ф.Н. Горенштейна к социально-историческим коллизиям, национальному вопросу, обусловивший сплав художественного и публицистического начал в произведении; наличие особо выделенного теоретико-философского компонента. Включение в повесть разных «жанровых языков» определяет гибкость формы и многоаспектность содержания.

Основанием для пристального взглядывания лирического героя в окружающее становится теория А. Шопенгауэра о «вещи в себе»; путешественник берет в поездку томик сочинений немецкого философа.

«Оказалось, невозможно понять даже волжский пейзаж, не говоря уже о волжских впечатлениях, без учения Шопенгауэра о созерцании <...> как о совершенном акте познания. “Спокойное лицезрение непосредственно предстоящего предмета... теряется в этом предмете... Предмет как бы остается один, без того, кто его воспринимает, и даже нельзя отделить созерцающего от созерцаемого”. В этом учении Шопенгауэра я бы только слово “спокойное” подменил словом “отрешенное”, когда от печали тяжелеет сердце» [1: с. 6].

Согласно концепции немецкого мыслителя, мир как представление, мир объективный, имеет *два неподвижных полюса*: с одной стороны — познающий субъект сам по себе, помимо форм своего познания, с другой — «грубая материя без форм и качеств» [6: с. 14]. Утверждается перманентная связь этих полюсов: «одно существует только для другого, оба стоят и падают вместе, одно служит лишь рефлексом другого и даже, собственно говоря, представляют они собою одно и то же, но только рассматриваемое с двух противоположных сторон...» [6: с. 15]. Эта идея *нераздельности-неслиянности* принципиально важна не только для определения способа организации анализируемого нами художественного текста, но и для осмысления проблем, поднимаемых Ф.Н. Горенштейном в повести.

Философское обоснование позиции лирического героя, с которой созерцаются картины, подкрепляется психологической мотивировкой его «эпистемологического» дуализма. Вспоминается последнее — десятое — путешествие по Волге, время, когда было принято решение навсегда уехать в эмиграцию. «В прощальном взгляде всегда горечь, всегда тоска умирания, представление о том, как окружающий тебя мир будет жить без тебя, и вдруг наступает радостно-тоскливое языческое чувство потери себя...» [1: с. 6]. По сути, путешественник в «Последнем лете...» — классический представитель типа лишнего человека [4: с. 9]. Его «эвристический настрой» обуславливает многообразие параллелей. Провинцию он сравнивает со столицей (в которой жил в последние годы), город мечты Чимололе, увиденный во сне, — с сытым Берлином (местом нынешнего пребывания). По этой же причине в повесть вводятся *ретроспективные фрагменты*: в попытке постигнуть тайны характера тогда еще своих сограждан и судьбу тогда еще своей страны рассказчик соотносит времена существования восточнославянских племен с эпохой империи, Библию с «Капиталом» Маркса, начало Ливонской войны со сталинским 1937 г. и т. д. По его мнению, объективно оценить ситуацию способен только тот, кто находится извне: «...орлиный взгляд сверху, внешний взгляд Шопенгауэра или Шекспира, а то и скромный взгляд со стороны таких пасынков России, как я, когда прощальное созерцание подобно умиранию и когда видишь все вокруг в последний раз» [1: с. 21].

С риторической фигуры, близкой к *акротезе* (контрастивному отрицанию), начинается повесть: в эпиграфе, отрывке из некрасовского «Размышления у парадного подъезда», радостная картина весеннего паводка соотносится с образом «великой скорби народной»: полая вода, с одной стороны, людские слезы — с другой. Контрастна первая картина в самом произведении: «Плывешь мимо волжских берегов — правого, нагорного, торжественно-высокого, о который с силой бьются волны, и левого, обыденного, лугового, затопляемого в половодье» [1: с. 7].

Далее рассказчик сравнивает уже не два берега, а исток с устьем: «Я люблю верхнюю, болотисто-лесистую, сырую, озерную, русскую Волгу больше низовой, азиатской, с песчано-глинистой степью по берегам и с пряным запахом близкой пустыни. Да и сама-то Волга в верховьях имеет вид длинного, мелкого, извилистого озера <...>. На низовой Волге, где река по-морскому широка. <...> Доимперская Русь кое-где еще теснится в верховьях среди болотец со своими худыми костлявыми отечественными щуками, окунями, ершиками. А белуга, осетр, стерлядь — это уже имперский товар, колониальный, ныне главным образом валютный» [1: с. 7]. Значения ‘болотистый’ — ‘песчаный’, ‘сырой’ — ‘пряный’, ‘костлявый’ — ‘бескостный’, ‘доимперский’ — ‘великодержавный’ включены в *аллюйозу*, развернутое сопоставление двух характеристик предмета, они подчеркивают несхожее в том, что предварительно определено как сходное [7: с. 21].

В день, когда происходят события «Последнего лета...», погода неустойчивая; соответственно описания природы динамичны. См.: «Пока плыли озерами, дождь утих, посветлел волжский мир и начал рассказывать о себе весело, словно под балалаечку <...>. Но затем все потускнело, потухло, опять заунывно, однообразно забубнил дождь, и окружающий волжский мир стал серьезно-угрюм, агрессивно-обидчив...» [1: с. 8]. «...Дождь к тому времени кончился, и даже ненадолго стало появляться солнце» [1: с. 11]. «...В который раз начинался дождь, шумела от ветра мокрая листва» [1: с. 19]. «...Волжского вида, повеселевшего от пробившегося наконец сквозь тучи солнца...» [1: с. 29]. «Чайки с визгливой мольбой носились над белыми пенистыми волнами, вот-вот опять должен был начаться дождь» [1: с. 50]. *Чередование картин* делает не богатое на события повествование подвижнее. Описания у Ф.Н. Горенштейна включают в себя много глаголов движения, содержащих в смысловой структуре компонент активности. Смена погоды соотносится с изменением настроения лирического героя: природа либо непосредственно воздействует на эмоции рассказчика, либо отражает его внутренние переживания. Иногда своей тональностью пейзажные описания предвещают бытовые сцены с соответствующим колоритом (перед посещением «Блинной», например).

Антитетическая организация обнаруживает себя и на уровне отдельных фраз. Матросы готовят сходни, переключаясь с мужчиной на дебаркадере «то весело, то сердито» [1: с. 9]. Стоя перед «Блинной», повествователь размышляет:

«Надо было либо уйти, либо войти» [1: с. 19] (здесь представлена грамматическая антитеза). О встреченной нищенке отзывается: «...Та, которую я хотел защитить, меня защитила» [1: с. 37]. О пережитом сообщает: «...Я буду помнить этот волжский мутно-молочный день, и эту волжскую черную ночь» [1: с. 55]. Рассуждая о сложности человеческой природы, констатирует: «После света нужна тьма, после тьмы — свет» [1: с. 29]. А потом приходит к выводу, что «дети — бальзам, врачующий душевные раны. С одной стороны, врачующие, но с другой стороны, растрavляющие» [1: с. 31]. Прочитированные высказывания имеют в своей основе *синкрисис* (мукабалу), поскольку состоят из двух симметрично построенных словосочетаний (предложений), «в каждом из которых имеется ряд компонентов, вступающих в антонимичные отношения» [7: с. 48]. В.Н. Цоллер относит склонность к критическому осмыслению действительности, основанному на полном противопоставлении различных сторон одного и того же феномена, к одному из типичных свойств человеческого мышления [3: с. 78]. У Ф.Н. Горенштейна эта склонность проявляет себя особенно ярко.

Сходную функцию выполняют *сочетания несочетаемых деталей* в портретах, бытовых зарисовках и пр. Примеры: визави рассказчика в питейном заведении — человек с маленьким лицом и руками «не просто большими, а огромными» [1: с. 22]; потрясшие столичного жителя непревзойденным вкусом «русские ароматные блинчики на грязной вонючей скатерке» [1: с. 21]; трофеи сошедшей с парохода незнакомки («четыре бутылки шампанского, три отдающих в синеву булыжника мороженных куриц, два батона варено-копченой колбасы, килограммов пять апельсинов» [1: с. 10]) и еще более нелепые в своей кажущейся несовместимости вещи путешественника, выпавшие из чемодана («кеды, зубная щетка, порошок от клопов <...> и томик сонетов Шекспира» [1: с. 49]). Все эти частности не только передают причудливость существования страдающих от бытовых неурядиц советских граждан — действие происходит в 1980-е гг., — но и указывают на парадоксальность жизни в целом, на «кентавризм» человеческого сознания.

По словам Т.А. Черновой, Ф.Н. Горенштейн обладает «удивительным мастерством очень сильной, точной и емкой детали» [5: с. 146]. «Случайно услышанные» лирическим героем рассказы об убийстве отца на свадьбе или о запрете сажать вишневые деревья на кладбище несут глубокий смысл, наряду с другими «мелочами» создавая панораму алогичной действительности. Ряд сценок называет символическими сам нарратор: «Кровь из разбитого носа прямо в сосуд потекла, в стакан с водкой. От такого символа еще сильнее тошнит» [1: с. 24]; «Вот он, итоговый символ всего мной виденного и прочувствованного» [1: с. 46].

Следует особо отметить *пространственные оппозиции* «верх — низ» и «снаружи — внутри», играющие в повести концептуальную роль. Герой, следуя с пристани до зала ожидания, поднимается вверх «по крутой деревянной лестнице с шаткими перилами, проложенной вдоль гранитного обрывистого

берега» [1: с. 9], «перенапрягая сердце» [1: с. 9]. Его перегоняют все остальные пассажиры, «даже сгорбленный древний старичок с кошелкой и клюкой» [1: с. 9]. Так уже в начале повести дает о себе знать мотив отчужденности.

Людей городка отличают общие черты: «...Открытые части тела здесь у многих красные — руки, лица, затылки. Это от ветра и водки» [1: с. 14]. Путешественника жители воспринимают как *постороннего*. Это отчетливо проявляется в сцене возле бани. Заплутавший герой видит старушку; узнать дорогу не удастся: пенсионерка, взглянув на незнакомца «испуганно-враждебно», как «на чужака» [1: с. 13], семенит прочь. Не слышат (или не хотят слышать) его вопросов и другие прохожие.

Небольшая площадь между «грязными кабаками» [1: с. 20] — выразительный символ ограниченности горожан — интеллектуальной, душевной, физической. Здесь рассказчик раздумывает, в «Пончиковую» ему зайти или в «Блинную». Первая «стекляшка» выглядит слишком непривлекательной, во вторую он не может попасть. Сквозь окна видны люди с одинаковым выражением лиц, охваченных «радостным забытьем, <...> блаженной задумчивостью» [1: с. 17]. Снова *топологическая оппозиция*: он на лестнице внизу — остальные наверху, он на улице снаружи — остальные внутри... «В современной прозе тема антидома активно осмысливается через образы коммунальной квартиры, общаги, больницы, гостиницы» [2: с. 12], — пишет А.И. Смирнова. В «Последнем лете на Волге» такими антидомами предстают заведения общепита.

Главный герой определяет свое фатальное отличие от окружающих как «непрофессионализм»: «ведь жить в современной России — это профессия» [1: с. 10]. Умение «приживаться» на земле, своей или чужой, он считает особенностью, присущей далеко не всем: «нечем ухватиться, корня нет» [1: с. 13]. Наконец рассказчику удастся проникнуть в помещение. Он обедает, запивая еду водкой; «приобщение к обществу» [1: с. 22] помогает обрести подобие равновесия. Хотя путешественник остается «необычным, непривычным чужаком» [1: с. 25], не может избавиться от неловкости и брезгливости («Это трагическое чувство отверженного — быть и в мире и вне мира» [1: с. 22]). Позднее появляется женщина-попрошайка, и делается понятно, что подлинным изгоем в «Блинной» является не он, а нищенка.

Персонажи «Последнего лета...» выстроены в ряд *двойников-антиподов*. Путешественник сравнивает себя со встречными. Взираясь по мучительнице-лестнице, он наблюдает за идущей «свободным широким шагом» [1: с. 9] спутницей с неподъемной поклажей. «...Колхозница, точно двужильная, бодро, привычно поднималась..., а я все более от нее отставал...» [1: с. 10]. В общепитовском заведении нарратор видит мужчину, который так же, как он, ест блинчики и пьет водку; не обремененный интеллектом грозный «богатырь» являет собой полную противоположность главному герою, рафинированному интеллигенту со «слабыми коленями» [1: с. 36]. Еще один антипод — подросток Сережа, «бесчувственно-жестокий» [1: с. 33] хулиган; его

враждебность по отношению к чужаку «в модном столичном плаще» не ограничивается антисемитским ругательством; едва удается избежать столкновения с «уличным ножом» [1: с. 37].

От малолетнего хулигана путешественника спасает та самая нищенка из «Блинной». Их разговор можно назвать лирической кульминацией повести. Люба — так зовут попрошайку — приглашает рассказчика к себе в «жилище», устроенное внизу, на дебаркадере (вновь актуализируется оппозиция «верх — низ», мотив маргинальности звучит здесь наиболее отчетливо). Выясняется, что «нищая русалка» [1: с. 40] (обратим внимание на *катахрезу*) вынуждена собирать пустые бутылки, чтобы накопить денег на обратную дорогу, вернуться в деревню к мужу. Главный герой узнает историю Любы, отсидевшей 15 лет за непреднамеренное убийство, и понимает, что женщина совсем не так проста, как кажется. Ее спокойное, полное достоинства поведение внушает уважение. Контраст между убогой обстановкой и исходящим от собеседницы внутренним светом разителен. Путешественник не в силах преодолеть возникшую «нелепую душевную близость» [1: с. 40]. Наблюдая, как грязная попрошайка жует недоеденные кем-то куски, он приходит к выводу, что именно так, непарадно, выглядит родина (писатель вновь использует прием акротезы): «Нет, не краснощекая, стройная, грудастая красавица в вышитом сарафане и кокошнике, которая на позолоченном блюде, застланном белоснежным вышитым полотенцем, подносит большой свежеиспеченный хрустящий хлебный каравай и белую чистую соль в хрустальной солонке, — бутафорская ряженая Россия. Вот если бы вместо красной девицы вышла встречать черные лимузины и международные самолеты Люба со своими черствыми нищими кусками хлеба и своей мокрой серой солью в тряпице. Нищая русалка, безгрешная убийца с кротким светлым взглядом и горькой осенней душой» [1: с. 47].

Далее «нищая Россиюшка» [1: с. 50] Люба сопоставляется со «свекровью-Россией». Эта антитеза является, на наш взгляд, центральной в произведении Ф.Н. Горенштейна. Жизнь Любы перечеркнута случайностью: в юности она ударила скалкой в висок тиранившую ее свекровь, как оказалось, насмерть. Рассказчику приходит на память классическая пьеса: «Вариации на сюжет Островского... из драмы “Троза”, здесь же, на волжских берегах, разыгравшейся...»¹ [1: с. 41]. В катере путешественник видит последнюю потрясшую его картину: неподалеку сидит пожилая женщина «безликого облика» [1: с. 50]; к груди она прижимает огромную свиную голову, упирався в «трофей» подбородком. «И я поразился схожестью не только выражения на женском лице и свином облике, но схожестью даже каких-то внешних черт. Не скажу, что лицо у женщины было злое, скорей мертво-тупое, как и у свиной головы. Неподвижное какое-то, застывшее, и мне почудилось, что голова женщины, как и свиная, запачкана замытой розовой кровью» [1: с. 50]. Рассказчик сравнивает увиденную женщину с Любиной свекровью (видимо,

¹ Примечательно, что любимую куклу, с которой спит Люба, зовут Катенька.

по ассоциации с Кабанихой). И возводит этот образ до глобального художественного обобщения. *Две ипостаси Родины*: одна — многоголовая, неодолимая, пожирающая других и себя, другая — одинокая бездомная Любовь, та, что понимает и прощает.

Главный герой прямо или косвенно сопоставляется с другими персонажами. Это полковник-артиллерист из зала ожидания, пьяный из телефонной будки, редкозубый седой пассажир из автобуса, мальчик из парка, молодой немец, обуреваемый «сытой тоской» [1: с. 58]. Любитель русского языка, гуляка, от которого «даже в будничные дни постоянно пахнет хорошим немецким пивом и добротным немецким шнапсом» [1: с. 58], оттеняет образ главного героя с его «постоянным гамлетовским напряжением» [1: с. 49]. На примере добродушного берлинца рассказчик демонстрирует господство скрытого единства «живой души и тупого вещества» [1: с. 58]. Сам же он вновь чувствует себя чужим, по-прежнему проводит *границу «между нами и ими»* (курсив мой. — Е. З.) [1: с. 59]. Однако содержание понятий «они» и «мы» оказывается иным.

Последний абзац повести тоже содержит противопоставления: духота — и прохлада; «утомляющая, бездушная праздничная улица» Берлина — и спокойная, гладкая вода канала, над которым прогуливается «влажный, речной, совсем волжский ветер»; «удручающая злоба на жизнь» — и «благие минуты», когда «мелодия сердца становится приятней» [1: с. 60]. В мыслях рассказчик возвращается назад, в Россию. Заключительные строки произведения зеркально отражают начало. Круг замыкается.

Итак, в повести «Последнее лето...» принцип антитезы является ведущим. Дихотомические ярусы изоморфны друг другу: контрасты одного уровня дублируются контрастами другого, представая в неразложимом единстве элементов. Противопоставления помогают создать яркие, динамичные образы, отразить диалектику жизни, облегчают восприятие, подчеркивают содержательные сигналы, способствуют формированию оценочного отношения к происходящему. Бинарные оппозиции — результат сосредоточенности Ф.Н. Горенштейна на проблемах *противостояния* человека и мира, добра и зла. Доминирование в тексте антиномических связей обусловлено резкой оценочностью, полемической заостренностью суждений писателя.

Библиографический список

Источники

1. Горенштейн Ф.Н. Последнее лето на Волге // *Время и мы*. 1989. № 105. С. 5–60.

Литература

2. Смирнова А.И. Локус дома в современной русской прозе // *Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2015. № 3 (19). С. 8–14.

3. Цоллер В.Н. Эмоционально-оценочная энантиосемия в русском языке // *Филологические науки*. 1998. № 4. С. 76–83.

4. Чернец Л.В. Тип персонажа и его эволюция // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 4 (24). С. 8–16.

5. Чернова Т. Читая Фридриха Горенштейна: заметки провинциального читателя // Октябрь. 2000. № 11. С. 146–152.

6. Шопенгауэр А. Собр. соч.: в 6 т. / пер. с нем.; под ред. А. Чанышева. М.: Terra – Кн. клуб: Республика, 2001. Т. 2. 560 с.

Справочные и информационные издания

7. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты: энциклопедический словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. М.: Флинта, 2011. 480 с.

References

Istochniki

1. Gorenstejn F.N. Poslednee leto na Volge // Vremya i my'. 1989. № 105. S. 5–60.

Literatura

2. Smirnova A.I. Lokus doma v sovremennoj russkoj proze // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 3 (19). S. 8–14.

3. Collier V.N. E'mocional'no-ocenochnaya e'nantiosemya v russkom yazy'ke // Filologicheskie nauki. 1998. № 4. S. 76–83.

4. Chernecz L.V. Tip personazha i ego e'volyuciya // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2016. № 4 (24). S. 8–16.

5. Chernova T. Chitaya Fridrixa Gorenstejna: zametki provincial'nogo chitatelya // Oktyabr'. 2000. № 11. S. 146–152.

6. Shopengaue'r A. Sobr. soch.: v 6 t. / per. s nem.; pod red. A. Chany'sheva. M.: Terra – Kn. klub: Respublika, 2001. T. 2. 560 s.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

7. Vy'razitel'ny'e sredstva russkogo yazy'ka i rechevy'e oshibki i nedochety': e'nciklopedicheskij slovar'-spravochnik / pod red. A.P. Skovorodnikova. M.: Flinta, 2011. 480 s.

E.E. Zavyalova

Structural Organization of the Tale by F.N. Gorenstein «Last Summer on the Volga»

The article argues that the most important principle of organization of the artistic world in the novel by F.N. Gorenstein is the antithesis, which operates on content-related, lexical, and grammatical levels. The contrast is notable in details of landscape, portraits, psychological states, character system, concepts, etc. Temporal and spatial oppositions have their peculiarities. Polemical sharpness of the writer's judgements explain antinomian relations prevalent in the text.

Keywords: antithesis; contrast; ambivalence; lyrical novel.

Т.А. Ковалева

Особенности употребления фразеологических эвфемизмов ядерных номинаций концепта «death»

Использование фразеологических эвфемизмов маскирует суть происходящего, нередко скрывая самые мрачные явления действительности под маской мнимого благополучия. С помощью фразеологических эвфемизмов более полно отображаются культура и обычаи определенного народа. Анализ происхождения фразеологических эвфемизмов концепта «death» указывает на то, что данный концепт является одним из самых табуированных и что западное общество стремится уйти от вербального соприкосновения даже с тем, что вполне естественно и заложено самой природой.

Ключевые слова: фразеологические эвфемизмы; концепт; смерть.

Сегодня изучение различных языковых явлений, в частности фразеологических эвфемизмов, все больше смещается в сферу когнитивной лингвистики. Исследования фразеологических эвфемизмов в свете данного лингвистического направления дают возможность по-новому взглянуть на уже известные явления, а также объяснить, уточнить и дополнить тот или иной языковой феномен.

Эвфемизмы являются языковым отражением разного рода социальных категорий и концептов. Многие ученые поднимают вопрос о проблеме интерпретации понятия *концепта* в различных дисциплинах. А.В. Алексеев указывает на то, что, хотя задачи исследования у них отличаются, предметом признается языковая семантика, «которая формируется при взаимодействии двух разных кодов — языка и культуры» [1: с. 85].

В данной статье мы рассматриваем фразеологические эвфемизмы английского языка как культурные концепты, в которых, в общем представлении, объединены слова, вещи, мифологемы и ритуалы [5: с. 134]. Фразеологические эвфемизмы, в отличие от эвфемизмов — единичных слов, имеют дополнительные коннотации, полнее раскрывают культурно-социальный смысл нового названия, выступают более сложным отражением общественной оценки

явления, ярче выражают стилистическую и жанровую принадлежность названия, относятся к частотному виду эвфемистических замен [2: с. 52].

Трудно недооценить замечания о том, что «лексическое содержание оказывается наиболее актуальным для культурологической, логической и исторической интерпретаций концепта. Собственно лексический концепт разворачивается в истории, и как историческая реальность отождествляется со словом, и потому предметы исследования исторической концептологии и исторической лексикологии в значительной степени совпадают» [1: с. 88].

Обращение к концепту *смерть* (*death*) связано с тем, что он относится к числу из базовых концептов, универсален по своей сути, т. е. представлен во всех лингвокультурах [4: с. 56]. Феномен смерти всегда интересовал человека, эта тема занимает важное место в культуре и философии и остается актуальной в современном мире. В данном концепте актуализируется общественно-исторический опыт, накопленный человечеством за всю историю своего существования. Однако в естественных языках этот базовый концепт находит разное преломление, так как у каждого народа свое видение вопроса о том, что такое конец жизни и что ждет человека после смерти.

Банально, но смерть — большое табу для современного западного общества. Во времена Средневековья люди боялись смерти, но не дрогнули перед ней, изгоняя ужас смерти, смело противостоя ее образу в религиозной и популярной иконографии. Викторианцы, наполовину обожествлявшие ее, идеализировали смерть и были склонны к открытому обращению к смерти. Но сегодня, когда образ смерти используется в военных комиксах, телевизионных программах о преступлениях, когда в игровое кино включены сцены убийства ради дешевых острых ощущений зрителей, предпринимаются значительные усилия, чтобы избежать непосредственного упоминания о смерти, так как упоминание о ней смущает людей и порождает страх, особенно в связи с повсеместными террористическими угрозами.

Основным средством репрезентации концепта служит семантическое поле, название которого является ключевым словом, реализующим данный концепт в тексте. Но существуют и другие средства вербализации концепта, которые относятся уже к другим слоям, ядерным и периферийным [1: с. 87–88].

В рамках ограниченного объема статьи раскроем лишь ядерные номинации концепта **death**, а именно *смерть* и *умирать*, представленные разнообразными фразеологическими эвфемизмами, которые согласно функционально-семантическим характеристикам имеют единую семантическую основу, исходящую из постулата: смерть многолика, но мы говорим о смерти, как о чисто биологическом процессе (остановке жизненно важных функций организма).

Понятие отсутствия умершего выражается с помощью словосочетания *нет больше с нами* (*no longer with us*), и наоборот, утвердительное высказывание *все еще с нами* (*still with us*) обозначает все еще живой; что касается реакции друзей умерших людей и отношения к их отсутствию, то в таких

случаях говорят, что умершие люди для них потеряны и что это для них *горькая утрата* (*sadly missed*). Человека, который оплакивает смерть другого человека, называют *оставленным после себя* (*left behind*).

Определение смерти соотносится с состоянием сна — состояния, которое имитирует некоторые признаки смерти в достаточной степени, чтобы служить источником для выражения *маленькая смерть*. Как и слово *отдыхать* (*rest*), выражение *спать* (*sleep*) существовало в течение столетий в качестве эвфемизма для словосочетания *быть мертвым*, например в «Элегии на сельском кладбище» Томаса Грея (1750) есть такие строки: «Под кровом черных сосен и вязов наклоненных, которые окрест, развесившись, стоят, / Здесь праотцы села, в гробах уединенных / Навеки затворясь, сном непробудным спят (Beneath those rugged elms, that yew-tree's shade, Where heaves the turf in many a mouldering heap, Each in his narrow cell for ever laid, The rude forefathers of the hamlet sleep)» [6: p. 234].

В этом контексте обычно используются фразеологические эвфемизмы со словом *сон*: *вечный сон* (*last sleep*), *сон смерти* (*sleep of death*) и т. д. Слова сэра Вальтера Скотта *спит непробудным сном...* (1810) типичны для более цветистых иносказаний. Причастие *спящий* (*asleep*) выполняет ту же самую функцию: такой фразеологический эвфемизм, как *спящий вечным сном* (*asleep in Jesus*), впервые был употреблен в XII в., а выражение *заснул вечным сном* (*asleep in the Lord*) обычно используется в качестве синонима глагола умирать в надписях на могильных плитах и в некрологах. Выражение *закрывать глаза* (*close one's eyes*) имеет такую же трактовку (*умереть*), так как оно основано на схожести *сна* и *смерти*.

В поэзии употребление фраз *благословленное избавленье* (*blessed release*) и *счастливое избавленье* (*happy release*) в случаях упоминания о смерти является обычным. Та же самая идея лежит в основе выражения *последнее решение* (*last quietus*). Первоначально это выражение обозначало *освобождение от обязанностей*. Но когда Шекспир вложил в уста Гамлета слова: «Когда так просто сводит все концы удар кинжала», производные слова *конец* начали употребляться в таких выражениях, как *покончить жизнь самоубийством* — *take one's quietus* (т. е. *убить себя*) и *покончить с жизнью* — *get one's quietus* (т. е. *умереть, убить себя*) [6: p. 234].

Идея *смерти* как перехода в какое-то определенное или неопределенное место или состояние, которое не является жизнью, довольно стара, но в то же время обоснована и интересна. Данная идея воплощена во фразеологических эвфемизмах с глаголом *идти, уходить*, которые приобретают более широкий смысл, включая в себя выражение *перейти, отойти* (*go on, go over*), под которым подразумевается переход в другое состояние (*cross over, pass over*) и существование *другой стороны*, куда душа отправляется после смерти тела.

Конструкции с глаголом *проходить* (*pass*) являются одними из важных, заменяющих понятие *смерть*, например в выражениях *исчезать, пройти* (*pass*

away) и *перейти, отойти (pass on)*. Первое выражение достаточно старое, относится к XIV в., а второе, которое употребляется в речи с XIX в., является сравнительно новым, но оба выражения имеют более сентиментальную окраску и, в отличие от глагола *уходить*, обозначают более мягкий, более постепенный переход (к другой жизни). Выражения *уйти, отойти (gone before)* подразумевают, что душа мертвого человека продолжает свой путь туда, где позже к ней присоединятся души тех людей, которые пока живы. Таким же образом возникают слова *умерший, ушедший (lost, but gone before)*. Фразеологические эвфемизмы с глаголом *скончаться (depart)* имеют мрачную окраску, приносят официальный оттенок: *depart his life — окончить жизнь* вместо *умереть — die* (датируется, по крайней мере, XVI в.). Разговорные метафоры, основанные на сравнении смерти с путешествием, включают в себя слова *откинуться, внезапно уйти (pop off)*, первый случай употребления зафиксирован в 1764 г. Американизированное выражение *уйти в отставку (check out)* возникло, вероятно, благодаря схожести процесса с *выездом из отеля*. Слово сочетание *прощаться с жизнью (take leave of life)* предполагает наличие смелости и гордости перед лицом смерти и в то же самое время тонко показывает наличие контроля или выбора со стороны умирающего.

В основу многих метафор положен образ воображаемого predetermined пункта назначения, который варьируется от неопределенного, теперь уже устаревшего, слова прочь до чего-то конкретного (*счастливая загробная жизнь, рай — happy hunting grounds*), куда, по общему мнению, отправляются души индейцев, хотя фактически нет никакого свидетельства, что это выражение было в употреблении у коренных американцев. Неудивительно, что в иудейско-христианской традиции конечный пункт существования — *небеса, Небесное царство* — так называемое общество, которое там обитает (также неудивительно, что слова *преисподняя, ад* не употребляются в речи). Таким образом, мертвый человек оказывается *на небесах (in heaven, in/with the Lord)*, *в объятиях Господа (in the arms of Jesus)*, *на груди у Авраама (in Abraham's bosom)*, *с Создателем (with one's maker)* и т. д. Более неопределенные выражения включают в себя словосочетания *в лучшем мире (in, to a better place)*, *на другой стороне (the other side)*.

Метафора *дом, последний дом (long home, last home)* восходит к традиционному христианскому представлению о небесах как об истинном доме души и о земле как о месте временного изгнания. Другие христианские мотивы проскальзывают в выражениях *быть вознагражденным (go to one's reward)*, американское понятие XIX в., которое заключалось в том, что хорошее поведение должно быть вознаграждено (*go to glory*), *отправиться к праотцам (join the majority)*, выражение имеет двойной смысл: погибнув, мы встречаемся с нашими предками, которых гораздо больше, чем ныне живущих на земле людей. *Отдать Богу душу (meet one's maker)*; Бог — создатель человечества, который проживает на небесах и который забирает наши души. Исходя

из мифов, выражение *войти в подземное царство* (*go west*) основано на вере в то, что *подземное царство* — это место, где не бывает солнца, это царство темноты, холода, смерти (хотя на самом деле, не считая единичного примера использования выражения в XVI в., оно не вошло в обиход до Первой мировой войны). Антонимом *пункта назначения* является *пункт отправления*, что прослеживается в выражении *земля живых* (*land of the living*), которое обычно используется в отрицательных или положительных контекстах, например, *если он все еще на земле живых* (*if he is still in the land of the living*), т. е. *если он еще не умер*. Это прямой перевод еврейской идиомы, которая появилась в английском языке в результате заимствования из Библии («И отторгнем его от земли живых», Иеремия 11:19) (цит. по: [6: p. 236]).

Следующие выражения представляют собой «официальное соглашение со смертью». Лингвистически это оформлено в таких словосочетаниях, как *последний зов* (*final summons*), *Господь послал за ним* (*the Lord sent for him*), *призвал к высокому служению* (*called to a higher service*), которые предполагают существование предложения, от которого нельзя отказаться. Таким образом, покойник *отвечает на зов* (*answers the call*). По крайней мере, всё это подразумевает некоторое подобие *извинения*. Бог выступает скорее в роли командира, чем хозяина, например, выражение *призван к Вечной Славе* (*promoted to Glory*), употребляемое в Армии Спасения, описывает переход в иной мир как шаг по карьерной лестнице военной иерархии [6: p. 237].

Смерть как конец предстает в диапазоне метафор, содержащих в себе слово *последний* (*last*): *чьи-то последние дни* (*last days*) — это *конец* чьей-то жизни; *последний вздох* (*breathes his last*) — остановка дыхания, смерть; *чьи-то последние слова* (*last words*) — это слова, сказанные перед смертью. О.В. Вострикова отмечает, что метафора является одним из самых частотных семантических процессов образования эвфемизмов за счет развития новых значений внутри семантической структуры уже существующих лексических единиц [2: с. 44]. Существительное *смерть* синонимично слову *конец* — *latter end* (которое использовалось с XV в.) или выражению *плохой конец* — *a sticky end* (*плохо кончить*), когда речь идет о жестокой смерти. Слово *конец* (*late*) является одним из самых распространенных эвфемизмов *смерти*; имеющих значение *умер совсем недавно* (например, *мой недавно умерший отец* — *my late father*). В данном случае в основу метафоры положены понятия *на днях*, *недавно*, а не понятие *последнего* периода в жизни, граничащего со смертью. И логичное умозаключение: если кто-то дошел *до конца*, значит кого-то *больше нет* (*no more*): «But Cassius is no more» — «Но Кассия больше нет», Шекспир, «Юлий Цезарь», 1601 [6: p. 238].

Одна из самых смелых стратегий отрицания смерти связана с представлением о том, что смерть — это жизнь. Если вы сможете убедить себя, что мертвый человек в действительности не умирал, то вы будете в некоторой степени успокоены. Таким образом, религиозные люди скажут, что такой-то *жив*

в *Иисусе* (*alive with Jesus*), *живет в Божьем кругу* (*lives in the bosom of the Lord*) и т. д. Такие выражения предполагают плавное продолжение земного существования. Некоторые выражения допускают постоянство жизни в измененной форме: *вечная жизнь* (*eternal life*), *более высокая жизнь* (*a higher life*). И более привычное выражение *страхование жизни* — *life insurance* (впервые зафиксировано в 1809 г.), используемое для обозначения защиты от смерти, попадает в эту же категорию [6: p. 233].

Понятия *мертвый* (*being at rest*), *похороненный* (*laid to rest*) имеют значение спокойствия и безмятежности, освобождения от жизненных неурядиц, которое может ослабить боль понесшего тяжелую утрату. Это древний эвфемизм, приписываемый англосаксонским предкам англичан. Данное понятие находит выражение также в латинском словосочетании *requiescat in pace* (т. е. *покойся с миром*), обнаруженном на надгробиях. В английском языке слово *мир* (*peace*) также многозначно и метафорично: выражения *успокоившийся в мире* (*at peace*), т. е. *мертвый*, и *ушедший в лучший мир* (*peace at last*) могут быть прочитаны на надгробиях.

Одним из самых распространенных видов эвфемизмов являются религиозные фразеологические эвфемизмы слова *смерть*. Идею о том, что душа покидает тело, иллюстрирует выражение *отдать душу* (*resign one's spirit*), которое подразумевает, что Бог собирает души людей. Другим способом выразить ту же самую мысль является словосочетание *испустить дух, признаваться безнадежным* (*give up the ghost*), которое относится к англосаксонским временам и которое имело тот же смысл, что и *отдать душу*, но в настоящее время его избегают. *Смерть с косой (жнец) — The (Grim, Great, Old) Reaper* (чаще смерть, иногда *всадник по имени Смерть*), предполагает дохристианскую религиозную подоплеку, но на деле такие выражения не были в употреблении до середины XIX в. В них смерть предстает в образе человека (в английском языке это чаще мужчина, редко женщина с косой), собирающего жизни так же, как земледелец собирает урожай. В религиозных кругах об умершем говорят, что он *играет на арфе* — *playing his harp* — это выражение образовалось благодаря известной иконе, на которой ушедшие души изображаются в виде ангелов, которые сидят на облаках и играют на арфах) [6: p. 239].

Одной из самых известных номинаций фразеологических эвфемизмов является идея прославления или же, наоборот, обыденности и тривиальности смерти в бою. На смену поэтическому *pro patria mori* (*умереть за родину*) приходит глагол *погибнуть* (*fall*), который приравнивает смерть от врага к смерти споткнувшегося о камень. Первое использование глагола *погибнуть* в этом значении, которое происходит от выражения *упасть замертво* (*fall dead*), датируется XVI в., и с тех пор он становится подобающим описанием смерти в сражении, его произносят торжественным тоном и потупив глаза, пренебрегая любой отсылкой к действительным (предположительно неприятным, ужасающим и т. д.) обстоятельствам смерти.

Многие фразеологические эвфемизмы, такие как *жертвовать жизнью* (*the supreme sacrifice, the ultimate sacrifice*), *пасть в бою за родину*, появились в годы Первой мировой войны и впервые зафиксированы в 1916 г. Вероятно, они были придуманы для того, чтобы морально поддержать солдат, используемых как пушечное мясо в этой наиболее бессмысленной из войн.

Подобное значение имеет и выражение *отдать свою жизнь* (*lay down one's life*), которое вошло в английский язык благодаря Иоанну Богослову: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (позже было адаптировано Джереми Торпом при описании увольнения Гарольда Макмиллана семи членами из его кабинета в течение политического кризиса 1962 г. и звучало таким образом: «Greater love hath no man than this, that he lay down his life for his friends») [6: p. 240]. Общий в применении, этот эвфемизм практически чаще всего используется для обозначения людей, которые *отдали свои жизни* на войне. Не будучи пришедшими из военного лексикона, но теперь обычно используемыми в этом контексте являются выражения *вырублен, отключен* (*cut off*). Они означают *убитый преждевременно, не пройдя среднюю продолжительность жизни*, и более обычное, *погибнуть в расцвете сил* (*cut off in one's prime*). Такие величественные иносказания смягчают новости о смерти на войне главным образом для широкой публики. Те, кто на самом деле находятся в центре боя, выбирают более житейские метафоры, чтобы отшутиться от жестокой реальности убийства: про убитого товарища говорят, что он *купился* (*have bought it*) (относится к началу XIX в.), или *сцанан, пойман* (*copped it, copped out*), не просто *был ранен*, а *уклонился от обязанностей* (*copped a packet*) или *схлопотал* (*got it, got his*). Американские солдаты, подразумевая смерть в бою, часто говорят, что по кому-то *пробили барабанную дробь* (*it's taps*). Это является намеком на более раннее использование выражения *барабанная дробь* (*tap*), в котором подразумевается дробь, звучащая в военном учреждении на закате или на военных похоронах. Первоначально использовали словосочетание *барабанная дробь* (*drum roll*), однако позднее ему на смену пришло выражение *трубить в горн* (*to be played on the bugle*). Англицизм *to go for a Burton* (*быть убитым*) возник в годы Второй мировой войны. Впервые он применялся по отношению к пилотам, убитым в бою, но впоследствии его значение изменилось от общего *быть убитым* до *быть уничтоженным*. Никто не знает источника появления данного выражения, предполагается, что оно произошло от *leaving in order to get a drink* (уйти, чтобы выпить), так как *Burton* — название одного из сортов пива.

В XX в. также появилось достаточное количество фразеологических эвфемизмов с более завуалированным характером номинации: *call it a day* (*пора кончать*), *hand in one's dinner-pail* (*раздавать судки*), *hang up one's hat* (*повесить чью-то шляпу*), *jack it in* (*бросить все*), *kick the bucket* (*сыграть в ящик*), *last round up* (*последнее сборище*), *settle one's accounts* (*сводит счета*), *written*

out of the script (*переписать сценарий*), этимология которых связана прежде всего с повседневной жизнью: *устроить дела* (*settle one's accounts*) обычно используется для описания состояния человека, который находится на пороге смерти и должен закончить все свои дела.

Фразеологические эвфемизмы помогают более четко и ярко отобразить культуру и обычаи людей. И приведенные примеры показывают, что западный мир очень крепко держится за идею благополучной жизни, ради которой он многим жертвует. Даже сама идея смерти, т. е. возможности покинуть это благополучие, является для него неприемлемой. Именно с этим связано появление огромного числа фразеологических эвфемизмов, выраженных прежде всего метафорой, основная функция которой — образование переносного значения, позволяющего обмануть реальность.

Библиографический список

Литература

1. *Алексеев А.В.* Лексикологические аспекты изучения концептов // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория Языка. Языковое образование». 2015. № 3 (19). С. 83–89.
2. *Вострикова О.В.* К вопросу о систематизации лексических эвфемизмов // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория Языка. Языковое образование». 2008. № 1 (18). С. 41–48.
3. *Ковшова М.Л.* Семантика и прагматика эвфемизмов // Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. М.: Гнозис, 2007. 320 с.
4. *Лягушкина Н.В.* К вопросу о формировании базовых концептов: пространство // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория Языка. Языковое образование». 2012. № 2 (10). С. 55–62.
5. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 540 с.

Справочные и информационные издания

6. *Ayto J.* Dictionary of Euphemism. London: Bloomsbury Publishing Plc, 2000. 332 p.

References

Literatura

1. *Alekseev A.V.* Leksikologicheskie aspekty' izucheniya konceptov // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya Yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 3 (19). S. 83–89.
2. *Vostrikova O.V.* K voprosu o sistematizacii leksicheskix e'vfemizmov // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya Yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2008. № 1 (18). S. 41–48.
3. *Kovshova M.L.* Semantika i pragmatika e'vfemizmov // Kratkij tematicheskij slovar' sovremenny'x russkix e'vfemizmov. M.: Gnozis, 2007. 320 s.
4. *Lyagushkina N.V.* K voprosu o formirovanii bazovy'x konceptov: prostranstvo // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya Yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2012. № 2 (10). S. 55–62.
5. *Stepanov Yu.S.* Konstanty'. Slovar' russkoj kul'tury'. M.: Shkola «Yazy'ki russkoj kul'tury'», 1997. 540 s.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

6. *Ayto J.* Dictionary of Euphemism. London: Bloomsbury Publishing Plc, 2000. 332 p.

T.A. Kovaleva

**Phraseological Euphemisms of Nuclear Nominations of the Concept «Death»:
Usage Particularities**

The use of phraseological euphemisms masks what is going on, typically hiding the darkest aspects of reality under the guise of imaginary well-being. Phraseological euphemisms give better featured reflections of a nation's culture and customs. The analysis of the origin of phraseological euphemisms of the concept «death» indicates that this concept is one of the most strictly tabooed, and Western society seeks to escape even verbal contact with what is natural and inherent by the nature.

Keywords: phraseological euphemisms; concept; death.

О.А. Сулейманова

К вопросу о нормативности письменного академического дискурса

В статье анализируются типичные ошибки в письменном лингвистическом дискурсе в работах студентов, аспирантов и магистрантов, предлагается их лингвистический анализ и способы преодоления.

Ключевые слова: знаки препинания; пунктуация; орфография; научный письменный дискурс; ошибки.

...никто не может сказать вам, что именно писать в дипломе. Это остается вашей личной проблемой. Я могу вам сказать: 1) что называется дипломной работой; 2) как выбрать тему и рассчитать сроки по этапам; 3) как организовать литературу; 4) как организовать собранный материал; 5) как закрепить на бумаге результат. Имейте в виду, что самая трудная часть — последняя. Та, что кажется самой неважной. Между тем она единственная, где следует соблюсти довольно жесткие нормы.

У. Эко. Как написать дипломную работу

Введение

Согласно современным стандартам высшего образования при подготовке бакалавров и магистров большое значение имеют общекультурные и общепрофессиональные компетенции, которые формируются в процессе изучения различных дисциплин, проведения исследовательских работ и описания их результатов. При этом образовательные программы и учебные планы подготовки бакалавров предполагают написание курсовых работ начиная с первого курса, что создает достаточный временной люфт для успешного развития соответствующих компетенций. Как справедливо отмечает У. Эко, вопросы «закрепления на бумаге результатов» остаются самыми важными, и именно они требуют соблюдения жестких норм.

В силу ряда объективных причин (несформированность соответствующих компетенций в общеобразовательной школе в связи, например, с отсутствием практики написания сочинений и прочих работ) в современном академическом письменном дискурсе эти нормы, в частности, касающиеся принципов пунктуации, становятся чрезвычайно актуальными, как показывает практический опыт руководства курсовыми, выпускными квалификационными и магистерскими работами современных студентов, а также кандидатскими диссертациями. Современное информационное пространство вместе с тем чрезвычайно открыто и публично, и в этом контексте знание норм письменной коммуникации становится обязательным. Действительно, академический дискурс попадает в фокус внимания в силу роста публичной доступности продукта научных изысканий, онлайн-формата образования и не в последнюю очередь принятых нормативов эффективности деятельности ученого, что спровоцировало резкий рост (приходится признать, что не всегда оправданный) числа научных публикаций, появления новых форм письменной коммуникации и ряд других факторов. Вопросы специфики научной речи и аспектов ее нарушения все чаще привлекают внимание исследователей [1–3; 6; 9; 10].

Попытаемся осмыслить в лингвистической перспективе типичные ошибки, которые допускают студенты и аспиранты в письменном дискурсе.

1. Особенности пунктуации русского языка

В известной работе Л.В. Щербы, посвященной описанию системы пунктуации русского языка, разграничиваются два ее вида: по (условно) французскому типу, в известной степени произвольному, когда автор руководствуется произвольным акцентным выделением; и по (условно) немецкому, т. е. в значительной степени формальному, определяемому строго регламентированными правилами. Для «русской и немецкой пунктуации характерно стремление отмечать большинство синтаксических конструкций», тогда как в итальянской, английской и французской эта черта отсутствует, знаки препинания часто выражают смысловые нюансы [13]. Коммуникативное понимание роли пунктуации основано на возможности подчеркивания в письменном тексте с помощью знаков препинания коммуникативной значимости единиц [13]. Л.В. Щерба отмечает промежуточный характер русской пунктуации, когда наряду с формальными строгими правилами существует возможность произвольного акцентного выделения, например, в рамках распространенных членов предложения. Действительно, в русском языке возможно различное пунктуационное решение в случаях типа:

Вчера вечером с балкона квартиры на третьем этаже нового дома в нашем микрорайоне внезапно упала коробка с медикаментами (без запятых);

Вчера вечером, с балкона квартиры на третьем этаже нового дома в нашем микрорайоне внезапно упала коробка с медикаментами (с одной запятой);

Вчера вечером, с балкона квартиры на третьем этаже нового дома в нашем микрорайоне, внезапно упала коробка с медикаментами (с двумя запятыми).

(Возможна также еще одна запятая, причем такая ситуация вполне вероятна.)

Как представляется, в формате академического дискурса такая произвольная пунктуация создает неуместную экспрессивность, без необходимости интонационно акцентируя элементы текста. По справедливому замечанию У. Эко, «в письме на бумаге хороший тон — это тихий тон» [12: с. 175]. Студенты часто ставят запятую между подлежащим и сказуемым, что недопустимо или допустимо в случае с развернутой группой подлежащего за счет придаточного предложения или причастного оборота (причем обособление которого в конечной позиции безусловно обязательно).

Для анализа степени распространенности такой ошибки магистрам (17 испытуемых) и студентам (19 испытуемых) был предложен микротекст:

Между тем такой анализ, дает возможность нанести на шкалу функционально значимых делений, принадлежащих внешней лингвистике, еще одну отметку, сокращающую — по сравнению с категорией языкового употребления — дистанцию между изучением языка и теми, кто им пользуется. Разнообразие идей и свобода методологического выбора, позволяют современной лингвистике обратиться к еще не тронутым темам... (Т.Г. Винокур. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения).

В тексте специально проставлена запятая между подлежащим и сказуемым (подчеркнуто), дано задание: скорректировать пунктуацию, если необходимо (при этом для чистоты эксперимента была пропущена одна запятая, завершающая причастный оборот, — подчеркнуто). Результат опроса показал, что в девяти (студенты) и в семи (магистры) случаях в данном мини-тексте не обнаружено присутствие лишней запятой; только 7 из 36 участников «вернули» запятую после причастного оборота. Иными словами, запятая между подлежащим и сказуемым не осознается как ошибочная. Напротив, обязательная согласно «формальным» правилам русского языка запятая в конце причастного оборота (и определительного придаточного предложения) в текстах студентов часто отсутствует.

Еще сложнее и «системнее» ситуация с пунктуацией в связи со словом *как* — оно выполняет функции союза (*советую как друг*), сравнительного союза (*белый как снег*), относительного наречия (*неизвестно как*), определительного наречия (*удивительно как красиво*) [14]. Как видно из приведенных выше словарных примеров, в некоторых из функций оно выделено запятой, в других не отделяется. Неразличение функций и порождает ошибки — например, ставится лишняя запятая перед союзом *как* в высказываниях типа *это слово используется в данном контексте как метатермин*, по всей видимости, по аналогии с обязательной запятой перед относительным наречием *как* — *он понимал, как сложно в данном случае логично выстроить линию доказательств*. (Отметим, что это основные две функции слова *как* в академическом дискурсе — в нем редко используется *как* — определительное наречие и сравнительный союз.)

2. Знаки препинания в языке

Рассмотрим природу знаков препинания в естественном языке. Они представляют систему пунктуации, назначение которой состоит в членении печатного текста и выделении коммуникативной значимости его единиц.

Внутренняя форма термина *знак препинания* прозрачна — его словарное определение отмечает, что *препинание* — используется только в выражении *знаки препинания...* для обозначения на письме различной степени смысловой законченности отдельных отрезков текста. Связано с вышедшим из употребления глаголом *препинать* — *остановить какой-н. препиной, препятствием* [15]. Иными словами, отчетливо осознается внутренняя форма термина — это некое препятствие, разрыв постепенности, к преодолению которого необходимо приложить дополнительное ментальное усилие. Из этого следует, что при наличии возможности выбирать между вариантом с препятствием и без такового выбор разумно делать в пользу безбарьерной среды при условии, что результирующее высказывание адекватно передает интенции говорящего и сохраняет свою иллокутивную силу. Например, избыточное использование предложений тождества — со знаком тире между подлежащим и сказуемым — как проявление так называемой экспансии тире в русской пунктуации [13] создает некую прерывистость изложения [5: с. 27; 6: с. 189], некий скачок: *Дискурс — это «текст, погруженный в жизнь»*, что не способствует легкости восприятия, создавая ощущение отрывистости (тогда как более «гладкий» стиль, использующий активный предикат типа *является, представляет собой* [8], безусловно облегчает восприятие, ср.: *Дискурсы часто определяют как «текст, погруженный в жизнь»*).

3. Вводные структуры

С проблемами пунктуации связано использование и вводных единиц. Вводные структуры характеризуются как «легко пополняющаяся группировка лексико-синтаксических единиц..., выражающих отношение к сообщаемому...; экспрессивную реакцию на его сообщение; подчеркивание, выделение какой-то его части; характеристику сообщаемого с точки зрения его связей и отношений, достоверности или недостоверности; по характеру протекания во времени; отнесение сообщения к его источнику» [7: с. 228–229]. При этом вводные структуры отличают определенные особенности с точки зрения грамматической организации: это различные части речи, сохраняющие живые связи с соответствующими знаменательными словами, они позиционно свободны; семантически «сближаются с модальными частицами: они всегда так или иначе характеризуют сообщаемое с позиций говорящего, выражают отношение говорящего к сообщаемому» [7: с. 229], т. е. являются выражением эпистемической модальности. В академическом письменном дискурсе особенности использования вводных структур определяются их семантикой.

Круг их значений согласно Русской грамматике (1980) включает в себя:

1) акцентирования, подчеркивания и выделения в сочетании с усилением и с обращенностью к адресату с желанием привлечь внимание собеседника — *напоминаю, заметим, представьте, например, в общем, надо сказать*;

2) выражения субъективного отношения, эмоциональной реакции или интеллектуальной оценки говорящего — радости, одобрения, положительной оценки, достоверности и др. — *наверное, кажется, думается, по всей вероятности, бесспорно, действительно, возможно*;

3) отношение к стилю, манере речи — *другими словами*;

4) обозначение связей и зависимостей, места в строе текста — *кроме того, следовательно, во-первых*;

5) обозначение источника речи — *по мнению X-а, как известно*;

6) обозначение протекания во времени — *как это случается* и др. [7: с. 229–230].

Для академического дискурса в принципе (при экспрессивном прочтении фраза *в принципе* была бы выделена запятыми, что и имеет место быть достаточно часто) свойственны все перечисленные виды вводных структур, и они обычно не вызывают у студентов затруднений. Проблемы возникают в разграничении единиц в составе вводных структур и омонимичных с ними единиц (частиц и наречий) различной семантики, которые не требуют пунктуационного выделения. Например, слово *безусловно* (оно не имеет отдельной словарной статьи в [15]), производное от прилагательного *безусловный*: «1. Не ограниченный условиями, полный, безоговорочный 2. То же, что несомненный», как видно, может использоваться как вводное: *он, безусловно, прав*, и как не-вводное: *он безусловно прав*, уточняя степень правоты агенса. Сходным образом ведут себя слова *очевидно* (отприлагательное наречие и вводное слово), *вероятно, по-видимому*. В том случае если они интерпретируются студентом как вводные, возникает неуместная в академическом стиле экспрессивность, а также изменение смысла высказывания: *он, очевидно, прав* с вводным *очевидно* в качестве показателя эпистемической модальности вносит информацию об отношении говорящего к «правоте» X-а, тогда как высказывание без пунктуационного выделения слова *очевидно* вносит иную информацию — уточняя степень правоты субъекта. Сходным образом ведут себя слова *возможно, по всей вероятности, во всяком случае, таким образом* — ср. *таким образом, для разграничения значений данных слов...* (вводное) и *полученные таким образом результаты* (невводное); или единицы *в общем, в целом, в принципе*, которые также могут использоваться либо как вводные, либо как уточнители, не выделяемые пунктуационно, например, как слова *вместе с тем*: «Ясность в интригу вносит глагол, который вместе с тем требует синтагматической и интонационной перестройки высказывания» [5: с. 132].

Как представляется, смешению двух функций и результирующей ошибке способствует то, что разница в значении омонимов и, следовательно, в интерпретации денотативной ситуации не критична для решения коммуникативной задачи, однако при этом имеет место неуместная в академическом дискурсе экспрессивность.

4. Частные проблемы орфографии и пунктуации

Чрезвычайно частотно ошибочное написание слова *также* и *так же*. Слово *так (же)* (в сущности, словосочетание, образованное наречием и частицей *же*) представляет собой наречие со значением *именно таким образом* (Ожегов), тогда как *также* квалифицируется как наречие и присоединительный союз, причем в словаре С.И. Ожегова [14] предлагается специальное указание «Не смешивать с *так же!*». Орфография слов типа *также* и *так же* определяется достаточно просто: в случае если слово *также* можно заменить словом *тоже*, написание слитное; в случае если словосочетание можно трансформировать *так же, как и*, перед нами словосочетание с отдельным написанием, образованное из наречия и союза.

В студенческо-магистерском письменном дискурсе фиксируются также ошибки, связанные с выбором между дефисным или слитным написанием сложных прилагательных типа *романо-германский* или *западноевропейский*.

Здесь лингвисты рекомендуют простое правило — если между компонентами сложного прилагательного можно поставить союз *и*, выбор делается в пользу дефисного написания — *русско-немецкий*; если прилагательное производно от именной группы, например, *Восточная Европа* или *Южная Африка*, сложное прилагательное пишется слитно: *восточноевропейский* или *южноафриканский, лингвостилистический*. Возможны конкурирующие варианты — *лингвокультурологический* и *лингво-культурологический*, вероятно в силу неоднозначного прочтения исходного словосочетания — *лингвистическая культурология* или *лингвистика и культурология*.

5. Стилистические рекомендации

Одной из частотных проблем можно считать и формат введения цитат и в целом цитирование (ср. 10 правил цитирования У. Эко [12: с. 178 и сл.]). Во многих работах в тексте имена ученых даются в формате *Щерба Л.В.*, тогда как вариант *Л.В. Щерба*, где инициалы предшествуют фамилии, представляется более приемлемым, отражая больший пиетет по отношению к цитируемому автору. Частотна и непоследовательность в рамках одного текста при упоминании имен отечественных ученых и зарубежных — последние могут быть представлены в полной форме именем и фамилией: *Лео Вайсгербер*, тогда как первые ограничиваются указанием фамилии и инициалов: *Л.В. Щерба*. Можно рекомендовать представлять их единообразно: *Л. Вайсгербер* и *Л.В. Щерба*. По понятным причинам неприемлемо упоминание фамилии без инициалов — **Щерба* или **Вайсгербер*¹.

Рассмотрим формат введения цитат: как известно, существует в принципе два вида цитирования, которые назовем формальным и содержательным. Формальное цитирование представляет собой буквальное воспроизведение текста, заключенного в кавычки. В таком случае прогнозируемые проблемы

¹ * Здесь и далее означает неправильное.

состоят в том, что, во-первых, в ссылке в скобках не указывается страница источника, с которой заимствована цитата; во-вторых, цитата вводится часто словами *пишет, сказал, говорит* (*Ф. де Соссюр пишет: «Значение слова...»*), что представляется стилистически не вполне приемлемым в академическом дискурсе, в рамках которого более релевантны конкретизированные указания на действия: *отмечать, утверждать, подчеркивать* или *предлагать*, позволяющие иллюкутивно акцентировать именно когнитивное действие, а не процесс речепроизводства, локуцию. В-третьих, для академического стиля не вполне приемлемо использование формата прямой речи при цитировании (*Соссюр пишет: «Значение языкового знака...»*) — дело в том, что при наличии нескольких знаков препинания, вводящих прямую речь и создающих дополнительное препятствие, введение к тому же нерелевантной информации затрудняет восприятие и не в полной мере отвечает задачам данного типа текстов. Можно предложить системно использовать косвенную речь, естественным образом встраивая цитату в текст, например: *По мнению Ф. де Соссюра / как полагает Ф. де Соссюр* или «...» (Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 35). См. также систему средств введения «чужого» высказывания в текст в работе [5].

Рассмотрим содержательное цитирование — в современном дискурсе такой вид цитирования-интерпретации действительно предпочтителен по ряду причин. Во-первых, в таком случае автор, использующий цитату, берет на себя большую ответственность за интерпретацию (это не «вырванная» из контекста буквальная цитата, которая при цитировании может быть сильно искажена при помещении в новый контекст) текста, что хорошо согласуется с этикой современного академического сообщества; во-вторых, с прагматических позиций в свете обязательной проверки на антиплагиат содержательное цитирование позволяет повысить долю авторского текста.

К разряду стилистически значимых «погрешностей» можно также отнести использование ставших распространенными единиц: разговорно-оценочное *стоит отметить* (можно предложить решение в пользу более строгого *следует отметить*); когнитивно нестрогое *подразумевает* (ср. определение значения данного слова — *предполагать в мыслях... иметь в виду, не высказывая*) и более приемлемое в академическом контексте *предположить* (= *сделать предположение, допустить возможность чего-л.*). Ср. также стилистически излишнюю для академического дискурса маркированность слов типа *к примеру* (лучше — *например*), *наоборот* (лучше — *напротив*).

Редко приемлемо начало предложения со словом *также* — его использование в инициальной позиции, как можно предположить, связано с интуитивным представлением о необходимости выстраивания функциональной перспективы (актуального членения) высказывания и неготовностью/неспособностью адекватно ее выстроить [8].

Слово *однако* (и тем более *но*) в начале предложения, задающее противительность, разумно заменить *вместе с тем*, предполагающим взаимодействие

(вместе); словосочетание *не только, но и* заменить на *вместе с, вдобавок к, в дополнение к, помимо* и подобными.

Распространена погрешность стиля, связанная с нарушением согласования референции подлежащего главного предложения и деепричастного оборота [4: с. 59]: нельзя сказать, что в работах используются однозначно неприемлемые варианты, к каким привлек внимание А.П. Чехов в «Жалобной книге»: *Подъезжая к станции, с меня слетела шляпа* — это очевидно неправильное предложение. Чаще встречается «сглаженный» вариант типа **Проведя эксперимент, можно заключить*, где тем не менее имеет место нарушение узуса, поскольку субъектом деепричастного оборота выступает исследователь, тогда как в главном предложении это некий неназванный и неоднозначно «восстановимый» безличный субъект. Ср. также примеры из работы [3: с. 59]: **Познакомившись с отрывком из книги, у меня появилось желание прочитать ее* или **Только оплатив долги, предприятию будет выдан кредит*. В таких случаях можно рекомендовать замену вторично-предикативной структуры отглагольным существительным, например, *проведение эксперимента / проведенный эксперимент позволяет заключить, после оплаты долгов*.

Выводы

Логика и коммуникативный вектор современного академического дискурса диктуют выбор языковых средств, способствующих успешной реализации коммуникативной установки. К числу таких средств относятся единицы, содействующие диалогу с читателем (не провоцирующие конфликт), создающие выдержанный тон изложения, не акцентирующие без необходимости элементы дискурса, а также обеспечивающие корректно-уважительное взаимодействие с трудами предшественников.

Библиографический список

Литература

1. *Буторина Е.П.* Русский язык в деловой интернет-коммуникации. М.: Академия Естествознания, 2013. 206 с.
2. *Викулова Л.Г.* Проблема повышения качества подготовки научно-педагогических кадров в Институте иностранных языков МГПУ // Подготовка педагогических кадров в системе столичного образования: материалы городской науч.-практ. конф. / под ред. Е.Н. Геворкян; сост. и отв. ред. С.В. Суматохин. М.: МГПУ, 2010. С. 17–18.
3. *Дускаева Л.Р., Протопопова О.В.* Стилистика официально-деловой речи. М.: Академия, 2012. 272 с.
4. *Кольшикина Т.Б., Шустина И.В.* Внемедийные коммуникации. Ярославль: Изд-во ЯрГПУ, 2016. 162 с.
5. *Котюрова М.П., Баженова Е.А.* Культура научной речи: текст и его редактирование. М.: Флинта Наука, 2008. 280 с.
6. *Котюрова М.П.* Стилистика научной речи. М.: Академия, 2012. 240 с.
7. *Русская грамматика. Т. 2.* М.: Наука. 1982. 784 с.

8. Сулейманова О.А., Фомина М.А. Принципы и методы семантических исследований. М.: МГПУ, 2010. 120 с.
9. Тарева Е.Г., Викулова Л.Г., Щепилова А.В. Нормативное обеспечение образовательной программы магистратуры: сб. документов локального характера. М.: Тезаурус, 2014. 248 с.
10. Харченко В.К. Ориентиры лингвистического поиска. Мастер-класс для начинающих исследователей языка. М.: УРСС, 2015. 260 с.
11. Щерба Л.В. Пунктуация // Литературная энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1935. Т. IX. С. 366–370.
12. Эко У. Как написать дипломную работу. М.: Университет, 2001. 240 с.

Справочные и информационные издания

13. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 684 с.
14. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. язык, 1987. 797 с.
15. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Астрель, 2000.

References

Literatura

1. Butorina E.P. Russkij yazyk v delovoj internet-kommunikacii. M.: Akademiya Estestvoznaniya, 2013. 206 s.
2. Vikulova L.G. Problema povыsheniya kachestva podgotovki nauchno-pedagogicheskix kadrov v Institute inostrannyx yazykov MGPU // Podgotovka pedagogicheskix kadrov v sisteme stolichnogo obrazovaniya: materialy gorodskoj nauch.-prakt. konf. / pod red. E.N. Gevorkyan; sost. i otv. red. S.V. Sumatoxin. M.: MGPU, 2010. S. 17–18.
3. Duskaeva L.R., Protopopova O.V. Stilistika oficial'no-delovoj rechi. M.: Akademiya, 2012. 272 s.
4. Koly'shkina T.B., Shustina I.V. Vnemedijny'e kommunikacii. Yaroslavl': Izd-vo YarGPU, 2016. 162 s.
5. Kotyurova M.P., Bazhenova E.A. Kul'tura nauchnoj rechi: tekst i ego redak-tirovanie. M.: Flinta Nauka, 2008. 280 s.
6. Kotyurova M.P. Stilistika nauchnoj rechi. M.: Akademiya, 2012. 240 s.
7. Russkaya grammatika. T. 2. M.: Nauka. 1982. 784 s.
8. Sulejmanova O.A., Fomina M.A. Principy i metody semanticheskix issledovanij. M.: MGPU, 2010. 120 s.
9. Tareva E.G., Vikulova L.G., Shhepilova A.V. Normativnoe obespechenie obrazovatel'noj programmy magistratury: sb. dokumentov lokal'nogo xaraktera. M.: Tezaurus, 2014. 248 s.
10. Xarchenko V.K. Orientiry lingvisticheskogo poiska. Master-klass dlya nachinayushhix issledovatelej yazyka. M.: URSS, 2015. 260 s.
11. Shherba L.V. Puntuaciya // Literaturnaya e'nciklopediya. M.: Sov. e'nciklopediya, 1935. T. IX. S. 366–370.
12. E'ko U. Kak napisat' diplomnuyu rabotu. M.: Universitet, 2001. 240 s.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

13. *Lingvisticheskiy e'nciklopedicheskiy slovar'* / pod red. V.N. Yarsevoj. M.: Sov. e'nciklopediya, 1990. 684 s.
14. *Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazy'ka* / pod. red. N.Yu. Shvedovoj. M.: Rus. yazy'k, 1987. 797 s.
15. *Tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka: v 4 t.* / pod red. D.N. Ushakova. M.: Astrel', 2000.

O.A. Sulejmanova**Guidelines towards Academic Writing Guidelines towards Academic Writing**

The paper focuses on typical pitfalls students and post-graduates are likely to fall into in their academic writing practices. Linguistic analysis and advice on how to avoid the pitfalls are offered.

Keywords: punctuation marks; spelling; academic writing; mistakes.

**О.В. Трунова,
И.А. Бубнова**

Язык как показатель социального статуса и фактор национальной идентичности

В социологии факторами расслоения общества принято считать финансовую обеспеченность, уровень образования и ценности, принятые априори. Для каждого уровня характерны свои нормы и роли, которые определяют статус принадлежности. Язык, чувствительный ко всем явлениям социума, отражает особенности, присущие каждому социальному уровню, и служит показателем социального статуса индивида. Как социокультурный феномен язык выступает в качестве фактора национальной идентичности.

Ключевые слова: социальный статус; национальная идентичность; ценность; функция языка.

Совесь, благородство и достоинство — вот оно,
святое наше воинство.

Б.Ш. Окуджава

Полифункциональность языка определяется разнохарактерностью отношений в рамках триады «человек – язык – мир», где каждая составляющая представляет собой многомерную открытую систему с характерными для нее принципами существования, законами внутренней организации и самонастройки, механизмами обеспечения внешних связей и взаимодействий. При этом мир как сущее а priori можно, в рамках заданной проблематики, представить как мир физический, в определенном допущении — мир вещный, мир окружающей человека природы и созданных им артефактов. Как биологический вид, человек есть такой же объект физического мира, как и все иные населяющие его объекты. Вместе с тем человек представляет собой особый объект физического мира, способный к мироосознанию (*homo cogitans*).

В действиях по осмыслению и освоению физического мира (среды обитания) в преломлении к собственным потребностям люди вступают во взаимодействие, образуя *populus societatis*, уже на начальной стадии существования которых становится очевидным неравенство, обусловленное разными умственными и физическими способностями, формирующими направление и границы развития индивида как личности (одни становятся ведущими, другие ведомыми, одни — лидерами, другие — подчиненными). Постановка и научное осмысление этих вопросов восходит к античной философии, где

они рассматривались в большей мере в ракурсе социальной справедливости и социального (не)равенства, заключающегося в строгом распределении прав и обязанностей, нарушение которых вело к санкциям со стороны государства. Так, Платон, описывающий сословия в диалоге «Государство», распределял общество по сословной иерархии от высшего сословия правителей-философов до низшего землевладельцев и ремесленников [13: с. 242–301]. Во многом развивая идеи Платона, его ученик и последователь Аристотель [8: с. 11] высказал мысль о том, что от рождения одни предназначены подчиняться, другие управлять.

В современной социологии определены предпосылки возникновения общества, систематизированы принципы его организации, обозначены критерии внутренней стратификации. Подчеркивается, что основные признаки, объединяющие людей в рамках определенного общества (возможно, в данном случае более корректно было бы сказать «социума», поскольку понятие «общество» не является однозначным), — это общая территория, общая идентичность и общая культура [15: URL]. Культура служит показателем степени развитости деятельности, в первую очередь творческого потенциала индивида и социума, и представляет собой сложную систему, основывающуюся на интересах общества, предполагающую определенный характер осуществления культурных практик (достаточно вспомнить две культурных парадигмы в истории европейского общества — эпоху Просвещения и эпоху Ренессанса), регулируемых принятыми в данном социуме моральными нормами и нравственными императивами [18: с. 673].

Резонно и правомерно считается, что основным элементом культуры являются ценности, поскольку именно ценности, утвержденные в некотором социуме, обуславливают мотивированность и направленность (хорошо бы, только созидательной) деятельности, создают платформу нормативности, определяют границы возможного и допустимого. Поставив ценность в зависимость от потребностей, Платон предопределил терминологическое использование понятия именно в этом ракурсе. Поэтому в философии и аксиологии, как правило, прибегают к их интерпретации через «ценностное отношение» [7: с. 69], полагая, что ценность «является не свойством, а отношением между мыслью и действительностью» [11: URL], поскольку объект онтологии, как в мире физическом, так и в мире социальных отношений, определяется через: а) свойство, как устойчивый ингерентный объекту атрибут, б) признак, как переменный атрибут объекта, и в) качество — как атрибут адгерентный, приписываемый объекту. В то время как первые два показателя выявляют сущность объекта и представляют констатацию факта (в плане языковой экспликации, это дескрипция), в определении последнего участвует когнитивный механизм сравнения, поднимая явление, как в когнитивном, так и в лингвистическом плане, на уровень оценочного действия. Таким образом, определение значимости объекта и возведение его в статус ценности есть прерогатива воспринимающего мир человека [6: с. 142; 10: с. 418].

Само понятие ценности, казалось бы, должно быть непреложным. В основе отношений внутри одного социума, как и на более широком пространстве социальных отношений, изначально заложены такие абсолюты духовных ориентиров, как бескорыстие, милосердие, долг, верность, нравственность, достоинство, проявляющиеся в разных жизненных ситуациях (приговоренный к смерти Сократ, выпивший бокал с цикутой). Между тем в настоящее время развивается ситуация, когда утрачиваются утвердившиеся жизненные ценности, происходит кардинальный сдвиг ценностных ориентиров и их подмена. Это заметно в обыденной жизни, это проявляется в искусстве (невозможно понять и тем более принять ситуацию, когда со сцены и экранов под прикрытием демонстрации «правды жизни» звучат инвективы).

Социальная структура общества определяется социальными факторами, включающими в большей степени происхождение, делегирование власти, профессиональную занятость (все согласно Платону и Аристотелю), финансовую обеспеченность (немаловажный современный показатель), в определенной мере — образование. В совокупности эти и ряд других показателей составляют основу социальной стратификации общества как матрицу распределения обязанностей и ответственности, прав и привилегий [14: с. 302–373]. Всё это определяет уровень жизни и уровень притязаний и, похоже, формирует и модифицирует системы ценностей как мерила и социального статуса, и национальной идентичности.

Введенное Э. Эриксоном понятие идентичности как собственное позиционирование личности в рамках определенной социальной среды [17: с. 22] предполагает, что все члены социума осознают свою сопричастность к функциональным особенностям его существования, разделяют принятые в нем нормы и правила, приемлют его культуру и используют его язык. Осознание индивидом собственной идентичности, или самоидентификация, представляется, скорее, фактором личностной (субъективной) оценки самого себя в рамках некоторого социума [20: с. 255] с позиций толкования собственной роли в социальной среде. Тем не менее это осознание вырастает во взаимодействии индивида с социальной средой и в выполнении социальных ролей, которые предписываются любому члену социума в соответствии с существующими в нем законами и правилами интеракции и коммуникации. Определенный набор ролей (моделей поведения) характеризует социальный статус индивида.

Социальный статус многомерен. Отмечается, что принципиально значимыми в определении статуса являются показатели уровня и образа жизни, место в иерархии политической системы. Одним из наиболее важных статусных факторов считается профессиональная деятельность, занимаемая должность, которая может быть престижной или непрестижной. Престиж формируется общественным мнением. Научные критерии ставят его в зависимость от значимости социальных функций, выполняемых индивидом. Индивид, как правило, понимает его, исходя из уровня достигаемого материального достатка. Финансовое обеспечение,

престижность определяют положение индивида в обществе. Последний показатель не является константным. Он зависит от общей социальной ситуации, от целей развития, от характера провозглашаемых ценностей, которые, как хорошо известно, проявляют тенденцию к сдвигам [9: с. 38]. В рамках этих параметров изменяются профессиональные статусные показатели. Например, около полувека назад в нашей стране статусной считалась профессия доктора. Престижным было звание профессора (будучи нивелированными в силу известных обстоятельств в России, они и сейчас остаются престижными во многих других странах). В настоящее время этот ориентир утрачен, и на просцениум выходят более прибыльные сферы деятельности: финансовая, юридическая, политическая, артистическая. Социальный статус обеспечивается и поддерживается предъявляемыми социуму внешними атрибутами [21: с. 91], скажем, часами Chellini Rolex «для делового костюма» (с пока еще не обозначенной ценой), демонстрируемыми на юбилейной выставке 2017 г. в Базеле. Однако демонстрация материальных благ уже может восприниматься как *mauvais ton* на фоне все возрастающей роли престижного образования, полученного (как считается предпочтительным) в вузах США, Великобритании, Австрии, вводящего индивида не только в широкий профессиональный круг, но и в мировое культурное пространство.

Таким образом, ценности, заложенные в основу распределения социальных ролей, соотносимых с социальным статусом, организуют социальный фрейм общества. При этом образовательный ценз был и остается значимым «маркером» при всех социальных изменениях и катаклизмах. Обратимся к нашей не такой далекой истории в поиске ответа на вопрос, для кого «престижное» образование было и остается доступным.

— *Eh bien, mon prince. Genes et Lucques ne sont plus que des apanages, des поместья, de la famille Buonaparte. Non, je vous previens, que si vous ne me dites pas, que nous avons la guerre, si vous vous permettez encore de pallier toutes les infamies, toutes les atrocites de cet Antichrist (ma parole, j'y crois) — je ne vous connais plus, vous n'etes plus mon ami, vous n'etes plus мой верный раб, comme vous dites.*

<...> Ну, здравствуйте, здравствуйте. Je vois que je vous fais peur.

Вижу, что я вас пугаю, садитесь и рассказывайте.

Так говорила в июле 1805 года известная Анна Павловна Шерер, фрейлина и приближенная императрицы Марии Феодоровны, встречая важного и чиновного князя Василия, первого приехавшего на ее вечер [2: URL].

И так начинается роман Л.Н. Толстого «Война и мир». Это, конечно, передает дух эпохи, демонстрирует уровень образованности общества, точнее, определенных его слоев (отметим, что современные издания романа сопровождаются постраничными переводами французской речи), показывает уровень общей и коммуникационной культуры, тем самым указывая на социальный статус коммуникантов. Маркёром социального статуса русского дворянского сословия, наряду с другими показателями, а возможно, и в большей мере, здесь является язык.

Тот факт, что речь представляет собой социально значимый фактор, демонстрирует хорошо известная история Элизы Дулитл:

Пикеринг (мягко). Скажите нам, дитя мое, чего вы хотите?

Цветочница. Я хочу поступить продавщицей в цветочный магазин. Надое-ло мне с утра до ночи торчать с корзиной на Тоттенхем-Корт-Род. *А меня там не берут, им не нравится, как я говорю* (здесь и далее курсив наш. — О. Т., И. Б.). Вот он сказал, что мог бы меня выучить. Я и пришла с ним уговориться, — за плату, понятно, мне из милости ничего не надо. А он со мной вот как обращается!

Полгода спустя:

Хиггинс. Да это самая трудная работа, за которую я когда-либо брался, пойми-те это, мама. Но если бы вы знали, как это интересно, — *взять человека и, научив его говорить иначе, чем он говорил до сих пор, сделать из него совершенно дру-гое, новое существо. Ведь это значит уничтожить пропасть, которая отделяет класс от класса и душу от души* [4].

Профессор Хиггинс, конечно, преувеличил значимость своего экспери-мента, утверждая, что изменение статуса коммуникационного может изменить статус социальный, на что указывает Миссис Хиггинс (передающая убежден-ность автора пьесы?), на уровне здравого смысла объясняя суть классовых различий финансовым положением:

...как будет жить эта бедная женщина <...> Привычки и манеры светской дамы, но только без доходов светской дамы... [4]

В лингвистике вопрос о значимости языка как фактора, обнаруживающе-го социальный статус человека, рассматривается прежде всего на уровне клас-сификации лексического состава языка. Основной фонд лексиса составляет функциональное поле общеупотребительной нейтральной лексики, характери-зующей речь грамотного носителя языка в номинации объектов и их призна-ков в каждодневной бытовой ситуации общения. В смысле социального марки-рования этот подкласс отличается как от функционального поля просторечной лексики, характерной, например, для героев рассказов В.М. Шукшина:

— Заразы вы все, — с дрожью в голосе сказал Егор. — Я из вас букет сделаю, суки: головками вниз посажу в клумбу... Ну, твари! — Егор бросил трубку... И за-думался. — Люба, — произнес он с дурашливой нежностью. — Все. Еду к Любе. — И он зло саданул дверь будки и пошagal к вокзалу. И говорил дорогой: — Ах ты, ла-пушка ты моя! Любушкаголубушка... Оладушек ты мой сибирский! Я хоть отъемя около тебя... Хоть волосы отрастут. Дорогуша ты моя сдобная! — Егор все набирал и набирал какого-то остервенения. — Съем я тебя поеду! — закричал он в тишину, в ночь. И даже не оглянулся посмотреть — не потревожил ли кого своим криком. Шаги его громко отдавались в пустой улице; подморозило на ночь, асфальт звенел. — Задушу в объятиях!... Разорву и схавая! И запью самогонкой. Все! [5],

так и от функционального поля профессионализмов, которые определяют сферу деятельности человека:

— Что с ним случилось?

— Электропилой зацепило. Это Петя Ишанин с лесозавода.

— Камфару, кофеин! И готовьте систему, для переливания крови. Рану сейчас начнем обрабатывать.

Когда Зеленин вымыл руки и вошел в операционную, повязка с ноги пострадавшего была снята. Огромная, все еще кровоточащая рана зияла на бедре. В одном месте свисали аккуратно вырезанные пилой лохмотья кожи. Даша, сосредоточенная, со сжатыми губами, протянула шприц.

— Вы сможете проверить группу крови? — шепотом спросил ее Зеленин.

— Да, нас учили, — так же шепотом ответила она.

— Сделайте и покажите мне, а я пока попытаюсь остановить кровотечение.

Он наспех обколол рану новокаином и стал накладывать зажимы. Краем глаза он следил за точными движениями сестры. Группа крови оказалась третьей. Даша придвинула к столу систему для переливания и протянула Зеленину иглу. Он ввел ее в вену и взглянул в лицо больному [1].

Таким образом, одна из простейших лингвистических классификационных схем сама по себе дает представление о социальной дифференциации общества, которая неизбежно существует и проявляется в том числе и в межличностных отношениях:

Ему не было еще сорока, но у него была уже дочь двенадцати лет и два сына гимназиста. Его женили рано, когда он был еще студентом второго курса, и теперь жена казалась в полтора раза старше его. Это была женщина высокая, с темными бровями, прямая, важная, солидная и, как она сама себя называла, мыслящая. Она много читала, не писала в письмах ъ, называла мужа не Дмитрием, а Димитрием, а он втайне считал ее недалеккой, узкой, неизящной, боялся ее и не любил бывать дома. Изменять ей он начал уже давно, изменял часто и, вероятно, поэтому о женщинах отзывался почти всегда дурно, и когда в его присутствии говорили о них, то он называл их так:

— Низшая раса! [3].

Сказанное подтверждает концепцию В.И. Карасика [12: с. 234], считающего, что язык является социально-статусным фактором и признаком неравноправия участников общения, а более генерализованно — членов социума в целом.

Язык, будучи открытой диссипативной системой, очень чутко реагирует на все изменения, происходящие в «родной» социальной среде, равно как и на возможные внешние воздействия, обусловленные постоянно расширяющимися международными контактами в реализации профессиональных, академических и культурных обменов, которые неизбежно становятся источником заимствований. Заимствования такого рода могут в первую очередь касаться терминосистем, профессиональной лексики и обозначения культурных реалий. В силу того, что слово, как правило, заимствуется в одном значении, лексические заимствования широко распространяются и на уровне бытового дискурса.

Социально-статусный характер носит грамматическая система языка. Здесь следует привести в пример грамотную, отточенную, стилистически выдержанную, прагматически содержательную речь многих современных отечественных ученых и политиков высшего ранга даже в тех случаях, когда она является спонтанной.

Свойственная языку вариабельность обеспечивает возможность по-разному передать определенные смыслы. Выбор средств зависит от цели высказывания, характера отношений между участниками коммуникации и их социального статуса, от условий осуществления коммуникации и ситуации общения (обсуждение бытовой проблемы, участие в ток-шоу, дискуссия на научной конференции). Чем выше уровень коммуникационного события, тем серьезнее вовлекаются в актуализацию обеспечивающие ее языковые законы (закон компенсации, закон конгруэнтности, закон сочетаемости избирательности [16: с. 226–227]). Эти показатели устанавливают формат, или регистр речи.

В самом общем смысле регистр можно определить как вариативную модель языка, адекватную ситуации общения (включая сферу общения и коммуникативную цель) [19: с. 21], детерминирующей лексическое наполнение и характер грамматических конструкций. Соответственно в разных типах дискурса будут прослеживаться характерные особенности оформления речи, присущие представителям того или иного (научного, делового, политического, академического, творческого, ремесленного) сообщества, демонстрируя принадлежность индивида к определенным социальным стратам.

Становление национального самосознания представляет собой сложный и длительный процесс, в качестве доминанты которого выступает национальная идея. Как любой процесс, он осуществляется под воздействием факторов внутреннего и внешнего характера. Он проходит через определенные стадии и закрепляется в форме общественных практик и в виде письменных памятников.

Базовые функции языка в совокупности обеспечивают ему уникальное свойство оформления получаемой человеком информации, ее сохранения и ретрансляции. Не имеет смысла отрицать, что эти функции могут осуществляться и посредством иных семиотических систем. Однако язык обладает способностью совмещать и замещать многие из них. С помощью языка можно передать воспринимаемые образы, испытываемые эмоции, описать алгоритм действий, структуру конструкции, архитектурный прием. Сохраняя все накопленные социумом знания, весь опыт развития культуры, язык материализует историческую память и является выразителем национального самосознания. С помощью языка формируется целостная картина мира, которая, обогащаясь и изменяясь, передается от поколения к поколению. На языке создаются литературные шедевры. Все особенности национальной культуры и быта, вся мудрость народа сохраняются в языке. Единицами с глубоким содержанием, отражающим дух народа, являются пословицы. Прагматический смысл, передаваемый пословицей: «Не красна изба углами, а красна пирогами», — заключается не столько в стремлении народа жить в достатке, сколько в его хлебосольности: радушии, щедрости, гостеприимстве; в пословицах: «Дерево живет корнями, а человек друзьями», «Дружба и братство дороже богатства», — имплицитно выражает соборность как жизненное кредо народа.

Язык являет собой мощный механизм объединения нации и способствует решению задачи сохранения национальной идентичности на изломе становления нового миропорядка.

Библиографический список**Источники**

1. *Аксенов В.П.* Коллеги // Электронная библиотека «ModernLib.Ru». Современная проза. [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/aksenov_vasilyi_ravlovich/kollegi/read_3/ (дата обращения: 23.04.2017).
2. *Толстой Л.Н.* Война и мир. Т. 1. Ч. 1 // Издание литературы в электронном виде. Полное собрание сочинений Льва Николаевича Толстого. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/tolstoy/wp/wp01.htm> (дата обращения: 23.04.2017).
3. *Чехов А.П.* Дама с собачкой // Интернет-Библиотека Алексея Комарова. [Электронный ресурс]. URL: <http://ilibrary.ru/text/976/p.1/index.html> (дата обращения: 23.04.2017).
4. *Шоу Б.* Пигмалион // Онлайн-библиотека «Booksonline.com.ua». [Электронный ресурс]. URL: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=26022&page=5> (дата обращения: 23.04.2017).
5. *Шукишин В.М.* Калина красная // Электронная библиотека книг «Libtxt.ru». [Электронный ресурс]. URL: https://www.libtxt.ru/chitat/shukshin_vasilyi/23598-Kalina_krasnaya/2.html (дата обращения: 23.04.2017).

Литература

6. *Абишева А.К.* О понятии «ценность» // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 139–147.
7. *Анисимов С.Ф.* Введение в аксиологию. М.: Современные тетради, 2001. 125 с.
8. *Аристотель.* Политика. Кн. 1. О том, что такое государство // Гражданское общество в России. Научная электронная библиотека. [Электронный ресурс]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Politika.pdf (дата обращения: 23.04.2017)
9. *Бубнова И.А.* Эволюция русской языковой личности // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 3 (19). С. 34–41.
10. *Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф.* Элементы французской национальной аксиосферы по данным ценностных суждений о родной стране // Этносемиотрия ценностных смыслов. Иркутск: ИГЛУ, 2008. С. 417–428.
11. *Ивин А.А.* Современная аксиология: некоторые актуальные проблемы // Философский журнал Института философии РАН. 2010. № 1 (4). С. 66–78. [Электронный ресурс]. URL: http://iphras.ru/uplfile/root/biblio/pj/pj_4/6.pdf (дата обращения: 23.04.2017).
12. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. М.: ИЯ АН СССР – Волгоград: Волгоградский пединститут, 1991. 495 с.
13. *Платон.* Государство // Платон. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1971. 333 с.
14. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат. 1992. 543 с.
15. *Танчин И.З.* Социология // Библиотека русских учебников. [Электронный ресурс]. URL: https://uchebnikionline.com/soziologia/sotsiologiya_-_tanchin_i3/sotsiologiya_-_tanchin_i3.htm (дата обращения: 23.04.2017).
16. *Трунова О.В.* Внутренние законы языковой системы // Казанская наука. 2012. № 12. С. 224–227.
17. *Эрикссон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта. 2006. 352 с.
18. *Merton R.K.* Social Structure and Anomie // American Sociological Review 1938. Vol. 3. №. 5 (October). P. 672–682.

19. *Biber D., Conrad S.* Register, Genre and Style. Cambridge: Cambridge University Press. 2009. 405 p.
20. *Olson E.T.* Personal Identity // The Blackwell Guide to the Philosophy of Mind. Warfield, Oxford: Blackwell. 2003. P. 352–369.
21. *Rossiter J.R.* A new measure of social classes // Journal of Consumer Behaviour. 2012. Vol. 11. P. 89–93.

References

Istochniki

1. *Aksenov V.P.* Kollegi // E'lektronnaya biblioteka «ModernLib.Ru». Sovremennaya proza. [E'lektronny'j resurs]. URL: http://modernlib.ru/books/aksenov_vasiliy_pavlovich/kollegi/read_3/ (data obrashheniya: 23.04.2017).
2. *Tolstoj L.N.* Vojna i mir. T. 1. Ch. 1 // Izdanie literatury' v e'lektronnom vide. Polnoe sobranie sochinenij L'va Nikolaevicha Tolstogo. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/tolstoy/wp/wp01.htm> (data obrashheniya: 23.04.2017).
3. *Chexov A.P.* Dama s sobachkoj // Internet-Biblioteka Alekseya Komarova. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://ilibrary.ru/text/976/p.1/index.html> (data obrashheniya: 23.04.2017).
3. *Shou B.* Pigmalion // Onlajnovaya biblioteka «Booksonline.com.ua». [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=26022&page=5> (data obrashheniya: 23.04.2017).
4. *Shukshin V.M.* Kalina krasnaya // E'lektronnaya biblioteka knig «Libtxt.ru». [E'lektronny'j resurs]. URL: https://www.libtxt.ru/chitat/shukshin_vasiliy/23598-Kalina_krasnaya/2.html (data obrashheniya: 23.04.2017).

Literatura

6. *Abisheva A.K.* O ponyatii «cennost'» // Voprosy' filosofii. 2002. № 3. S. 139–147.
7. *Anisimov S.F.* Vvedenie v aksiologiyu. M.: Sovremenny'e tetradi. 2001. 125 s.
8. *Aristotel'.* Politika. Kn. 1. O tom, chto takoe gosudarsvo // Grazhdanskoe obshhestvo v Rossii. Nauchnaya e'lektronnaya biblioteka. [E'lektronny'j resurs]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Politika.pdf (vremya obrashheniya 23.04.2017).
9. *Bubnova I.A.* E'voluciya russkoj yazy'kovoj lichnosti // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 3 (19). S. 34–41.
10. *Vikulova L.G., Serebrennikova E.F.* E'lementy' francuzskoj nacional'noj aksiosfery' po danny'm cennostny'x suzhdenij o rodnoj strane // E'tnosemiometriya cennostny'x smy'slov. Irkutsk: IGLU, 2008. S. 417–428.
11. *Ivin A.A.* Sovremennaya aksiologiya: nekotory'e aktual'ny'e problemy' // Filosofskij zhurnal Instituta filosofii RAN. 2010. № 1 (4). S. 66–78. [E'lektronny'j resurs]. URL: http://iphras.ru/uplfile/root/biblio/pj/pj_4/6.pdf (data obrashheniya: 23.04.2017).
12. *Karasik V.I.* Yazy'k social'nogo statusa. M.: IYa AN SSSR – Volgograd: Volgogradskij pedinstitut, 1991. 495 s.
13. *Platon.* Gosudarstvo // Platon. Sobr. soch.: v 3 t. T. 3. M.: My'sl', 1971. 333 s.
14. *Sorokin P.A.* Chelovek. Civilizaciya. Obshhestvo. M.: Politizdat. 1992. 543 s.
15. *Tanchin I.Z.* Sociologiya // Biblioteka russkix uchebnikov. [E'lektronny'j resurs]. URL: https://uchebnikonline.com/soziologia/sotsiologiya_-tanchin_i3/sotsiologiya_-tanchin_i3.htm (data obrashheniya: 23.04.2017).

16. *Trunova O.V.* Vnutrennie zakony' yazy'kovoj sistemy' // Kazanskaya nauka. 2012. № 12. S. 224–227.
17. *E'rikson E'*. Identichnost': yunost' i krizis. M.: Flinta. 2006. 352 s.
18. *Merton R.K.* Social Structure and Anomie // American Sociological Review 1938. Vol. 3. №. 5 (October). P. 672–682.
19. *Biber D., Conrad S.* Register, Genre and Style. Cambridge: Cambridge University Press. 2009. 405 p.
20. *Olson E.T.* Personal Identity // The Blackwell Guide to the Philosophy of Mind. Warfield, Oxford: Blackwell. 2003. P. 352–369.
21. *Rossiter J.R.* A new measure of social classes // Journal of Consumer Behaviour. 2012. Vol. 11. P. 89–93.

O.V. Trunova,

I.A. Bubnova

Language as a Social Status Indicator and National Identity Factor

Among factors of social stratification, sociology lists well-being, educational level and a priori accepted values. Every level is characterized by peculiar norms and roles, which serve status-defining criteria. Being sensitive to all social phenomena, language reflects these particularities thus acquiring the function of a social status marker. On the other hand, language is a factor of national identity as a sociocultural phenomenon.

Keywords: social status; national identity; value; language function.

Е.С. Абаева

Особенности перевода отрывков с юмористическим эффектом, построенным на столкновении скриптов [одушевленное]/[неодушевленное]

Статья посвящена актуальной в современной лингвистике проблеме перевода художественной литературы. Рассматриваются особенности перевода с английского языка на русский отрывков с юмористическим эффектом, который строится на столкновении скриптов [одушевленное]/[неодушевленное].

Ключевые слова: перевод; юмористический эффект; скрипты; одушевленное; неодушевленное.

Перевод в современном мире является одной из самых частотных форм межкультурной коммуникации. Исследования по проблемам переводоведения имеют большое прикладное значение, способствуют расширению контактов между представителями разных лингвокультурологических общностей.

Юмор издавна привлекает исследователей. На современном этапе развития лингвистики внимание уделяется разработке идиостиля конкретного автора [7], анализу природы юмора [4; 10], функционированию данного явления в текстах разных жанров [11], отдельным языковым средствам, создающим юмористический эффект [5; 6]. В работах, затрагивающих проблематику перевода юмора, в основном рассматривается сама возможность подобной передачи, степень ее адекватности и языковые средства, ее реализующие [8; 12]. Перевод юмора, как считает профессор Болонского университета Делия Кьяро, ставит перед переводчиком трудноразрешимые задачи: «creates one of the arduous challenges» [15: p. 1]. Но именно то, что такие задачи очень интересные, привлекает повышенное внимание к этому аспекту переводческой деятельности: «fascinating challenges <...> may well be the reason why <...> this particular aspect of translation has attracted significant attention» [15: p. 1].

В данной статье предпринимается попытка комплексного анализа перевода отрывков с юмористическим эффектом с опорой на объективно выделенные критерии. По мнению нидерландского исследователя перевода С. Костера, рассматривая деятельность переводчика как совокупность когнитивных процессов <...> можно более комплексно оценить литературный перевод: «the focus on translation as a conglomerate of cognitive processes <...> opens up the possibility of a more comprehensive view on the process of literary translation» [16: с. 154].

Источником материала исследования послужило произведение Адама Дугласа «The Long Dark Tea Time Of The Soul» [3] и его переводы на русский язык: «Долгое чаепитие» (М. Царева, 1996) [2] и «Долгое безумное чаепитие души» (О. Корчевская, 2014) [1].

Отдельно оговорим, что в рамках статьи юмор трактуется довольно широко: как потенциальная возможность текста иметь юмористический эффект. Эта возможность регламентируется шестью параметрами, которые выделил автор общей теории вербального юмора С. Аттардо¹ [14]. Данные параметры чаще применяются к материалу шуток и анекдотов [9], но уже появляются работы, в которых они берутся за основу для анализа художественного текста, так как при этом отмечается «многоаспектность рассмотрения категории комического с учетом последних достижений в осмыслении его природы» [13: с. 311].

Наша гипотеза основывается на том, что олицетворение как прием комического представляет собой реализацию юмористического эффекта посредством столкновения скриптов, принадлежащих к одной из трех основных оппозиций, выдвинутых в свое время автором семантической теории юмора Виктором Раскиным (возможное vs невозможное) [14], которая в ситуации художественного произведения может конкретизироваться как [одушевленное]/[неодушевленное]².

Языковым воплощением в этих случаях могут выступать, например, глаголы с потенциальной семой [одушевленность], которая актуализируется в контексте:

1. «The car had landed her in court on one occasion when *one of its front wheels had sailed off on a little expedition of its own* and nearly caused an accident» (здесь и далее курсив мой. — E. A.) [3: p. 146].

Или качественные прилагательные с той же потенциальной семой, что мы наблюдаем в следующем предложении:

2. «The police witness in court had referred to her beloved Citroen as “*the alleged car*” and the name had subsequently stuck» [3: p. 146].

Подобное столкновение скриптов является довольно частотным и входит в систему идиостиля рассматриваемого автора.

При переводе обращает внимание небольшое расхождение в языковой реализации в первом случае (1):

1а. «Однажды эта машина стала причиной вызова ее в суд — когда одно из передних колес отвалилось и *решило совершить небольшую прогулку в своей собственной компании*, что чуть не явилось причиной аварии на дороге» [1: с. 437].

1б. «Из-за этой машины Кейт уже приходилось судиться — однажды какому-то из передних колес *вздумалось погулять по дороге в одиночку*, что едва не привело к аварии» [2: с. 365].

¹ Оппозиция скриптов, логический механизм, ситуация, объект, нарративная стратегия и язык.

² Далее — [О]/[Н].

В переводе 1996 г. переводчик ввел в текст дополнительный элемент (глагол «решить»), как и второй переводчик в 2014 г. (глагол «вздумалось»), чтобы поддержать столкновение скриптов [О]/[Н].

В примере 2 оба переводчика пошли по одному пути, прибегнув к конкретизации и выбрав лексему «обвиняемый»: «обвиняемая машина» [1] и «обвиняемый автомобиль» [2].

Отдельно стоит проанализировать логические механизмы, которые могут реализовывать исследуемое столкновение скриптов. Сам термин «логический механизм» (далее — ЛМ) в контексте анализа юмористических отрывков фигурирует у Сальваторе Аттардо [14] в работах по общей теории юмора, которая явилась логичным развитием семантической теории юмора В. Раскина. Примерами логической структуры переключения (сталкивания скриптов) являются такие ЛМ, как *false analogies*, *garden-path*, *exaggeration* [14: с. 27].

Для более наглядной подачи предлагаем воспользоваться в статье математическими символами, чтобы обозначить отдельные параметры логического механизма. Для демонстрации подобного подхода обратимся к следующему примеру.

3. «Baker's vans and laundry vans advertise their business and have words like "Bakery" and "Laundry" painted on them, whereas this van was completely blank. *It had absolutely nothing to say to anyone and it said it loudly and distinctly*» [3: p. 132].

В данной ситуации свойство «разговаривать» приписывается неживому объекту — транспортному средству. Предлагаемое нами обозначение логического механизма можно представить в следующем виде: А + /Б, где А и Б могут быть элементами разного языкового уровня. Соответственно А (*van, it*) находится в синтаксической связи (+) с Б (*have nothing to say*), при этом элементы не согласованы семантически (/)³. А языковая реализация выступает в виде *Pron + V*.

В двух вариантах перевода наблюдается ввод необходимой семы посредством дополнительных глаголов «собираться» и «хотеть», чтобы реализовать столкновение скриптов:

3а. «На фургоне не было вообще никаких опознавательных знаков. Откуда он и для чего — *этого он никому не собирался сообщать* и именно об этом четко и ясно говорил весь его вид» [1: с. 424].

3б. «Данный же *фургон не хотел сообщить миру абсолютно ничего* и кричал об этом всем своим видом» [2: с. 355].

В целом, рассматривая базовые параметры, мы наблюдаем картину адекватного функционального переноса.

Отметим, что в примере 2 с «*alleged car*» логический механизм аналогичный, но изменяется языковая реализация: конструкция *Adj + N*. На наш взгляд,

³ Естественно, данный логический механизм может быть реализован посредством сталкивания как разнообразных скриптов, так и разнообразного языкового наполнения.

предложенная схема описания логического механизма позволяет, с одной стороны, полноценно разъяснять логику происходящего, а с другой, не провоцировать совмещение с уже существующими терминами, такими, например, как эпитет и метафора.

Подобное столкновение в рамках художественного текста, помимо уже упомянутых выше примеров, может быть реализовано и с помощью логического механизма сравнения, который мы предлагаем маркировать в виде «А = /Б», где А и Б также могут быть элементами разного языкового уровня.

4. «The drip stand rolled on four small and independently perverse wheels which behaved like four screaming children in a supermarket, but nevertheless Kate was able to propel it to the door ahead of her» [3: p. 18].

В переводах наблюдается перенос всех необходимых параметров, позволяющих реализовать юмористический эффект. Небольшое расхождение, присутствующее в языковом компоненте, объясняется субъективностью восприятия и анализа текста, что повлекло разворачивание скриптов в схожем, но не абсолютно равнозначном направлении. В переводе 1996 г. выбор переводчика пал на лексическое соответствие (*screaming* — визжащие), а в переводе 2014 г. — на лексическую замену (капризные), позволяющую поддержать скрипт [непослушные колеса].

4а. «Штатив катился на четырех маленьких, упрямо разъезжавшихся в разные стороны колесиках, которые вели себя, как визжащие дети в супермаркете, но, несмотря на все это, Кейт удалось продвинуть его до дверей» [1: с. 313].

4б. «Четыре своенравных колесика вели себя как капризные дети в супермаркете, но Кейт все-таки удалось продвинуть штатив к выходу» [2: с. 269].

В примере 4 присутствует, хотя и не рассматривается в дальнейшем, и вышеупомянутый логический механизм А + Б: *independently perverse wheels* / упрямо разъезжавшиеся в разные стороны колесики / своенравные колесики.

В приведенном далее примере 5 также наблюдается сравнение. Но мы вынуждены констатировать, что столкновение скриптов [О]/[Н] не дает юмористического эффекта, как это может показаться на первый взгляд, так как [одушевленность] не входит элементом в противоположные скрипты по отношению к таким объектам, как море, солнце, небо и т. д. Юмористический эффект строится на столкновении скриптов [ожидаемое]/[неожиданное]: [уважение]/[неуважение].

5. «That seemed to calm the sea for a moment in the same way that a smack in the face will calm a hysteric» [3: p. 281].

Так как схожее разворачивание скриптов присутствует и в русской лингвокультуре, то в переводах наблюдается незначительная (для юмористического эффекта) вариативность, которая обусловлена по большей части связностью текста.

5а. «На море этот удар подействовал, как пощечина на истеричку — оно вмиг затихло» [1: с. 556].

5б. «Море на миг затихло, как истеричка от пощечины» [2: с. 462].

Интересным, на наш взгляд, является и то, что при сопоставлении двух вариантов перевода одного произведения нам встретилось изменение ЛМ. В следующем примере юмористический эффект реализуется с помощью механизма А = /Б:

6. «The hummer somersaulted at the top of its rise, turned, spun, and *rushed back to its owner like a wildly over-excited puppy*» [3: p. 281].

И в переводе 1996 г. вариативности логического механизма мы не наблюдаем.

6а. «А там, куда упал молот, взметнулся мощный столб воды, спустя несколько мгновений оттуда вырвался молот, перекувыркнулся, покружил немного поблизости и радостно *помчался к хозяину, как щенок, наигравшийся вдосталь*» [1: с. 556].

Несмотря на то, что переводчик изменил как скрипты, так и языковую реализацию, выбрав наиболее понятный образ для русскоязычного читателя, сохраненное противопоставление [О]/[Н] позволило реализовать юмористический эффект.

В переводе 2014 г. есть преобразование, связанное с изменением логического механизма с «А = /Б» на «А + /Б», что потенциально возможно, но на исследуемом материале встретилось лишь однажды:

6б. «Молот перекувыркнулся в воздухе, раскрутился и *со щенячьим восторгом полетел* вниз к хозяину» [2: с. 462].

Помимо изменений в ЛМ, наибольший интерес вызывает, на наш взгляд, какие именно модификации текста были внесены переводчиками с точки зрения когнитивной составляющей. Рассмотрим следующий пример:

7. «Kate took a hefty swig at her Bloody Mary and brooded silently for a moment while *the vodka marched*⁴ around inside her» [3: p. 159].

Необходимые скрипты разворачиваются по следующей схеме (в виде лексем, о чем писали В. Раскин и С. Аттардо): маршировать – солдаты – человек – одушевленность / неодушевленность – спиртной напиток – водка.

Основные преобразования на рассматриваемом материале были связаны с поддержанием столкновения базовых скриптов [О]/[Н], но при этом разворачивались данные скрипты в несколько разных направлениях.

7а. «Кейт сделала изрядный глоток своей “Кровавой Мери” и на мгновение, пока *водка прокладывала себе путь в глубь ее организма, задумалась*» [1: с. 451].

В примере 7а 1996 г. происходит следующее изменение: прокладывать путь – человек – одушевленность / неодушевленность – спиртной напиток – водка.

В примере 7б 2014 г. переводчик применил такую же схему с последующей конкретизацией (куда именно), которая, однако, не имеет отношения к передаче юмористического эффекта:

7б. «Кейт сделала большой глоток “Кровавой Мэри” и несколько секунд помолчала, пока *водка прокладывала путь к желудку*» [2: с. 376].

Отдельно отметим, что в статье рассматриваются не все виды преобразований конкретных отрывков, а только непосредственно связанные с воссозданием юмористического эффекта.

⁴ march — walk in a military manner with a regular measured tread // Oxford Dictionaries — Dictionary, Thesaurus, & Grammar. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/march> (дата обращения: 23.03.2017).

Приведем еще один интересный, на наш взгляд, пример, в котором холодильник главного героя явно приписываются антропоморфные характеристики:

8. «The fridge no longer merely stood there in the corner of the kitchen, it actually *lurked*. Dirk could quite clearly remember the day on which *the thing had started lurking*» [3: p. 27].

Стоит отметить общий ход мысли переводчиков, так как в обоих вариантах скрипты разворачиваются в сторону военных действий, что позволительно, учитывая семантику английского глагола «to lurk»: to wait or move in a secret way so that you cannot be seen, especially because you are about to attack someone or do something wrong⁵.

8а. «Холодильник больше не стоял, как обычно, на кухне, а *скрывался в засаде*. Дирк прекрасно помнил тот день, когда он *начал скрываться*» [1: с. 322].

8б. «Теперь он не просто стоял в углу кухни, а *фактически держал оборону*. Дирк прекрасно помнил, когда впервые это заметил — с неделю назад» [2: с. 276].

В ходе работы мы пришли к наблюдению, которое требует дальнейшей проверки: для сохранения юмористического эффекта, помимо всего прочего, требуются преобразования текста, направленные на сжатость, емкость, как в следующем примере:

9. «The window hadn't been opened for-well, certainly not during his ownership of the house, and *it struggled and screamed at the sudden unaccustomed invasion of its space and independence*» [3: p. 229].

9а. «...оно *отчаянно сопротивлялось неожиданному посягательству на свою независимость*» [1: с. 514].

9б. «Оно *не поддавалось, скрипело, протестуя против внезапного попра- ния независимости*» [2: с. 427].

Ряд опущений («space», «unaccustomed»), который присутствует в обоих переводах, не влияет на общий смысл и, более того, способствует адекватной передаче функционала приведенного отрывка, так как многие ученые отмечали связь юмора и эффекта неожиданности, который потерялся бы в случае эквивалентной передачи всех имеющихся в тексте лексем.

В целом можно отметить ряд факторов, значимых для полноценной передачи юмористического эффекта, создающегося посредством сталкивающихся скриптов [О]/[Н]:

- столкновение данных скриптов (на проанализированном материале) возможно при нескольких ЛМ – А + /Б и А = /Б, — соответственно потенциально возможна замена;
- при логическом механизме «А + /Б» языковая реализация обычно соответствует конструкциям в рамках предложения *N (Pron) + V, N + Adj*,

⁵ Meaning of “lurk” // Cambridge English Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/lurk> (дата обращения: 23.03.2017).

- а при ЛМ «А = /Б» вероятны комбинации сравнения (А как/будто/словно Б и т. д.). Изменение возможно, если иные варианты включают лексемы, имеющие в своем составе необходимую сему «одушевленность»;
- остальные параметры — объект, ситуация, нарративная стратегия — на рассмотренном материале оставались без изменений;
  - при межъязыковой передаче иногда приходится подчеркивать противопоставление исследуемых скриптов, вводя дополнительные языковые элементы;
  - в переводе на русский язык следует отдавать предпочтение более сжатому (если это возможно) языковому варианту.

Оценка переводов не входила в задачи статьи, но стоит отметить, что подход двух разных переводчиков к межъязыковой передаче исследуемых отрывков с юмористическим эффектом имел много общего.

Хотя анализируемое столкновение скриптов полноценно функционирует в рассматриваемых лингвокультурах, его передача представляется возможной и на конкретном материале функциональные потери отсутствовали, оно все же требует ряда преобразований. При этом данное столкновение может продуцироваться посредством разнообразных логических механизмов и, более того, не являться первопричиной существования юмористического эффекта.

Библиографический список

Источники

1. *Адамс Д.* Долгое безумное чаепитие души // Детективное агентство Дирка Джентли: [сб.] / пер. с англ. О. Корчевской. М.: АСТ, 2014. С. 251–478.
2. *Адамс Д.* Долгое чаепитие // Детективное агентство Дирка Джентли. Долгое чаепитие: роман / пер. с англ. М.: ТКО АСТ, 1996. С. 295–575.
3. *Adams D.* The Long Dark Tea-Time of the Soul. NY.: Pocket Books (ebook), 1990. 307 p.

Литература

4. *Большакова Д.В.* Комическое в лингвистике: основные подходы и проблематика исследования // Вестник МГЛУ. Сер. «Языкознание». 2010. № 5 (584). С. 101–111.
5. *Вострикова О.В.* О комической функции эвфемизмов // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2012. № 1 (9). С. 17–23.
6. *Дрога М.А.* Рифмованные сложения как элементы языковой игры (на материале русского и английского языков) // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 4 (20). С. 35–40.
7. *Изюмская С.С.* Моделирование юмористической тональности и англицизм в современном художественном тексте (на материале произведений В. Пелевина) // Вестник ЧГПУ. Сер. «Филология и искусствоведение». 2010. № 5. С. 264–274.
8. *Ким Е.Г.* К вопросу о транслируемости юмора скетч-шоу (на материале перевода «A Bit of Fray and Laurie») // Вестник ИГЛУ. Сер. «Филология». 2013. № 1 (22). С. 256–261.
9. *Косинец И.И.* Черный юмор сквозь призму теории В. Раскина и С. Аттардо (на материале русских и английских анекдотов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 11-1 (41). С. 111–115.

10. *Мартыненко И.С.* Роль когнитивных механизмов в создании юмористического эффекта // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2014. № 10 (40). Ч. 2. С. 105–108.
11. *Морозова А.М.* Жанровая специфика юмористического дискурса // *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. Сер. «Филология».* 2013. № 1. Т. 1. С. 216–222.
12. *Тарасенко Т.В.* Анекдот и перевод (на примере языковой игры) // *Вестник ИГЛУ. Сер. «Филология».* 2009. № 4 (8). С. 126–130.
13. *Фомичева Ж.Е., Елисеева И.Б.* О языковых средствах создания комического эффекта в пародийном художественном тексте // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки.* 2009. № 1. С. 309–319.
14. *Attardo S.* Humorous texts: a Semantic and Pragmatic Analysis. NY: Mouton de Gruyter, 2001. 238 p.
15. *Chiaro D.* Translation and Humour, Humour and Translation // *Translation, Humour and Literature. Translation and Humour.* NY: Continuum Publishing Corporation, 2010. Vol. 1. 236 p.
16. *Koster C.* Literary Translation // *Translation: a multidisciplinary approach / ed. by Juliane House.* UK: Palgrave Macmillan, 2014. P. 140–157.

References

Istochniki

1. *Adams D.* Dolgoe bezumnoe chaepitie dushi // *Detektivnoe agentstvo Dirka Dzhentli: [sb.] / per. s angl. O. Korchevskoj.* M.: AST, 2014. S. 251–478.
2. *Adams D.* Dolgoe chaepitie // *Detektivnoe agentstvo Dirka Dzhentli. Dolgoe chaepitie: roman / per. s angl. M.: TKO AST,* 1996. S. 295–575.
3. *Adams D.* The Long Dark Tea-Time of the Soul. NY.: Pocket Books (ebook), 1990. 307 p.

Literatura

4. *Bol'shakova D.V.* Komicheskoe v lingvistike: osnovny'e podxody' i problematika issledovaniya // *Vestnik MGLU. Ser. «Yazy'koznanie».* 2010. № 5 (584). S. 101–111.
5. *Vostrikova O.V.* O komicheskoy funkcii e'vfemizmov // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie».* 2012. № 1 (9). S. 17–23.
6. *Droga M.A.* Rifmovanny'e slozheniya kak e'lementy' yazy'kovoj igry' (na materiale russkogo i anglijskogo yazy'kov) // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie».* 2015. № 4 (20). S. 35–40.
7. *Izyumskaya S.S.* Modelirovanie yumoristicheskoy tonal'nosti i anglicizm v sovremennom xudozhestvennom tekste (na materiale proizvedenij V. Pelevina) // *Vestnik ChGPU. Ser. «Filologiya i iskusstvovedenie».* 2010. № 5. S. 264–274.
8. *Kim E.G.* K voprosu o transliruemosti yumora sketch-shou (na materiale perevoda «A Bit of Fray and Laurie») // *Vestnik IGLU. Ser. «Filologiya».* 2013. № 1 (22). S. 256–261.
9. *Kosinecz I.I.* Cherny'j yumor skvoz' prizmu teorii V. Raskina i S. Attardo (na materiale russkix i anglijskix anekdotov) // *Filologicheskie nauki. Voprosy' teorii i praktiki.* 2014. № 11–1 (41). S. 111–115.
10. *Marty'nenko I.S.* Rol' kognitivny'x mexanizmov v sozdanii yumoristicheskogo e'ffekta // *Filologicheskie nauki. Voprosy' teorii i praktiki.* 2014. № 10 (40). Ч. 2. С. 105–108.
11. *Morozova A.M.* Zhanrovaya specifika yumoristicheskogo diskursa // *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina. Ser. «Filologiya».* 2013. № 1. Tom 1. S. 216–222.

12. *Tarasenko T.V.* Anekdot i perevod (na primere yazy'kovej igry') // Vestnik IGLU. Ser «Filologiya». 2009. №4 (8). S. 126–130.

13. *Fomicheva Zh.E., Eliseeva I.B.* O yazy'kovy'x sredstvax sozdaniya komicheskogo e'ffekta v parodijnom xudozhestvennom tekste // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarny'e nauki. 2009. № 1. S. 309–319.

14. *Attardo S.* Humorous texts: a Semantic and Pragmatic Analysis. NY: Mouton de Gruyter, 2001. 238 p.

15. *Chiaro D.* Translation and Humour, Humour and Translation // Translation, Humour and Literature. Translation and Humour. NY: Continuum Publishing Corporation, 2010. Vol. 1. 236 p.

16. *Koster C.* Literary Translation // Translation: a multidisciplinary approach / ed. by Juliane House. UK: Palgrave Macmillan, 2014. P. 140–157.

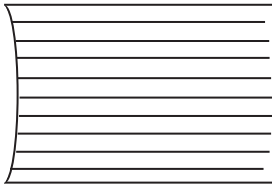
E.S. Abaeva

Translation of Extracts with Humorous Effect Created on Script Opposition [Animate]/[Inanimate]

The article deals with the topical question of fiction translation. Special aspects of translation of the extracts with humorous effect created on the basis of script opposition [animate]/[inanimate] are examined.

Keywords: translation; humorous effect; scripts; animate; inanimate.

**ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН**

УДК 028

**Е.С. Романичева,
О.В. Сененко**

**О новом методическом термине
«социальное чтение»**

В статье обосновано введение в терминосистему современной методической науки термина «социальное чтение», обозначены читательские практики, которые к нему относятся, показан его образовательный потенциал.

Ключевые слова: методическая наука; терминосистема; читательские практики; социальное чтение.

Как жить без умения назвать?

Д.С. Лихачев

Современное кризисное состояние методической науки (о нем свидетельствует тот факт, что ни одна из поставленных исследователями в последние годы задач не нашла эффективного инновационного решения ни в теории, ни в массовой образовательной практике) не будет преодолено, пока отечественная методика обучения литературе не приступит к созданию современной терминологической системы. Казалось бы, как связана разработка терминосистемы и проблема *нечтения* школьников? Воспользовавшись метафорой Е.И. Пассова, позволим себе утверждать, что терминосистема подобна кровеносной системе человека: при ее отсутствии или нарушении организм либо перестает существовать, либо дает сбой. Пример последнего в нашей методической науке и практике — ситуация с выпускным сочинением. Эта письменная работа вернулась в систему итоговой аттестации в формате сочинения метапредметного характера, другими словами, итоговое сочинение должно стать универсальной комплексной формой проверки уровня компетенции учащихся в области владения мыслью и словом, а не знаний по предмету «литература» [5: с. 83].

Но, не договорившись о термине, т. е. о том, что такое *метапредметное сочинение*, и постепенно придавая ему «литературоцентричный» характер,

мы — сколь бы оптимистичны ни были победные репортажи — по сути, вернули в школу «натаскивание» на шаблон. Натаскивание, против которого звучат голоса лучших учителей-словесников, лучших, но... далеко не всех. Потому что основная масса учителей, читая, например, методические рекомендации ФИПИ, делает абсолютно правильный вывод: метапредметное сочинение должно быть написано на основе произведений, включенных в школьную программу по литературе. Почему вдруг так? Да потому, что сторонники разных концепций современного литературного образования не договорились... о содержательном наполнении термина «метапредметное сочинение», потому что сам термин явился своеобразным водоразделом для разных научных школ: кто-то его принял, что называется, *по умолчанию*, а кто-то — нет. А это значит, что само использование подобного термина, не устоявшегося в науке, не имеющего «истории» обоснования и обсуждения в рамках профессионального сообщества, оказалось несколько преждевременным. Ведь всеми принятая терминосистема — это основа взаимопонимания ученых, принадлежащих к разным методическим школам, сторонников традиций и инноваций. Кстати, водораздел между первыми и последними пролегает и в области терминологии. «Суть науки, — заметил в свое время Павел Флоренский, — в построении или, точнее, в устроении терминологии. Всякая наука — система терминов. Поэтому жизнь терминов — и есть история науки <...> Изучить историю науки — это значит изучить историю терминологии, т.е. историю овладения умом принадлежащего ему предмета знания» (цит. по: [4: с. 25]).

Справедливости ради надо отметить, что отечественная методика обучения литературе в начале нулевых уже обращалась к проблеме обновления собственной терминосистемы: «Для инструментария исследования и утверждения престижа специальности как науки терминологический словарь необходим», — писал методист А.В. Дановский и настаивал на том, чтобы «пополнить» действующие филологические словари терминами, связанными с понятиями восприятия и литературного образования [1: с. 41]. Однако методика и филология — разные области научного знания, и для «пополнения» сугубо филологического словаря методическими терминами нужно очень серьезное научное обоснование. Но отметим тенденцию, которую, скорее всего, почувствовал, но не зафиксировал методист: гуманитарное знание становится междисциплинарным, помимо узкоспециальных словарей нужны словари, в состав которых будут включены термины из других, «смежных» наук. И для методики такие словари особенно необходимы. Почему? Вот как на этот вопрос отвечает известный методист Е.И. Пассов:

«— появится надежда на создание мыслительного и языкового аппарата науки как основы взаимопонимания <...>»,

— методика вступит на путь, ведущий от эмпирического уровня к теоретическому, когда создаются теории, модели, концепции, а не частные, пусть и эффективные, исследования,

— прояснится характер связи методики с другими науками, с которыми у нее имеется “объектная” общность,

– возрастает эффективность решения основных проблем методики как теории и технологии» [4: с. 4].

Однако, приступая к разработке если не современного методического словаря, то хотя бы словника к нему, нужно помнить еще об одной черте современной информационной ситуации: «Нынешняя эпоха — период эклектики, предметной и лексической неопределенности, размывания понятий. *Время кви-про-кво*¹», — пишет современный филолог и педагог, специалист по коммуникативным дисциплинам и книговедению Ю.В. Щербинина [8: с. 13]. Применительно к методической науке эта особенность (путаница понятий. — *E. P., O. C.*) происходит из-за несовпадения западной и отечественной терминосистем. А если к сказанному добавить, что в настоящее время происходит прямой перенос англоязычных терминов, даже при наличии прямых совпадений и соответствий, то ситуация становится еще более актуальной.

Проиллюстрируем сказанное, обратившись к новому для отечественной науки термину *социальное чтение*.

В «Глоссарии по проблемам чтения», составленном Ю.П. Мелентьевой [3], такого термина нет. Хотя, на наш взгляд, работа, на которую мы ссылаемся, все-таки словник, а не глоссарий, так как глоссарий — это словарь узкоспециальных терминов в какой-либо узкоспециальной области знания или список (если он составлен к конкретному тексту) «трудных» слов с комментариями и объяснениями. Представленный уважаемым ученым список дефиниций, который действительно может лечь в основу междисциплинарного (и это очень важно!) словаря по чтению, не содержит истолкований терминов или каких-либо комментариев к ним. К тому же проблему чтения с очень большим трудом можно назвать «узкоспециальной». Мы заострили на этом свое внимание вовсе не для того, чтобы вступить в полемику с уважаемым автором, а чтобы в очередной раз сказать: исследователям необходимо «договариваться» о терминологии, уточнять содержательное наполнение каждого термина (понятия).

Однако вернемся к термину *социальное чтение*. На первый взгляд, это оксюморон. Чтение многими традиционно воспринимается как процесс сугубо индивидуальный. Приверженцы этой точки зрения не учитывают тот факт, что у читателей довольно часто рождается потребность выразить свое мнение, поделиться своими мыслями о прочитанном. Письменное свидетельство тому — посты в социальных сетях, если говорить о XXI в., и целые страницы в личных дневниках, если говорить о веках предшествующих. Разнообразные читательские коммуникативные практики, связанные с чтением и книгами, в американских и английских публикациях последних лет получили название *Social Reading* (социальное чтение). Под *социальным чтением* в них понимается совместное (или параллельное/одновременное) чтение и последующее обсуждение текста двумя или более людьми, в том числе с использованием

¹ Qui pro quo (*лат.* одно вместо другого) — путаница понятий; недоразумение в результате того, что одно лицо, вещь или понятие принято за другое.

Интернета. Данное определение не является общепринятым и исчерпывающим, так как социальное чтение — формирующееся понятие, которое еще не имеет четкого толкования в научной литературе. Обзор некоторых зарубежных публикаций, посвященных феномену социального чтения, можно найти в статье О.В. Сененко «Социальное чтение и школьная библиотека», электронная версия которой размещена на сайте журнала «Школьная библиотека сегодня и завтра» [6]. Здесь же остановимся лишь на основных типах социального чтения, выделяемых одним из его первых исследователей и практиков, Б. Стейном.

К первому типу социального чтения Б. Стейн относит поверхностные разговоры с друзьями и знакомыми по поводу прочитанных книг, которые не претендуют на роль «интеллектуальной коммуникации», а всего лишь выполняют функцию «социального клея». Иными словами, книга — это только одна из тем разговора, которая помогает познакомиться, сблизить собеседников, нащупать некое общее поле интересов. Второй тип — обсуждение книг (точнее — конкретного текста, а не книг вообще) онлайн, происходящее, как правило, в социальных сетях или на функционально близких к ним читательских сайтах наподобие Bookmix [9]. К третьему типу Стейн относит очные обсуждения книг в классе или книжном клубе, которые, по мнению исследователя, являются более конкретными, глубокими и живыми, чем читательские дискуссии онлайн. Четвертый тип социального чтения, менее всего пока известный российскому читателю, — это комментирование читаемого текста с помощью сервисов, позволяющих делать «заметки на полях», таких как, например, созданные командой Стейна плагин CommentPress или сайт «SocialBook» [11]. Подобные сервисы дают читателям возможность не только совместно читать онлайн, но и публиковать комментарии, вставлять картинки, видео и ссылки на полях рядом с произвольно выделенными фрагментами текста, а также общаться с другими читателями, отвечая на их вопросы и комментарии. В итоге текст обрастает контекстом, создаваемым самими читателями и, говоря словами Стейна, становится «больше самого себя» [12]. Читательские комментарии на сегодняшний день широко распространены и в других форматах электронной коммуникации — в блогах, социальных сетях, новостных лентах и т. д. — и даже рассматриваются исследователями как самостоятельный интернет-жанр: «Жанр КЧ (комментарий читателя. — Е. Р., О. С.) охватывает сегодня не только СМИ в официальном значении этого слова, но и всё пространство Интернета, представляя собой запечатленную на электронном носителе (быструю) реакцию читателя на сообщение о каком-либо факте» [2: с. 68].

Однако вернемся к типологии социального чтения, в которой Б. Стейн, безусловно, ориентируется на образовательную практику (связанную с чтением книги) своей страны. Если мы будем использовать эту классификацию, ориентируясь на систему российского образования, в рамках которого в школе предусмотрено изучение предметов *литературное чтение* и *литература*

и освоение достаточно объемного списка текстов, как правило, классических, то «обсуждение книг в классе» (если эти книги входят в обязательный список, а не выбраны учителем и учениками совместно, например, для уроков внеклассного чтения) нам нужно «вывести» из понятия *социальное чтение*. Думается, что это правомерно сделать потому, что все те практики чтения и обсуждения, о которых речь шла выше (заметки в дневниках, обсуждения с друзьями или в книжном клубе, посты и комментарии в социальных сетях, читательские блоги — если они только не созданы «руководителем чтения» в «прагматических» целях для обсуждения конкретной книги и не модерируются им), носят *свободный* характер. Ситуация обсуждения книги на уроке строится (в идеале), исходя из того, что книга обязательно прочитана всеми учащимися, т. е. характер знакомства с ней носит не свободный, а «принудительный» (берем это слово в кавычки, чтобы подчеркнуть его безоценочность в данном случае) характер. Да и на урок учащиеся пришли не как в книжный клуб, не по собственному желанию, а по... расписанию.

Думается, что требует более точного наименования и то, что называется исследователем «случайным разговором о книге», потому что изначально целью такого разговора является не обсуждение книги, а сближение участников диалога, выбор общего поля коммуникации, нащупывание общих тем, т. е. сам выбор предмета обсуждения достаточно случаен: можно вместо книги поговорить о сериале, спорте, путешествии и т. д.

Тем не менее социальное чтение любого из перечисленных типов может быть интересно и полезно читателям. Исследователи отмечают, что оно расширяет читательский опыт, выводя за пределы книги и индивидуального восприятия, помогает вместе находить смыслы, которые могли бы остаться незамеченными при чтении в одиночестве [10]. Кроме того, дискуссии о книге обогащают восприятие и понимание прочитанного (в особенности когда речь идет о детском чтении); по точному замечанию Э. Чамберса, «мы не знаем, что думаем о книге, пока о ней не поговорим» [7, с. 155]. Этот эффект социального чтения заметно усиливается, если в нем участвуют люди, которые обладают более высокой читательской компетентностью, так как они способны, например, дать важные пояснения к тексту или акцентировать внимание на особенно значимых фрагментах. Для других читателей такое чтение может стать деятельностью в «зоне ближайшего развития», постепенно повышающей их читательскую компетентность, — на этом основывается практика использования социального чтения в литературном образовании. Но социальное чтение (если мы все-таки согласимся с тем, что на учебных занятиях мы занимаемся социальным чтением, а не изучением конкретного текста) на уроках носит «принудительный» характер (к тому же само обсуждение идет по вопросам, которые предлагаются учителем, а не юными читателями), и после окончания школы о такой практике очного чтения-обсуждения прочитанного просто забывают, чего нельзя сказать о практиках социального чтения онлайн, которое

стихийно и при этом интенсивно развивается, все более широко распространяясь в среде подростков и молодежи преимущественно в форматах читательских сообществ в социальных сетях (в том числе специализированных на чтении) и фандомов (интернет-сообществ авторов фанфикшн — любительского литературного опыта, который опирается на элементы популярных книг, фильмов и т. д.).

Неформальное обсуждение книг (как в Интернете, так и лицом к лицу — в рамках, например, независимого книжного клуба) имеет ряд преимуществ, которые привлекают миллионы читателей по всему миру. К этим преимуществам можно отнести прежде всего те качества, которые отличают его от школьных практик: свободное самоопределение читателей как в выборе книг для обсуждения, так и в выборе сообщества (группы читателей), а также право самостоятельно решать, стоит ли высказываться о прочитанном или, например, только слушать либо читать высказывания других. Важно, что в неформальных читательских сообществах отношения строятся на равноправии собеседников: каждый из участников имеет возможность выражать свое мнение, спорить или соглашаться с другими, соблюдая установленные сообществом этические нормы (большинство читательских групп модерируется), и возникающее при этом естественное лидерство более активных и компетентных читателей не ограничивает прав других участников. Неудивительно, что эти качества социального чтения привлекают как взрослых, так и подростков. Но для того, чтобы попытаться внедрить подобные практики в сферу литературного образования, нужно глубоко и целенаправленно исследовать феномен социального чтения, а для этого необходима разработка проблемы и на этой основе уточнение терминологии.

Таким образом, введение нового термина *социальное чтение* в терминосистему современной методической науки позволит описать и осмыслить новые практики чтения, раскрыть их образовательный потенциал. И для этого, безусловно, нужно договориться о том, какие именно читательские практики являются собственно социальным чтением, т. е. уточнить содержательное наполнение этого англоязычного термина. Ведь сближение и взаимообогащение отечественной и зарубежной терминосистем невозможно без сопоставительного анализа и упорядочения терминологии. И вновь в подтверждение высказанной мысли обратимся к авторитету Е.И. Пассова, который, настаивая на обновлении методической терминосистемы и ее упорядочении, совершенно справедливо указывал, что она «нужна:

- студенту, овладевающему профессией учитель, ибо терминология науки — ее зеркало. Какой увидит будущий учитель науку методика в зеркале терминологии, зависит от точности или кривизны этого зеркала;
- учителю-практику, ибо точная терминология — точный инструмент для работы. А чем точнее инструмент, тем точнее технология, тем качественней продукт;
- учителю-исследователю, методисту, ибо терминология — инструмент познания, от него зависит точность, глубина и корректность обоснованных выводов» [4: с. 122–123].

Заострим свое внимание на словах о том, что точная терминология позволяет учителю выбрать более точный инструмент для работы, и в заключение позволим себе предположить, что организованные и постоянно используемые учителем практики социального чтения не только позволят существенно разгрузить программу, выводя в онлайн-обсуждение произведений, рекомендуемых для «чтения и обсуждения» или «внеклассного чтения», а также книжных новинок (они привлекают юных читателей, однако их «освоение» с трудом вписывается в формат учебных занятий), но и откроют новые перспективы управляемой проектно-исследовательской деятельности в области чтения.

Библиографический список

Литература

1. *Дановский А.В.* О терминологическом словаре по специальности «Теория и методика обучения и воспитания (литература)» // Проблемы филологического образования. X Голубковские чтения. Ю.-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2002. С. 40–42.
2. *Кирилина А.В.* Интернет-жанр «комментарий читателя» // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 1 (17). С. 67–76.
3. *Мелентьева Ю.П.* О чтении. Размышления о теоретических аспектах чтения. М.: Канон+, 2014. С.168–183.
4. *Пассов Е.И.* Терминосистема методики, или Как мы говорим и пишем. СПб.: Златоуст, 2009. 124 с.
5. *Романичева Е.С., Горелкина А.В.* «Возвращенное» сочинение: итоги проверки и перспективы оценивания // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 2 (22). С. 78–86.
6. *Сененко О.В.* Социальное чтение и школьная библиотека // Школьная библиотека сегодня и завтра. 2016. № 12. С. 11–13.
7. *Чамберс Э.* Рассказы. Читаем, думаем, обсуждаем. М.: Самокат, 2016. 320 с.
8. *Щербинина Ю.В.* Книга – текст – коммуникация. Словарь-справочник новейших терминов и понятий. М.: Форум, 2015. 304 с.

Интернет-ресурсы

9. Bookmix. Клуб любителей книг. [Электронный ресурс]. URL: <http://bookmix.ru> (дата обращения: 27.02.2017).
10. *Mennella A.* What is «Social Reading» and why should Libraries care? // Tame the Web. [Электронный ресурс]. URL: <http://tametheweb.com/2011/06/14/what-is-%E2%80%9Csocial-reading%E2%80%9D-and-why-should-libraries-care-a-ttw-guest-post-by-allison-mennella> (дата обращения: 27.02.2017).
11. SocialBook. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.livemargin.com> (дата обращения: 27.02.2017).
12. *Stein B. A Taxonomy of Social Reading: a proposal* // The Institute for the Future of the Book. [Электронный ресурс]. URL: <http://futureofthebook.org/social-reading/index.html> (дата обращения: 27.02.2017).

References

Literatura

1. *Danovskij A.V.* O terminologicheskom slovare po special'nosti «Teoriya i metodika obucheniya i vospitaniya (literatura)» // Problemy' filologicheskogo obrazovaniya. X Golubkovskie chteniya. Yu.-Saxalinsk: Izd-vo SaxGU, 2002. S. 40–42.
2. *Kirilina A.V.* Internet-zhanr «kommentarij chitatel'ya» // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 1 (17). S. 67–76.
3. *Melent'eva Yu.P.* O chtenii. Razmy'shleniya o teoreticheskix aspektax chteniya. M.: Kanon+, 2014. S.168–183.
4. *Passov E.I.* Terminosistema metodiki, ili Kak my' govorem i pishem. SPb.: Zlatoust, 2009. 124 s.
5. *Romanicheva E.S., Gorelkina A.V.* «Vozvrashhennoe» sochinenie: itogi proverki i perspektivy' ocenivaniya // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2016. № 2 (22). S. 78–86.
6. *Senenko O.V.* Social'noe chtenie i shkol'naya biblioteka // Shkol'naya biblioteka segodnya i zavtra. 2016. № 12. S. 11–13.
7. *Chambers E'.* Rasskazhi. Chitaem, dumaem, obsuzhdaem. M.: Samokat, 2016. 320 s.
8. *Shherbinina Yu.V.* Kniga – tekst – kommunikaciya. Slovar'-spravochnik novejshix terminov i ponyatij. M.: Forum, 2015. 304 s.

Internet-resursy'

9. Bookmix. Klub lyubitelej knig. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://bookmix.ru> (data obrashheniya: 27.02.2017).
10. *Mennella A.* What is «Social Reading» and why should Libraries care? // Tame the Web. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://tametheweb.com/2011/06/14/what-is-%E2%80%9Csocial-reading%E2%80%9D-and-why-should-libraries-care-a-ttw-guest-post-by-allison-mennella> (data obrashheniya: 27.02.2017).
11. SocialBook. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.livemargin.com> (data obrashheniya: 27.02.2017).
12. *Stein B.* A Taxonomy of Social Reading: a proposal // The Institute for the Future of the Book. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://futureofthebook.org/social-reading/index.html> (data obrashheniya: 27.02.2017).

**E.S. Romanicheva,
O.V. Senenko**

On the New Methodological Term «Social Reading»

The article justifies introduction of the term «social reading» to the term system of modern methodological science and marks reader practices related to it. Its educational potential is displayed.

Keywords: methodical science; term system; reading practices; social reading.

Л.Т. Нечаева

Проблема перевода сочетаний устойчивых грамматических конструкций в преподавании японского языка

В статье анализируется проблема перевода сочетаний устойчивых грамматических конструкций в японском языке. Даются рекомендации по обучению переводу таких сочетаний, приводится список наиболее употребительных сочетаний устойчивых грамматических конструкций.

Ключевые слова: японский язык; перевод; сочетание; устойчивые грамматические конструкции; последовательность перевода.

Одной из целей преподавания иностранного языка в вузе является обучение студентов письменному переводу. Проблема обучения переводу с японского языка на русский рассматривалась в 60–70-х гг. XX в. Тогда в издательстве МГУ им. М.В. Ломоносова вышли два учебных пособия — В.С. Гривнина (1966), в котором уделялось внимание проблеме перевода с японского языка на русский в целом и лексическим вопросам перевода в частности [1], и В.С. Гривнина, Т.И. Корчагиной (1972), в котором авторы делали акцент на грамматические вопросы перевода [2]. В 1999 г. был издан курс лекций В.С. Гривнина, освещавший основы перевода [3]. В 2015 г. вышла статья Т.И. Корчагиной, раскрывавшая лексические аспекты перевода [4]. Можно сказать, что специальных работ по методике преподавания перевода с японского языка не было. Однако в последнее время появились статьи У.П. Стрижак, посвященные лингвокогнитивному подходу в обучении переводу [5].

Проблемы перевода конкретных грамматических явлений и обучения этому студентов постоянно обсуждаются в научной литературе. В качестве примера можно привести статью О.В. Кузьминой, в которой разбираются особенности перевода греческого субстантивированного инфинитива в славянском тексте [6]. В литературе по преподаванию японского языка анализировались отдельные грамматические явления, но не было работ, описывающих методы обучения переводу сочетаний устойчивых грамматических конструкций (УГК). Именно с ними у студентов связаны определенные трудности.

Постигать азы письменного перевода студенты начинают на 1-м курсе после овладения азбуками — хираганой и катаканой. Письменный перевод с японского языка на русский как отдельное направление изучают во 2-м семестре 3-го курса и в течение всего 4-го курса. То есть к моменту проведения специальных занятий по письменному переводу студенты-третьекурсники владеют достаточными знаниями основных грамматических явлений, представленных

в учебниках и учебных пособиях. В качестве материала для перевода используются, как правило, передовицы ведущих японских газет, потому что в них отражается современная лексика и грамматика, типичная для СМИ. Статьи пишутся для широкой аудитории, поэтому их язык понятен, логичен, экспрессивен и отличается большим разнообразием синтаксических построений, характерных для каждой газеты [7].

Тем не менее при переходе к чтению газетных публикаций возникает необходимость кратко повторить основные УГК, обратив внимание студентов на особенности их перевода на русский язык.

В современном письменном японском языке активно употребляются синтаксические конструкции, представляющие собой сочетание УГК или глагольных форм. Понимание и перевод таких сложных конструкций вызывают трудности у студентов, потому что общий смысл УГК бывает нелегко понять. Иногда они включают в себя синонимичные конструкции, например *Vなければならぬ* передает «долженствование» и форма *はずです* тоже передает «долженствование с некоторым оттенком предположительности». В результате они переводятся как *должно быть, необходимо...* Существуют сочетания противоположных по смысловому содержанию конструкций, например *Vていいわけがない*, где *Vていい* передает «разрешение» совершить действие, а *わけがない* — «категорическое отрицание совершения действия», в результате получается перевод — *нет причины, по которой можно совершить действие, не получится совершить действие*. Впервые столкнувшись с такими сочетаниями, студент затрудняется в их переводе.

Для того чтобы помочь преодолеть подобные трудности, можно рекомендовать следующее:

1. Перед чтением текста обращать внимание студентов на то, что перевод сочетания грамматических конструкций следует начинать с самой последней из них, т. е. с той, которой заканчивается данное сочетание, например:

あんなに嫌な学校に行かなくてもいいのだったら喜んでいいはずだった。

[Анна-ни ия-на гакко:-ни иканакутэ мо ий-но даттара ёрокондэ мо ий хадзу датта]. *Должно было, можно радоваться, если разрешается не ходить в такую противную школу.*

В этом предложении сочетаются две конструкции — возможности, разрешения действия — *Vてもいい* и форма предположительного долженствования — *はずだった*.

2. Выписывать встречающиеся сочетания с переводом и составлять свои словари сложных конструкций, потому что ни в одном словаре невозможно найти перевод или толкование сочетаний УГК.

В результате проведенной нами выборки из ведущих газет Японии мы составили список определенных сочетаний УГК. Безусловно, список таких сочетаний не может быть абсолютным, так как он постоянно меняется, но что-то закрепилось в языке СМИ.

Выделим основные сочетания, часто повторяющиеся в текстах СМИ.

1. **はず** в сочетании с различными УГК. Переводить следует с конца, т. е. «должно быть, ...» или «не должно быть, ...», например:

1.1. Перед **はず** могут стоять формы, передающие значение разрешения действия, например:

Vていいはずですよ (はずがない) — должно быть, можно... (не) должно быть, что возможно...

抽出数をもっと絞り込んだ形でもよいはずだ。[Тю:сюцукадзу-о мотто сибориконда катати-дэмо ёй хадзу да]. *Должно быть, возможна форма (проведения теста), при которой получился бы лучший результат.*

このまま突っ走っていいはずがない。[Коно мама тоббаситтэ ий хадзу-га най]. *Если будет так продолжаться, то, должно быть, не будет возможности достигнуть поставленной цели.*

1.2. Перед **はず** могут стоять различные УГК, передающие значение долженствования:

- Форма Vなければならない:

Vなければならないはずですよ — должно быть, необходимо ...,

こうした点も含めた郵政改革の全容を、慎重な国会審議を通じ解明しなければならぬはずである。[Ко:сита тэн мо фукумэта ю:сэй кайкаку-но дзэннё:-о, синтё:-на коккай синги-о цу:дзитэ каймэй-синакэрэба наранай хадзу дэару]. *Должно быть, во время серьезных парламентских обсуждений необходимо выяснить все составляющие реформы почты, включая и такие положения.*

- Vなくてはならない — должно быть, необходимо ...,

自分の人間性というものを見せつけられ、見つめていかなくてはならぬはずだ。[Дзibun-но нингэнсэй-то ю: моно-о мицукэрэрэ, мицумэтэ иканаку-тэ ва наранаку нару хадзу да]. *Должно быть, необходимо взглядеться в свои человеческие качества, внимательно их проанализировать.*

- Vべき — должно быть, надлежит ...,

勅令は実際に行われるべきはずであった改革について語っていたのである。[Тёкурэй ва дзиссай-ни оконаварэру бэки хадзу дэ атта кайкаку-ни цуй-тэ катагтэ ита но дэару]. *Императорский указ говорил о реформах, которые, должно быть, необходимо претворить в жизнь.*

1.3. Перед **はず** могут стоять УГК, передающие значение возможности совершения действия:

Vことができるはずですよ (はずはない) — (не) должно быть, что возможно (невозможно) ...

その表情を絶対に忘れることができないはずですよ。[Соно дзидзё:-о дзэтгай-ни васурэру кото-га дэкинай хадзу дэсу]. *Должно быть, невозможно забыть эту ситуацию.*

日本経済としてはそのくらいのことのできないはずはない。[Нихон кэйдзай тоситэ ва соно курай кото-га дэкинай хадзу ва най]. *Не должно быть так, чтобы японская экономика не смогла оказаться на таком уровне.*

1.4. Перед *はず* может стоять УГК, передающая значение постоянного совершения действия:

Vことがある(ない)はずだ — должно быть (не) случается совершать действие. *ムートンだから、短くても寒さを感じることはないはずだ。* [Му:тон да кара, мид-зикакутэ мо самуса-о кандзиру кото ва най хадзу да]. *Так как мутон, то шерсть короткая. Но человек в такой шубе, должно быть, не чувствует холода.*

1.5. Перед *はず* может стоять УГК, передающая значение совета совершить действие:

Vばいいはずだ — должно быть, следует совершить действие.

次に、それに向かって手を伸ばしてつかむようなイメージをもてばいいはずだ。[Цуги-ни, сорэ-ни мукаттэ тэ-о нобаситэ цукаму ё:-на имэ:дзи-о мотэба ий хадзу да]. *Дальше, должно быть следует сделать такой вид, как будто протягиваешь руки к этому предмету и хватаешься за него.*

2. Сочетания с *わけ* могут быть такими:

2.1. Vていいわけがない — нет причины, по которой можно совершить действие, не получится совершить действие.

もちろん、官僚依存の政治が今のまま続いていいわけはない。[Мотирон, канрё: идзон-но сэйдзи-га има-но мама цудзуйтэ ий вакэ ва най]. *Безусловно, не может продолжаться без изменения политика, основу которой составляет бюрократический аппарат.*

2.2. Vできるようにわけではない — не значит, что возможно.

安保関連法によって、自衛隊の武器使用基準は緩和されたが、何でもできるようになったわけではない。[Хо:ан канрэнхо:-ни ёттэ, дзийтай-но буки сиё: кидзюн ва канва-сарэта га, нандэмо дэкиру-ё:ни натта вакэ-дэ ва най]. *На основании договора безопасности уровень использования оружия Силами Самообороны очень низкий, но это не значит, что мы все могли бы сами.*

2.3. Vことができるわけだ — причина, по которой можно совершить действие.

ここでも抗炎症、鎮痛作用を確かめることができました。[Коко-дэмо ко:энсё:, тинцу: саё:-о тасикамэру кото-га дэкиру вакэ дэсу]. *Поэтому в этом случае можно проверить противовоспалительное, болеутоляющее действие.*

2.4. Vなくてはならないわけだ — причина, по которой должны совершить действие.

その本の仕入れ価格まで負担しなくてはならないわけですから。[Соно хон-но сиирэ какаку-мадэ футан-синакутэ ва наранай вакэ дэсу]. *Дело в том, что за все должны нести ответственность, вплоть до определения закупочной цены этих книг.*

2.5. Vばいいわけだ — причина, по которой следует совершить действие.

今までの農業会の看板だけ塗り替えて新農協を名乗ればいいわけだ。[Има-мадэ-но но:гё:кай-но камбан дакэ нурикаэтэ синно:кё:-о нанорэба ёй вакэ да]. *Дело в том, что следует перекрасить только предыдущую вывеску сельскохозяйственного объединения и дать название новой сельскохозяйственной кооперации.*

3. Сочетания с *まい* следующие.

3.1. Vなければなるまい — вероятно, должны совершить действие.

実体経済と遊離したマネーの再膨張を警戒しなければなるまい。 [Дзит-тай кэйдзай то ю:ри-сита манэ:-но сайбо:тё:-о кэйкай-синакэрэба нарумай]. *Вероятно, должны допустить новую денежную инфляцию, не связанную с реальной экономикой.*

3.2. Vのではあるまい — разве не ...

だからこそ、子どものための政策は、現金を配ることに偏りすぎてはいけいなのではあるまいか。 [Дакара косо, кодомо-но тамэ-но сэйсаку ва, гэнкин-о кубару кото-ни катаэрисугитэ ва икэнай но дэ ва арумай ка]. *Именно поэтому разве политика в отношении детей не должна быть чрезвычайно внимательна при распределении денежных средств?*

3.3 Vても仕方あるまい — наверное, не остается ничего другого, как ...

与党は申し合わせをたてに討論を避けた、と言われても仕方あるまい。 [Ё:то: ва мос:сиавасэ-о татэ-ни то:рон-о сакэта, то иварэтэ мо сиката ару май]. *Наверное, не остается ничего другого, как сказать, что правящая партия избегала дискуссий под предлогом сговора.*

70年間も放置してきたのは、不作為だと指摘されても仕方あるまい。 [70 нэнкан мо хо:ти-ситэ кита но ва, фусакуи да то ситэки-сарэтэ мо сиката арумай]. *Наверное, не остается ничего другого, как указать на тот факт, что это не вымысел, если остается без изменения в течение 70 лет.*

3.4. Vわけにはいくまい — невозможность совершения действия.

であればなおさら、日本側の申し入れを無視した対応は認めるわけにはいくまい。 [Дэрэба нао сара, нихонгава-но мо:сиирэ-о муси-сита тайо: ва митомэру вакэ-ни ва икумай]. *Если всё так, то тем более вряд ли можно согласиться с позицией, когда игнорируются предложения японской стороны.*

3.5. Vてはなるまい — наверное, нельзя совершить действие.

日韓自体が地域の不安定要因になってはなるまい。 [Дзиэйтай-га тиики-но фуантэй ё:ин-ни наттэ ва нарумай]. *Наверное, нельзя, чтобы Силы Самообороны стали причиной нестабильности.*

В данной статье приведены только наиболее часто встречающиеся сочетания УГК. Учитывая сложности, возникающие при обучении переводу с японского языка на русский, и невозможность найти соответствующую литературу по данной проблеме, считаем ее весьма актуальной и требующей дальнейшего изучения.

Библиографический список

Литература

1. Гривнин В.С. Пособие по переводу с японского языка на русский. Лексические вопросы перевода. М.: МГУ, 1966. 210 с.
2. Гривнин В.С., Корчагина Т.И. Пособие по переводу с японского языка на русский. Грамматические вопросы перевода. М.: МГУ, 1972. 220 с.

3. *Гривнин В.С.* Основы перевода: курс лекций. М.: ИСАА МГУ, 1999. 158 с.
4. *Корчагина Т.И.* О преподавании перевода с японского языка на русский // Методика преподавания восточных языков: Актуальные проблемы преподавания перевода. М.: Грифон, 2015. 282 с.
5. *Стрижак У.П.* Сопоставление японской и русской языковых картин мира в процессе обучения японскому языку // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2013. № 1 (13). С. 56–64.
6. *Кузьмина О.В.* Особенности перевода греческого субстантивированного инфинитива в славянском тексте «Патерика Римского» // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 4 (16). С. 75–79.
7. *Нечаева Л.Т.* Грамматические явления, встречающиеся в передовицах японских газет // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. М.: Ключ-С, 2016. Вып. 15. 150 с.

References

Literatura

1. *Grivnin V.S.* Posobie po perevodu s yaponskogo yazy'ka na russkij. Leksicheskie voprosy' perevoda. M.: MGU, 1966. 210 s.
2. *Grivnin V.S., Korchagina T.I.* Posobie po perevodu s yaponskogo yazy'ka na russkij. Grammaticheskie voprosy' perevoda. M.: MGU, 1972. 220 s.
3. *Grivnin V.S.* Osnovy' perevoda: kurs lekcij. M.: ISAA MGU, 1999. 158 s.
4. *Korchagina T.I.* O prepodavanii perevoda s yaponskogo yazy'ka na russkij // Metodika prepodavaniya vostochny'x yazy'kov: Aktual'ny'e problemy' prepodavaniya perevoda. M.: Grifon, 2015. 282 s.
5. *Strizhak U.P.* Sopostavlenie yaponskoj i russkoj yazy'kovy'x kartin mira v processe obucheniya yaponskomu yazy'ku // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2013. № 1 (13). S. 56–64.
6. *Kuz'mina O.V.* Osobennosti perevoda grecheskogo substantivirovannogo infinitiva v slavyanskom tekste «Paterika Rimского» // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 4 (16). S. 75–79.
7. *Nechaeva L.T.* Grammaticheskie yavleniya, vstrechayushhiesya v peredovicax yaponskix gazet // Yaponskij yazy'k v vuze: aktual'ny'e problemy' prepodavaniya. M.: Klyuch-S, 2016. Vy'p. 15. 150 s.

L.T. Nechaeva

Translation of Combined Stable Grammatical Constructions in Teaching Japanese

This article raises the issue of translation of combined stable grammatical constructions in Japanese. It provides recommendations on teaching translation of such combinations. A list of the most common combinations of stable grammatical constructions is attached.

Keywords: Japanese; translation; combination; stable grammatical constructions; sequence of translation.

А.Г. Федорова

**Изменение категориальной семантики
неопределенного местоимения «некто»
в сказке «Некто»: причины и функции
(на материале «Сказок для вундеркиндов»
С.Д. Кржижановского)**

Статья посвящена изучению причин и функций изменения категориальной семантики неопределенного местоимения «некто» в сказке «Некто» из цикла С.Д. Кржижановского «Сказки для вундеркиндов». Автор пытается ответить на вопрос, что в лексической и грамматической семантике местоимения-существительного «некто» послужило основой для выбора героя, как на протяжении повествования меняется значение слова.

Ключевые слова: «Сказки для вундеркиндов»; категориальная семантика; неопределенное местоимение «некто».

Проза С.Д. Кржижановского все еще остается недостаточно изученной, хотя корпус новелл и повестей писателя постепенно входит в сферу филологического анализа (см., например, [4]). Необычное мировидение автора ярко раскрывается уже в одном из первых сборников — «Сказки для вундеркиндов». В «Сказках...» главными (а иногда и заглавными) героями, определяющими основы сюжета произведения и специфику его текстовой структуры, становятся весьма необычные сущности: «Чуть-чутьи», «Якоби и “Якобы”», «Жизнеописание одной мысли», «Поэтому», «Путешествие тени», «“Некто”», «Страна нетов» и т. п.

На изменение категориальной семантики разных частей речи указывает употребление слова в не свойственной ему форме (например, множественное число наречия «чуть-чуть» и слова-отрицания «нет»), функции (имя собственное и наречие выступают как однородные в «Якоби и “Якобы”»), контексте («Жизнеописание одной мысли», «Путешествие тени»). Все приведенные слова выступают в «Сказках...» как субстантиваты, т. е. играют роль существительного.

Но местоимение «некто» и так относится к разряду местоимений-существительных, оно указывает на лицо и мотивировано местоимением «кто». По лексико-грамматическому разряду «некто» относится к неопределенным местоимениям [6: с. 538].

Е.В. Падучева, изучающая семантику и функции неопределенных местоимений, подчеркивает: неопределенные местоимения указывают на то, что референт (предмет, к которому отсылает местоимение) или его свойства неизвестны участникам речевой ситуации [5]. Однако между «некто» и «кто-то» есть существенные различия: *некто*, в отличие от всех других неопределенных местоимений (кроме «некий»), не употребляется в конструкции с *из* (ср. *некоторые из них, кто-то из них, кто-нибудь из них, кое-кто из них*, но *некто из них). Это значит, что «некто» не обозначает элемент, выделяемый из множества, а сразу обозначает прямо не называемый объект [5]. Нужно отметить еще и такой «субстантивный» признак «некто», как то, что оно допускает субстантивное приложение (эпитет) [5]. Отметим также, что местоимение *некто* стоит особняком среди неопределенных местоимений и вследствие специфики морфологических признаков: оно имеет только форму им. п., т. е. не склоняется [6: с. 539].

Таково положение местоимения «некто» в системе языка. Что же меняется в нем, когда оно становится главным героем произведения?

Во-первых, в тексте «Некто» употребляется в кавычках, вследствие чего «разрушается стандартное семиотическое отношение, которое по умолчанию реализуется говорящим (пишущим)» [3: с. 192], и на само слово падает логическое ударение. На наш взгляд, знак препинания является «показателем приблизительности номинации, к числу которых относятся, наряду с графическим знаком кавычек, также лексические (как бы, так сказать, так называемый и др.)» [3]. То есть «Некто» не просто некто, а как бы, якобы «некто», а на самом деле — «кто» или «никто»? Ответ на этот вопрос и составляет смысл произведения Кржижановского.

Во-вторых, будучи именем главного героя, слово «Некто» пишется с заглавной буквы как имя собственное.

Кроме того, представляется, что характеру героя дает начало наличие такого грамматического признака, как несклоняемость.

Так, в первом же абзаце новеллы, в котором «приготовишка» старается представить себе образ человека из учебника по арифметике, оказывается, что «некто», как это ему и положено по правилам русской грамматики, не склоняется: *...главы странной повести о жизни и приключениях таинственно-го «Некто»* (род. п.). В сказке есть еще несколько контекстов, в которых на падеж «некто» указывает не форма слова, а соотносимые с ним слова: *нанятых «Некто»* (тв. п.); *Я не встречал <...> «Некто»* (вин. п.); *<...> я видел «Некто»* (вин. п.). Как кажется, именно грамматическая характеристика неопределенного местоимения *некто* (неизменяемость) послужила основой образа

человека «Некто»: он тоже не склоняется перед человеческой бедой, ратуя за *порядок*, который отождествляет с арифметикой: «Пусть берут, мне цифр не жалко, но нужен порядок...» [1: с. 213].

Сюжет сказки — четыре встречи с «Некто», каждая из которых углубляет конфликт между античеловечной «математичностью» мышления, когда цифры затмевают мир, и «аматематичностью» человека (ребенка – юноши – воина – гражданина). Столкновение становится открытым уже со второй встречи, когда молодой человек противопоставляет стремлению к упорядочению бытия свободу чувств. На «математическое» ерничанье «Некто» («любите <...> первую “единственную”, вторую “единственную”, третью “единственную”... Которая сейчас?») человек отвечает: «...сердце, господин «Некто», не счетная костяшка, вдетая на стержень. <...> Ударам сердца счета не веду» [1: с. 214]. Но «Некто» этот счет ведет, и за цифрами уже не видит никого и ничего: «Вы молчите, вы думаете, мне легко: тысячелетие к тысячелетию, век к веку, год к году, — и в каждом, вы только подумайте, 525 600 минут, нет — 31 536 000 секунд, и все они одинаковы, понимаете, одинаковы и пусты. Один — меж миллиардов пустот» [1: с. 214]. «Некто» предстает как единственная реальность в мире мнимостей, хотя и противопоставляет себя как личному, так и отрицательному местоимениям: «Меня нельзя называть “Кто”, я — “Некто”. Одною лишь буквою отделен я от...» [1: с. 215]. «Кто» — это, вероятно, тот, у кого есть душа и сердце.

«Некто» смотрит на мир *сквозь синие стекла очков* [1: с. 211]; сначала кажется, будто он прячется от мира: *серое, спрятавшее свои глаза за стекла очков лицо*; и в конце, после революции рассказчик предполагает: *в подполье <...> боится...* Но глаз своего «героя» Кржижановский не показывает, в связи с чем нельзя не вспомнить, что, по Л.Н. Толстому, глаза — зеркало души. Вывод об отсутствии души у «Некто» напрашивается сам собою. И, может быть, именно поэтому он не в *подполье*, и не он *боится*, а его боятся.

В начале сказки образ «Некто» рождается из тетради (те же серый и синий цвета). Однако стоит отметить, что в момент появления «Некто» проигрывает сравнение с тетрадью: тетрадь, в которой был записан ответ «две целые две трети работника», «недоуменно глядела <...> своими серыми цифрами сквозь синие клеточки» [1: с. 211]). Недоумение, конечно, не сочувствие, но и не насмешка, с которой «Некто» обращается к гимназисту. В этой насмешке чувствуется та жесткость, которая в сцене с нищенкой уже воспринимается как жестокость, и то превосходство над людьми, право на которое «Некто» обосновывает во время второй встречи (*все они одинаковы, понимаете, одинаковы и пусты*).

В сюжете сказки «Некто» постепенно занимает все более значимые жизненные позиции. Если в первой части он был властен только над гимназистами, которые занимаются по учебнику арифметики, над нищенкой с детьми, то в третьей бездушие правит миром, вернее — войной. В этом эпизоде у «Некто» появляются синонимы — *кто-то* и *какой-то некто*, что указывает

на множественность такого рода людей, для которых за цифрами — пустота: никого и ничего. Другими словами, «Некто» у Кржижановского, в отличие от языкового «синонима», который не может употребляться с предлогом *из* и не образует ряда, само является началом или даже основой серой безликой массы *каких-то некто* (отметим, что определение к неопределенному местоимению «некто» в русском языке возможно только в постпозиции: «некто Иванов», «некто в сером» и т. п.). Но если вне контекста кажется, что *какой-то некто* звучит пренебрежительно, то в сказке, скорее, угрожающе трагически: *какой-то некто* «подсчитывал» убитых, «и колонки цифр, одетых в серое, карандашного цвета сукно, сощелкивались прочь с земли; и убитая цифра покорно лежала под ворсящееся травинками зеленое сукно полей» [1: с. 216].

Наложение двух образов — щелканья счет на сукне стола и гибели людей на полях сражений — создает потрясающий эффект обличения душевной слепоты *каких-то некто*, которые не видят людей за подсчетом «штыков». Отметим характерный для С.Д. Кржижановского морально-нравственный подход к семантике слова: свойственное полисеманту «штык» значение «стрелок-пехотинец при указании количества бойцов (*воен.*)» [7: URL], предопределяющее «арифметическое» отношение к жизни, возмущает автора: «...было удобно считать эти торчмя торчащие в воздухе ряды стальных заостренных единиц: там, под штыками, что-то копошилось, крестилось и охало, — но штыки одинаково чернели одинаковыми остриями» [1: с. 216].

Но Кржижановский приводит в сказке и точку зрения человека — того, кто держит в руках этот штык: «как ясно чувствовалось тогда, что в каждом дне 86 000 секунд, страшно длинных, и что каждая замахнулась на твою жизнь нулем» [1: с. 216]. Здесь арифметика иная: если «Некто» воспринимает «штыки» как что-то неодушевленное, безликое, то солдат видит в каждой *страшно длинной* секунде войны опасного врага (*замахнулась на твою жизнь*). И если для «Некто» секунды *одинаковы* <...> *одинаковы и пусты*, то для человека они переполнены страхом смерти.

Спецификой неопределенного местоимения «Некто» является в сказке противоречие между полной определенностью характера и совершенной неопределенностью внешнего облика. Если в задачах из «Арифметики» местоимение «некто» имеет значение «все равно кто», то в сказке С.Д. Кржижановского герой приобретает совершенно определенные черты характера и должен был бы начать классифицироваться как известный рассказчику, но он по-прежнему остается тем же «Некто» из задачника. При этом черты его внешности практически не прописаны, т. е. неопределенность облика для автора принципиальна. Причин нам видится, по меньшей мере, две. С одной стороны, неопределенность облика выходца из иного, чуждого, страшного мира свойственна русскому национальному сознанию (вспомним чудище, чудо-юдо, идолище поганое и др. См. об этом: [2]). У того, что угрожает миру, нет имени, нет внешних черт, поэтому кажется, что с ним нельзя бороться.

С другой стороны, невозможность пластической завершенности образа создает ощущение множественности в мире враждебного жизни, равнодушного, безликого, серого. То есть внешний вид у многочисленных «Некто» может быть разным, но «арифметическая» философия — одна.

Обратим внимание, что в сказке С.Д. Кржижановского значимы противопоставления не только между «Кто» и «Некто», но и между «Некто» и «Никто» (хотя в сказке и есть недоговоренность, но смысл умолчания раскрывается однозначно) и его функциональным аналогом — нулем. Интересно, что «Некто» проходит путь от «Никто» ко «Все», минуя стадию «Кто». Именно поэтому (т. е. из-за того, что он не «кто») он равнодушно посылает людей на смерть («В 4.30 наступать <...> Не щадя...»), поэтому он глух к просителям («Вы вычеркнуты из списка, товарищ; ничего не могу... Следующий»). «Некто» добивается того, к чему стремится «Якобы» в «Якоби и “Якобы”»: «Мне нужно — “я” мира, не строчное “я” <...> а заглавное, мировое “Я”» [1: с. 218]. Но если «Якобы» стремится, уничтожив других, править миром, то у «Некто» это получается как бы само собой: сетуя на «аматематичность» мышления человека и стремясь к «арифметическому» порядку, он как бы невольно оказывается у руля власти. Но получается так именно потому, что «Некто» отказывается видеть в человеке личность, для «Некто» все *одинаково пусто*: «Числа – числа – числа: и каждое притворилось <...> работником; сыном, братом, человеком» [1: с. 215]. И самое страшное для «Некто», что и он пуст. Свой внутренний нуль, который заменяет душу, «Некто» пытается наполнить как можно большим количеством цифр (*1000 – 2000 – 100 000 штыков; 525 600 минут, 31 536 000 секунд*), но математический закон непреложен: сколько ни умножай на нуль, в итоге нуль и остается.

Если в сказке «Якоби и “Якобы”» у «Якобы» есть сильный противник, который не позволяет отрицанию овладеть миром, то в «Некто» побеждает отрицание: вокруг себя «Некто» видит только пустоту. А если в мире нет ничего истинного, то и жалеть не о чем. Склоняться незачем.

«Некто» очень интересный персонаж. Он уже и не абстрактный «некто», не известный никому и не важный ни для кого, но и не конкретный «кто». «Некто» — по своей форме уже человек, однако, по сути, он никто, у него нет души. Данный герой явно перекликается с героем сказки С.Д. Кржижановского «Квадрат Пегаса». Хранитель Ивана Ивановича свидетельствует «смерть души», ему врученной, т. е. человек умирает для чего-то более высокого, поскольку умирает его душа. «Некто» же, напротив, приобретя образ человека и хорошее положение в обществе, душу так и не нашёл.

Слова-герои сказок «в кавычках» («Якобы», «поэтому», «Некто») не случайно характеризуются отрицательной коннотацией: они воплощают чуждые Кржижановскому деструктивные начала, которые губят все живое. Возведенные в абсолют сомнение во всем и непоколебимая вера в то, что «арифметика» правит миром, одинаково губительны для человека: они либо подтачивают

личность изнутри, либо делают невозможным ее пребывание в бесчеловечном мире «математичного» мышления.

Сказка «Некто» — это своеобразный апофеоз мнимостей, кажимости слов. В отличие от «Якобы», которое не смогло покинуть листа бумаги, и «поэтому», которому хоть и удалось проникнуть из письма в сердце поэта, но которое все же было возвращено в свою плоскость, «Некто» удается покинуть страницу задачника, стать трехмерным, обрести человеческий облик и даже высокое положение в обществе. Слово из задачника получает возможность *решать* судьбы людей.

Итак, неопределенное местоимение «Некто» в роли главного героя меняет свою категориальную семантику (приобретает определенность) и расширяет контексты употребления (становится основой ряда, допускает определение в препозиции: *какой-то некто*). Омонимичность грамматического термина «склоняться» и этого же слова в основных его значениях (хотя они и отсутствуют в тексте) постулируют, на наш взгляд, особенности характера героя (нежелание «склоняться» ни в одном из «человеческих» значений: никому и ничему, кроме арифметики, он не подчиняется; ни к кому не испытывает почтительного уважения; не признает ничьего авторитета). Изменившаяся роль «Некто», который раньше «властвовал» лишь над учебником, подчеркивается в последнем абзаце при помощи силлепса: «Некто» мог *решить мою судьбу, как простенькую приготовишкину задачу*.

Библиографический список

Источники

1. *Кржижановский С.Д.* Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. СПб.: Symposium, 2001. 687 с.

Литература

2. *Гин Я.И.* Из наблюдений над грамматической категорией рода в русской народной сказке // Проблемы поэтики грамматических категорий. СПб.: Академич. проект, 1996. С. 9–25.
3. *Зализняк А.А.* Семантика кавычек // Труды международной конференции «Диалог-2007». М.: РГГУ, 2007. С. 188–193.
4. *Короткова А.Г.* Теоретические основы изучения персонификации в «Сказках для вундеркиндов» С.Д. Кржижановского // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование». 2013. № 2. С. 76–81.
5. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотношенность с действительностью. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 288 с.
6. Русская грамматика: науч. тр.: в 2 т. / Е.А. Брызгунова, К.В. Габучан (ред.). Репринтное издание. Т. 1. М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова, 2005. 1496 с.
7. Штык // Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. Энциклопедиум. [Электронный ресурс]. URL: enc.biblioclub.ru/Termin/1208537_SHTYK (дата обращения: 23.04.2017).

References*Istochniki*

1. *Krzhizhanovskij S.D.* Sobr. soch.: v 5 t. SPb.: Symposium, 2001. T. 1. 687 s.

Literatura

2. *Gin Ya.I.* Iz nablyudenij nad grammaticheskoj kategoriej roda v russoj narodnoj skazke // Problemy' poe'tiki grammaticheskix kategorij. SPb.: Akademich. proekt, 1996. S. 9–25.
3. *Zaliznyak A.A.* Semantika kavy'chek // Trudy' mezhdunarodnoj konferencii «Dialog – 2007». M.: RGGU, 2007. S. 188–193.
4. *Korotkova A.G.* Teoreticheskie osnovy' izucheniya personifikacii v «Skazkax dlya vunderkindov» S.D. Krzhizhanovskogo // Vestnik MGPU. Ser. «Filologicheskoe obrazovanie». 2013. № 2. S. 76–81.
5. *Paducheva E.V.* Vy'skazy'vanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'yu. M.: E'ditorial URSS, 2001. 288 s.
6. Russkaya grammatika: nauch. tr.: v 2 t. / E.A. Bry'zgunova, K.V. Gabuchan (red.). Reprintnoe izdanie. T. 1. M.: IRYa im. V.V. Vinogradova, 2005. 1496 s.
7. Shty'k // Tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka: v 4 t. / pod red. D.N. Ushakova. M.: Sov. e'ncikl.; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nac. slov., 1935–1940. E'nciklopedium. [E'lektronny'j resurs]. URL: Enc.biblioclub.ru/Termin/1208537_SHTYK (data obrashheniya: 23.04.2017).

A.G. Fedorova

**Change of Categorical Semantics of the Indefinite Pronoun «Someone»
in the Tale «Someone»: Causes and Functions
(Based on «Fairy Tales for Whiz Kids» by S.D. Krzhizhanovsky)**

The article studies causes and functions of categorical semantics change of the indefinite pronoun «someone» in the tale of «Someone» from the series of S.D. Krzhizhanovsky's «Fairy Tales for Whiz Kids». The author tries to answer the question of what lexical and grammatical semantic features of the indefinite pronoun «someone» were the basis for the choice of hero, as throughout the narrative, the word meaning is changing.

Keywords: «Fairy Tales for Whiz Kids»; categorical semantics; indefinite pronoun «someone».

Н.Б. Касьянова

Репрезентация концепта *птица* в жанре *каталога* у Оливье Мессиана

В статье рассматривается языковая репрезентация концепта *птица* в жанре *каталога* у О. Мессиана на материале трех произведений («Пробуждение птиц», «Экзотические птицы» и «Каталог птиц»). Анализируется жанр *каталог* в рамках паратекстового пространства музыкальных произведений, зафиксированных в нотном тексте. Выявляются стратегии, направленные на интерпретацию сочинений в соответствии с замыслом автора-музыканта.

Ключевые слова: концепт *птица*; жанр *каталог*; паратекст; метатекстовые стратегии; Оливье Мессиаан.

Концепт *птица* представляет собой сложный объект, которому присущи такие характеристики, как название, оперение, место обитания, пение. В музыкальном дискурсе данные характеристики представлены с помощью звукоподражания, стилизации, имитации натурального пения, включения записи звуков леса. Композиторы могли придать концепту *птица* антропоморфические черты: «*Chez Janequin, L'Alouette ou Le Rossignol sont anthropomorphiques et interpellent les hommes*»¹ [11: p. 112–113] или черты аллегории: «*les sygnes <...> sont <...> une merveilleuse allégorie de la musique*»² [11: p. 116].

Изображение пения птиц использовалось композиторами также для коммуникативных целей. С одной стороны, подражание, даже стилизованное, легко узнаваемо. С другой стороны, программные названия — «Напуганная коноплянка» (Ф. Куперен), «Курица» (Ж.Ф. Рамо), «Ласточка», «Кукушка» (Л.-К. Дакен) — открывают для слушателя поликодовое пространство музыкального текста благодаря коннотативной связи с другими произведениями подобного содержания и предопределенности понимания сюжета.

Для декодирования смыслов композиторы пользовались и стратегией прямого обращения к адресату с помощью предисловий. Так, совершенно новаторские предисловия, предпосланные композитором и орнитологом Оливье Мессианом своим сочинениям, связаны с концептом *птица*. Именно благодаря его орнитологической практике, занятиям по систематизации научных названий (так называемой номенклатуре) и голосов птиц, в его произведениях возникает особое паратекстовое пространство, включающее в себя все основные характеристики концепта *птица*. Речь идет прежде всего о трех программных сочинениях: «Пробуждение птиц» (1953), «Экзотические птицы»

¹ У Жанекена *Жаворонок* или *Соловей* антропоморфичны и заставляют людей немного задуматься (здесь и далее перевод мой. — Н. К.).

² Лебеди <...> становятся дивной аллегорией музыки.

(1956) и «Каталог птиц» (1956–1959), которые, как говорил сам О. Мессиа́н, чрезвычайно сложны для восприятия адресатом (как исполнителем, так и слушателем) и требуют применения стратегии проспективности со стороны автора [12: p. 173–174].

Прежде всего О. Мессиа́н использует принцип систематизации материала, принятый у орнитологов, в качестве *метадискурсивной стратегии*, вынеся перечень названий всех «участвующих» птиц в начало произведения. Тем самым автор выделяет важность концепта *птица* и структурирует текст, дополнительно обозначая в нотах появление каждой птицы, указанной в перечне. При этом использование композитором орнитологической номенклатуры в качестве паратекстовой вставки претерпело определенные изменения. В «Пробуждении птиц» названия птиц на пяти европейских языках даются в порядке их появления в пьесе и в строгом смысле номенклатурными не являются. В «Экзотических птицах» список приобретает более формальный вид алфавитного перечня. В «Каталоге птиц» [1] в пятиязычный алфавитный перечень включается научное название птиц на латыни. Таким образом постепенно формируется паратекстовое пространство музыкального сочинения.

Следующей *метадискурсивной стратегией*, используемой композитором, является добавление таких метажанров, как введение и вступление, в которых применяются различные комментирующие тактики. В «Пробуждении птиц» для фортепиано с оркестром введение обращено к исполнителям: автор уточняет, что голоса птиц являются аутентичными, поэтому необходимо в точности повторить их тембр и акценты. Вслед за введением композитор помещает вступление, которое представляет собой вербальное описание нотного текста (основные темы привязаны ко времени суток, состоянию природы, а главное, к голосам определенных птиц и инструментам, их исполняющим). Если к этому прибавить ономотопею, которая присутствует над соответствующими темами в нотах: *tikotikotiko; lu, lu; zip, zap, zip, zap* и т. п. [3: p. 2–4], а также авторские комментарии в нотах, то налицо новаторский тип текста. Он состоит из двух взаимосвязанных частей — нотной (традиционной) и вербальной — метатекста, дублирующего содержание нотной части и поясняющего авторский замысел. В дальнейшем О. Мессиа́н отказался от вербальных звукоподражательных элементов партитуры в пользу других *метадискурсивных стратегий*.

Так, в начале «Экзотических птиц» композитор поместил план расположения оркестра с рекомендацией придерживаться данной акустически выверенной схемы. Далее следует предисловие, разделенное на две разные по содержанию части.

В первой части в контрапункте голосов всех птиц выделяются основные солисты; там же композитор открывает исполнителям колористику произведения: «Cette oeuvre est très colorée: toutes les couleurs de l'arc-en-ciel y circulent, y compris le rouge, couleur des pays chauds et du beau 'Cardinal rouge de Virginie'!»³ [2: p. V].

³ Это произведение имеет особую окраску: там постоянно возникают все цвета радуги, особенно красный — цвет теплых стран и великолепного красного виргинского кардинала!

Вторая часть содержит список использованных ритмов и описание всех представленных в произведении птиц — цвет оперения, характер пения: «Le Mainate hindou est un gros oiseau noir à cou jaune. Il pousse des cris singuliers, proches de la parole humaine»⁴ [Ibid.]. Композитор отсылает к партитуре, где те же ритмы и птицы обозначены в момент их появления. В последнем пункте второго предисловия дается полный перечень всех птиц, пение которых автор использовал в произведении, классифицируя их по местам обитания. Именно здесь впервые у О. Мессиана появляется термин *catalogue*.

Наконец, в фортепианном цикле «Каталог птиц» композитор приходит к созданию новаторского для предметной сферы *музыка жанра каталог*. Этот жанр традиционно связан прежде всего с научной, книгоиздательской и торговой практикой. Существуют узкопредметные научные каталоги, например каталоги каких-либо видов животных, характерных для определенной страны, или каталоги музейных собраний. Очень распространенным является *книжный каталог* — «официальный документ, представляющий перечень издательской продукции. <...> Основные функции каталога — справочно-поисковая, пояснительная и источниковедческая» [6: с. 105]. Встает вопрос, как связан этот жанр с предметной сферой *музыка*. В музыковедении *классификация* и *каталог* рассматриваются как характерные модели европейской художественной практики: «Классификация как метод композиции возникает на стадии донаучного синкретического мышления» [8: с. 66]. По мнению музыковеда Сунь Кэнляна, этим принципом композиторы руководствовались и далее, вплоть до XX – начала XXI в., с целью «описать и систематизировать в звуках окружающее их пространство в альбомах, каталогах, эскизах» [10: URL], а обращение О. Мессиана к жанру *каталога* объясняется как указанной тенденцией к каталогизации, так и орнитологической деятельностью автора музыки.

Представляется, что новаторство О. Мессиана в произведениях, связанных с концептом *птица*, обусловлено взаимовлиянием трех областей — музыки, орнитологии и лингвистики. Принцип каталогизации, восходящий к традициям циклической барочной и необарочной музыки, у О. Мессиана основывается прежде всего на правилах составления научных каталогов, с которыми автору постоянно приходилось работать в качестве орнитолога, что и привело к созданию новаторского музыкального жанра каталог. Но именно лингвистическая сторона этого жанра, паратекст, позволяет композитору сформировать особое коммуникативное пространство, которое, используя терминологию Т.А. ван Дейка и В. Кинча, включает в себя *интерпретирующее и пресуппозиционное* основание языковой модели, а именно достраивает поле «внутренней, когнитивной информации» [7: с. 157–158] адресата для правильной интерпретации новаторских сочинений. Как и в драматургических произведениях, возникает двусторонний коммуникативный процесс

⁴ Индийская майна — крупная черная птица с желтой шеей. Она издает своеобразные крики, напоминающие человеческую речь.

[4: с. 49], и авторская речь в таком контексте «принимает форму *уточняющей подсказки*, своеобразного актуализатора, т. е. языкового средства, при помощи которого виртуальные элементы языковой системы связываются с действительностью речевого общения» [9: с. 17]. О. Мессиаен использует метадискурсивную диалоговую стратегию с помощью включения аппарата ориентировки издания [5: с. 24], что позволяет композитору соединить концепт *птица* и жанр *каталог* в сложном коммуникативном пространстве сочинений.

Итак, при рассмотрении трех сочинений О. Мессиаена установлено, что автором используется принцип каталогизации и метадискурсивная стратегия. Но только «Каталог птиц» является новаторским, так как соединяет несколько функций: композиционную, пояснительную, классифицирующую и информационно-поисковую. Это позволяет полноценно отобразить все грани концепта *птица*: названия птиц (в виде перечня и заглавий частей), место обитания (отражено в предисловиях), оперение и пение (описано в предисловиях и нотных комментариях) и, по-видимому, является оптимальным как с точки зрения репрезентации самого объекта, так и с точки зрения удобства восприятия адресатом.

Библиографический список

Источники

1. *Messiaen O.* Catalogue d'oiseaux, pour piano. Livr. 1.1–7.11. Paris: Leduc, cop. 1964. 273 p.
2. *Messiaen O.* Oiseaux exotiques, pour piano solo et petit orchestre. Vienna, London, New York: Universal Edition, 1956. 97 p.
3. *Messiaen O.* Réveil des oiseaux, pour piano solo et grand orchestre. Paris: Durand, 1988. 65 p.

Литература

4. *Борботько Л.А.* Коммуникативное пространство театрального дискурса // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2014. № 19. С. 48–54.
5. *Викулова Л.Г., Герасимова С.А.* Метадискурсивная стратегия как вектор оптимизации преподавания курса истории французского языка // Педагогический дискурс: новые стратегии подготовки учителей иностранных языков: материалы междунар. конф. / под ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ, Языки народов мира, 2016. С. 21–27.
6. *Викулова Л.Г., Макарова И.В.* Книготорговый каталог в диалоге издателя и потенциального читателя: к вопросу о культуре чтения // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: материалы Первой междунар. конф. / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ, Языки народов мира, 2016. С. 104–108.
7. *Дейк ван Т.А., Кинч В.* Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике / пер. с англ. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка / сост., ред. и вступ. ст. В.В. Петрова и В.И. Герасимова. М.: Прогресс, 1988. С. 153–211.
8. *Никитенко О.Б., Пыстина Л.Б.* Призмы художественного моделирования: Классификация и каталог // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2014. № 4 (34). С. 65–68.

9. Петрова Н.Ю. Сценические ремарки как маркеры идиостиля автора // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2011. № 2 (8). С. 16–23.

10. Сунь Кэнлянь. Несонатные циклические формы: к проблеме каталога в западноевропейской музыке первой половины XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. С. 300–310. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/nesonatnye-tsiklicheskie-formy-k-probleme-kataloga-v-zapadnoevropeyskoj-muzyke-pervoy-poloviny-hh-veka> (дата обращения: 15.04.2016).

11. Reibel E. Nature et musique. Paris: Fayard, 2016. 191 p.

12. Samuel C. Entretiens avec Olivier Messiaen. Paris: Belfond, 1967. 236 p.

References

Istochniki

1. Messiaen O. Catalogue d'oiseaux, pour piano. Livr. 1.1–7.11. Paris: Leduc, cop. 1964. 273 p.

2. Messiaen O. Oiseaux exotiques, pour piano solo et petit orchestre. Vienna, London, New York: Universal Edition, 1956. 97 p.

3. Messiaen O. Réveil des oiseaux, pour piano solo et grand orchestre. Paris: Durand, 1988. 65 p.

Literatura

4. Borbot'ko L.A. Kommunikativnoe prostranstvo teatral'nogo diskursa // Lingvori-toricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladny'e aspekty'. 2014. № 19. S. 48–54.

5. Vikulova L.G., Gerasimova S.A. Metadiskursivnaya strategiya kak vektor optimizatsii prepodavaniya kursa istorii francuzskogo yazy'ka // Pedagogicheskij diskurs: novy'e strategii podgotovki uchitelej inostranny'x yazy'kov: materialy' mezhdunar. konf. / pod red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU, Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 21–27.

6. Vikulova L.G., Makarova I.V. Knigotorgovy'j katalog v dialoge izdatelya i potencial'nogo chitatelya: k voprosu o kul'ture chteniya // Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskakh peredovy'x sociogumanitarny'x praktik: materialy' Pervoj mezhdunar. konf. / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU, Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 104–108.

7. Dejk van T.A., Kinch V. Strategii ponimaniya svyaznogo teksta // Novoe v zaru-bezhnoj lingvistike / per. s angl. Vy'p. 23. Kognitivny'e aspekty' yazy'ka / sost., red. i vstup. st. V.V. Petrova i V.I. Gerasimova. M.: Progress, 1988. S. 153–211.

8. Nikitenko O.B., Py'stina L.B. Prizmy' xudozhestvennogo modelirovaniya: Klassifikatsiya i katalog // Aktual'ny'e problemy' vy'sshego muzy'kal'nogo obrazovaniya. 2014. № 4 (34). S. 65–68.

9. Petrova N.Yu. Scenicheskie remarki kak markery' idioshtilya avtora // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2011. № 2 (8). S. 16–23.

10. Sun' Ke'nlyan. Nesonatny'e ciklicheskie formy': k probleme kataloga v zapadnoevropejskoj muzy'ke pervoj poloviny' XX veka // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2011. S. 300–310. [Elektronny'j resurs]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/nesonatnye-tsiklicheskie-formy-k-probleme-kataloga-v-zapadnoevropeyskoj-muzyke-pervoy-poloviny-hh-veka> (data obrashheniya: 15.04.2016).

11. *Reibel E.* Nature et musique. Paris: Fayard, 2016. 191 p.
12. *Samuel C.* Entretiens avec Olivier Messiaen. Paris: Belfond, 1967. 236 p.

N.B. Kasyanova

**Representation of the Concept «*Bird*» in the Genre of *Catalogue*
by Olivier Messiaen**

The article deals with the linguistic representation of the concept «*bird*» in the genre of *catalogue* by O. Messiaen on the material of three works («The Awakening of the Birds», «Exotic Birds» and «Bird Catalogue»). The article describes the genre of *catalogue* within paratext space of musical compositions recorded in the note text. The article identifies the author-musician's strategies aimed at the interpretation of his works in accordance with his plan.

Keywords: concept «*bird*»; *catalogue* as a genre; paratext; metatextual strategies; O. Messiaen.

М.Н. Харлашкин

Интертекстуальность в англоязычных компьютерных играх

Компьютерные игры в настоящее время представляют собой богатый источник текстового материала для лингвистического анализа, часть которого составляют различные фигуры интертекста. Автор фокусирует внимание на особенностях функционирования фигур интертекста в англоязычных компьютерных играх.

Ключевые слова: компьютерная игра; текст; интертекстуальность; цитата; отсылка.

Термин «интертекстуальность», введенный в научный оборот Ю. Кристевой, в последнее время получил особо широкое распространение как в лингвистических, так и в литературоведческих исследованиях. Характеризуя данное явление, Ю. Кристева отмечала: «...любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст — это выпитывание и трансформация какого-нибудь другого текста» [4: с. 429]. Такое общее понимание интертекстуальности было впоследствии принято Р. Бартом и другими представителями французской школы: «...всякий текст есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту, но эту интертекстуальность не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение» [2: с. 418]. По мнению П.Х. Торопа, «французскую исследовательскую традицию характеризует своего рода пантекстуализм» [8: с. 34]. В отечественной лингвистике в настоящее время можно считать устоявшимся выделение двух основных подходов к изучению феномена интертекстуальности:

- широкий подход, в рамках которого рассматривается «структурное, речежанровое подобие обеих частей интертекста» [3: с. 53];
- узкий подход, в рамках которого объект исследования ограничивается рассмотрением «материального подобия частей интертекста как включения в основной текст других текстов или их фрагментов» [Там же].

Как отмечает В.Е. Чернявская, «в строгом смысле речь идет о противопоставлении литературоведческой и лингвистической концепции интертекста» [9: с. 118]. Поскольку рассмотрение интертекстуальности с позиции широкого подхода ведет к размыванию объекта исследования, в лингвистических исследованиях целесообразно использовать узкий подход.

Исследователями рассматриваются различные формы проявления интертекстуальности в текстах. А.В. Кулешова указывает, что, «несмотря на то, что теория интертекстуальности складывалась, главным образом, в ходе исследования интертекстуальных связей в художественной литературе, реализации этого

феномена значительно разнообразнее» [5: с. 63]. Так, в работах В.П. Москвина выделяется ряд фигур интертекста, из которых наиболее важными представляются следующие:

- цитирование — «дословное воспроизведение фрагмента текста, сопровождаемое ссылкой на источник» [6: с. 78];
- парафраз/травестирование «состоит в изменении лексического состава устойчивого выражения или текста» [Там же: с. 118];
- текстовая аппликация — «цитирование без ссылки на источник» [7: с. 118].

Современные компьютерные игры представляются интересным источником языкового материала. Лингвистическому анализу могут быть подвергнуты такие часто встречаемые элементы компьютерных игр, как, например, видеоролики и внутриигровые заставки (*англ.* cutscenes), описания заданий, которые необходимо выполнить, названия и описания объектов, реплики и диалоги персонажей, пункты меню и т. п.

В выпущенной в 1998 г. компанией Blizzard Entertainment компьютерной игре StarCraft: Brood War двумя основными источниками фигур интертекста можно считать реплики персонажей, получаемые в результате многократного выделения их щелчками компьютерной мыши, а также так называемые чит-коды (*англ.* cheats). Под чит-кодами применительно к компьютерным играм понимаются определенные сочетания символов, введение которых позволяет игроку получить соответствующий положительный или отрицательный эффект.

Таким образом, в рассматриваемой компьютерной игре возможно выделение фигур интертекста, источниками которых являются тексты, относящиеся к различным элементам современной культуры, в частности:

- к другим компьютерным играм данной компании;
- кинофильмам, сериалам и телепередачам;
- песням и альбомам определенных музыкальных групп.

Употребление фигур интертекста, относящихся к первой группе, можно проиллюстрировать следующими примерами:

1. Artanis: «Stop poking me!» [1].

Реплика, приведенная в примере 1, произносится персонажами одной из предыдущих игр компании Blizzard Entertainment — Warcraft: Orcs & Humans (1994); однозначная связь с данным источником подкрепляется смежными репликами «What do I look like, an orc?» и «This is not Warcraft in space/ It's much more sophisticated/I know it's not 3D». Очевидно, что, даже если игрок не знаком с указанным источником, при восприятии данного фрагмента возникает определенный комический эффект. Отсутствие ссылки на источник позволяет считать текстовой аппликацией данную фигуру интертекста.

2. Observer: «It sounds like a... a huge, gargantuan, swollen, bloated mushroom!» [1].

В компьютерной игре Diablo (1996) фраза, приведенная в примере 2, произносится одним из персонажей: «If Adria doesn't have one of these, you can bet that's a rare thing indeed. I can offer you no more help than that, but it sounds like

a... a huge, gargantuan, swollen, bloated mushroom! Well, good hunting, I suppose». Как и в предыдущем примере, при восприятии данного текста создается комический эффект.

3. Corsair: «It is a good day to die» [1].

В компьютерной игре *Warcraft II: Tides of Darkness* (1995) фраза, приведенная в примере 3, является чит-кодом, при введении которого игрок получает «неуязвимость» и усиленные атаки для своих «войск».

4. Wraith: «Yours truly» [1].

В компьютерной игре *Warcraft: Orcs & Humans* последовательность, приведенная в примере 4, является чит-кодом, при введении которого игрок получает возможность пропустить определенную миссию.

Приведенные здесь чит-коды не повторяются в других играх компании Blizzard Entertainment. Сохраняется основной принцип их отбора — они представляют собой текстовые аппликации, источниками которых являются перечисленные выше элементы современной культуры.

Источниками фигур интертекста, относящихся ко второй группе (кинофильмы, телесериалы и пр.), являются такие известные фильмы, как *Star Wars: Return of the Jedi* (1983), *Apocalypse Now* (1979), *RoboCop* (1987), *Contact* (1997) и некоторые другие, а также сериалы и телепередачи, что можно проиллюстрировать следующими примерами:

5. High templar: «Your thoughts betray you» [1].

Приведенная в примере 5 фраза произносится Дартум Вейдером в фильме *Star Wars: Return of the Jedi*: «Give yourself to the Dark Side. It is the only way you can save your friends. Yes, your thoughts betray you».

6. Firebat: «I love the smell of napalm» [1].

Фраза «I love the smell of napalm in the morning» в примере 6 произносится одним из героев известного фильма *Apocalypse Now* (1979). Комический эффект в данном случае усиливается тем, что оружием персонажа, произносящего данную фразу, является огнемёт.

7. Dragoon: «Drop your weapon! You have fifteen seconds to comply» [1].

В примере 7 приводится деформированная фраза из фильма *RoboCop*: «...please put down your weapon. You have twenty seconds to comply». Таким образом, данная фигура интертекста представляет собой парафраз.

Источниками фигур интертекста, относящихся к третьей группе (отсылки к музыкальным произведениям), являются песни таких популярных музыкальных групп, как *The Doors*, *Bee Gees*, *Guns 'N Roses*, и некоторых других:

8. Samir Duran: «Please, please, tell me now / Is there something I should know?» [1].

В примере 8 приводятся слова из песни «Is There Something I Should Know» группы *Duran Duran*; однозначная связь с данным источником подкрепляется именем персонажа, а также смежной репликой «I told you my name, it's Duran, Duran!».

9. Corsair: «When the moon is in the seventh house / And Jupiter...» [1].

В примере 9 приводятся слова из песни «Aquarius / Let the Sunshine In» из мюзикла «Hair»: «When the moon is in the seventh house / And Jupiter aligns with Mars».

10. High Templar: «I see you have an appetite for destruction / and you have learned to use your illusion» [1].

«Appetite for Destruction» и «Use Your Illusion» в примере 10 — названия альбомов известной рок-группы *Guns 'N Roses*.

Отметим, что употребление названий музыкальных групп, песен и альбомов «в какой-то степени отражает традиционную значимость музыкальной поп-культуры для западного общества в целом и его юной части в особенности» [10: с. 74].

Как видно из приведенных примеров, интертекстуальность в рассматриваемой компьютерной игре представлена главным образом разнообразными текстовыми приложениями, которые используются прежде всего как механизмы обратной связи. При условии знакомства с соответствующими первоисточниками, т. е. предыдущими играми указанной компании, популярными фильмами, песнями и т. п., у игрока появляется возможность двойного прочтения. Даже если игрок не узнает данные фрагменты текста, их функцией можно считать создание комического эффекта, так как они нацелены на то, чтобы вызвать положительную эмоциональную реакцию у игрока.

Библиографический список

Источники

1. STARCRAFT + STARCRAFT Expansion Set [Электронный ресурс]. Электрон. текстовые, граф., зв. дан. и прикладная прогр. 2 электрон. опт. диска (CD-ROM): зв., цв.; рук. пользователя (6 л.). Систем. требования: Windows 95/98/NT 4.0; Процессор Pentium 90 или более производительный; 16 Мб оперативной памяти; 80 Мб свободного дискового пространства; DirectX-совместимая SVGA видеокарта; мышь, совместимая со стандартом Microsoft; 2-скоростной CD-ROM дисковод (4-скоростной для видеороликов). Диск и сопровод. материал помещены в DVD-Box.

Литература

2. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

3. *Воркачев С.Г.* Интертекстуальность, прецедентность и лингвокультурный концепт // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, В.П. Москвин. М.: Флинта; Наука, 2014. С. 52–70.

4. *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 427–457.

5. *Кулешова А.В.* Цитация как ключевой элемент «чужого слова» во французской прессе // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 4 (16). С. 62–68.

6. Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. Изд. стереотип. М.: Либроком, 2011. 168 с.
7. Москвин В.П. Методика интертекстуального анализа // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки». 2015. № 3. С. 116–121.
8. Тороп П.Х. Проблема интекста // Труды по знаковым системам XIV. Текст в тексте. Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту: ТГУ, 1981. Вып. 567. С. 33–44.
9. Чернявская В.Е. Текст в медиальном пространстве: учеб. пособие. М.: Либроком, 2013. 232 с.
10. Чупрына О.Г. Прецедентные явления в британской литературе о подростках (лингвокультурологический подход) // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 3 (15). С. 71–79.

References

Istochniki

1. STARCRAFT + STARCRAFT Expansion Set [E'lektronny'j resurs]. E'lektron. tekstovy'e, graf., zv. dan. i prikladnaya progr. 2 e'lektron. opt. diska (CD-ROM): zv., cv.; ruk. pol'zovatelya (6 l.). Sistem. trebovaniya: Windows 95/98/NT 4.0; Processor Pentium 90 ili bolee proizvoditel'ny'j; 16 Mb operativnoj pamyati; 80 Mb svobodnogo diskovogo prost-ranstva; DirectX-sovmestimaya SVGA videokarta; my'sh', sovmestimaya so standartom Microsofft; 2-skorostnoj CD-ROM diskovod (4-skorostnoj dlya videorolikov). Disk i soprovod. material pomeshheny' v DVD-Box.

Literatura

2. Bart R. Izbranny'e raboty': Semiotika: Poe'tika / per. s fr.; sost., obshh. red. i vstup. st. G.K. Kosikova. M.: Progress, 1989. 616 s.
3. Vorkachev S.G. Intertekstual'nost', precedentnost' i lingvokul'turny'j koncept // Intertekstual'nost' i figury' interteksta v diskursax razny'x tipov: kollektivnaya monografiya / nauch. red. T.N. Kolokol'ceva, V.P. Moskvina. M.: Flinta; Nauka, 2014. S. 52–70.
4. Kristeva Yu. Baxtin, slovo, dialog i roman // Francuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu / per. s fr. i vstup. st. G.K. Kosikova. M.: Progress, 2000. S. 427–457.
5. Kuleshova A.V. Citaciya kak klyuchevoj e'lement «chuzhogo slova» vo francuzskoj presse // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 4 (16). S. 62–68.
6. Moskvina V.P. Intertekstual'nost': Ponyatijny'j apparat. Figury', zhanry', stili. Izd. stereotip. M.: Librokom, 2011. 168 s.
7. Moskvina V.P. Metodika intertekstual'nogo analiza // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. «Filologicheskie nauki». 2015. № 3. S. 116–121.
8. Torop P.X. Problema inteksta // Trudy' po znakovy'm sistemam XIV. Tekst v tekste. Ucheny'e zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Tartu: TGU, 1981. Vy'p. 567. S. 33–44.
9. Chernyavskaya V.E. Tekst v medial'nom prostranstve: ucheb. posobie. M.: Librokom, 2013. 232 s.

---

10. *Chupry'na O.G.* Precedentny'e yavleniya v britanskoj literature o podrostkax (lingvokul'turologicheskij podxod) // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 3 (15). S. 71–79.

M.N. Kharlashkin

Intertextuality in English-Language Computer Games

Computer games today represent a rich source of material for linguistic analysis, at least in part comprised of intertextual components. Special attention is given to the functions of intertextuality in English-language computer games.

Keywords: computer game; text; intertextuality; quote; reference.

О.Я. Федоренко

Реализация мотива *путь* в пьесе Т. Уильямса «И вдруг минувшим летом»

Статья посвящена вариантам воплощения одного из основных мотивов американской литературы — мотива *путь*, в творчестве выдающегося американского драматурга Т. Уильямса. В связи с этим проводится анализ авторских техник, аллюзий и образов, являющихся доказательством присутствия данной категории в структуре произведения.

Ключевые слова: драматургия США; образ; аллюзия; путь к Богу; самоопределение.

Мотив *путь* является неременной составляющей произведений художественной литературы США начиная с XVII в. В первых сочинениях американской словесности (Дж. Смит, У. Брэдфорд, Дж. Эдвардс) возникают образы путешественников, которые прокладывают себе путь в лучшую жизнь, преодолевая воды Атлантического океана. Эти персонажи полны оптимизма и исполнены веры в будущее. Позднее в романах Дж.Ф. Купера и М. Твена возникают образы дороги, пролегающей по бескрайним просторам осваиваемых переселенцами территорий североамериканского континента. В XIX в. сочинения Б. Гарта и Дж. Лондона знакомят читателя с передвижениями золотоискателей по родной стране. В работах Дж. Дос Пассоса и Дж. Стейнбека, писателей XX в., появляются герои, отправившиеся на поиски лучших условий жизни. Именно наличие мотива *путь* в произведениях упомянутых авторов явилось основанием для отечественного литературоведа Е.А. Стеценко назвать американцев нацией, которая находится «всегда в пути» [5].

Подобную потребность на протяжении нескольких веков изображать становление формирующейся нации, ее движение и динамику, подчеркивая частую смену места жительства, можно во многом объяснить тем фактом, что жители США исторически воспринимают себя как людей,двигающихся по определенному пути, который был указан им Создателем, и до сих пор полагают, что они выполняют своеобразную миссию перед Всевышним. Так, в статье «Истоки лейтмотива *wilderness* в американской литературе» К.М. Баранова отмечает: «Имея стремление во что бы то ни стало выполнить возложенное на них Господом поручение <...>, колонисты не стали роптать, что попали на суровые берега, но прониклись благодарностью к Всевышнему за спасение. Вдохновляемые осознанием своей избранности и особой миссии, они направили все силы на преобразование той земли, на которой оказались»

[3: с. 21]. По мнению В.С. Машошиной, «метафора дороги, как сухопутной, так и морской, находит многократное отражение в национальной литературе США. Таким образом, варьируясь и видоизменяясь, идея странствий, путешествий прочно закрепляется в самосознании американцев» [4: с. 60].

Мотив *путь* приобретает особое звучание в пьесе американского драматурга Т. Уильямса «И вдруг минувшим летом» («Suddenly Last Summer», 1958). Но, в отличие от указанных выше произведений, реализация анализируемого мотива осуществляется автором иначе. Данный мотив воспринимается через образ главного героя сочинения Себастьяна Винэбла (Sebastian Venable), с которым читатель знакомится через восприятие близких ему женщин: матери (Mrs Venable) и кузины Кэтрин (Catharine). Обе они по ходу пьесы рассказывают о разных этапах жизненного пути героя. Помимо упомянутых героинь, в пьесе присутствуют и другие действующие лица: мать Кэтрин миссис Холли (Mrs Holly), брат девушки Джордж (George), доктор Цукрович (Cukrowicz). Сюжет пьесы строится вокруг неожиданной смерти Себастьяна Винэбла, который погибает при загадочных обстоятельствах в небольшой мексиканской деревушке, куда они с Кэтрин приехали на отдых.

По ходу повествования читателю становится известно о том, что интересы доктора, миссис Холли и Джорджа во многом совпадают и касаются преимущественно денег, которые они намереваются получить у горюющей о потере сына матери. Однако Кэтрин, которая является одним из немногочисленных свидетелей смерти молодого человека, занимает особую позицию в вопросе раздела имущества. Выяснение причин смерти Себастьяна во многом базируется на показаниях девушки. Тем не менее ее рассказ о печальном событии, произошедшем прошлым летом, когда герой прервал свой жизненный путь, полон намеков и неточностей. В определенной степени он бросает тень на репутацию покойного. Этот факт, вне всякого сомнения, огорчает его скорбящую мать, которая и без того настроена против Кэтрин и винит ее в несчастьях, постигших ее сына. Однако не только смерть главного героя, но и его жизнь представляется читателю загадочной и вряд ли может поддаться простому объяснению.

Себастьян — творческая личность, поэт, с присущими ему свободолобием, независимостью, потребностью меняться и развиваться. Думается, что именно это помогает любому художнику сохранять свежесть ощущений, не терять чувство ритма жизни, что способствует возникновению вдохновения. Данные качества помогали Себастьяну создавать свои творения: «Sebastian was a poet! That's what I meant when I said his life was his work because the work of a poet is the life of a poet and — vice versa <...> I mean you can't separate them» [2: p. 102]. Такими словами описала миссис Винэбл жизненный путь своего сына, для которого процесс создания произведений искусства был основой его существования.

Немного позже пожилая дама заявляет, что они с Себастьяном выстраивали свою жизнь день за днем как скульпторы: «My son, Sebastian, and I constructed our days, each day, we would — carve out each day of our lives like a piece

of sculpture. — Yes, we left behind us a trail of days like a gallery of sculpture!» [2: p. 111]. Возможно, в подобных попытках запечатлеть свою жизнь, а также держать под контролем все происходящее можно усмотреть явную потребность художника четко и планомерно двигаться к поставленной цели. К этому при жизни неуклонно стремился главный герой пьесы. Очевидно и то, что, облекая результаты своих поисков в поэтические строчки, Себастьян стремился осознать свой путь в жизни, определить собственное место в мире и как личности, и как творца. Иными словами, поиски смысла жизни для протагониста — это в большой степени путь к пониманию собственного «Я».

Одной из центральных идей пьесы, смыслом многих лет жизни героя становится также путь к Богу. В пьесе нет конкретных пояснений по поводу позиции Себастьяна в отношении религии в юные годы. Однако жизнь повзрослевшего мужчины предстает как бесконечный путь обретения веры. Читателю становится известно об этом из разговора матери протагониста с доктором Цукровичем, который сопровождает пожилую даму во время прогулки по саду, созданному некогда самим Себастьяном. Не сразу решается несчастная женщина поделиться сокровенными мыслями со своим спутником. Но в определенный момент беседы она признается, что ее сын на протяжении долгого времени пытался обрести веру: «I can tell you without any hesitation that my son was looking for God, I mean for a clear image of him» [2: p. 107]. Это признание госпожа Винэбл делает при упоминании об их совместной с Себастьяном поездке на Галапагосские острова. Там юноша наблюдал за появлением на свет черепашек, которые, стоило им только вылупиться из яиц, поспешно устремлялись к морю, спасаясь от кружащих над ними диких плотоядных птиц.

По словам матери, эта сцена произвела довольно гнетущее впечатление на юношу. В ней главный герой усмотрел определенное проявление суровости Господа к живущим на земле: «He meant that God shows a savage face to people and shouts some fierce things at them, it's all we see or hear of Him» [Там же]. Для протагониста данный эпизод из жизни животных послужил своего рода отражением отнюдь не благостного лика Создателя, обращенного на сотворенных им существ, которые в реальной жизни (будь то люди или животные) время от времени подвергаются всевозможным испытаниям. Эпитеты *clear* и *savage* в словосочетаниях *clear image* и *savage face*, употребленные миссис Винэбл в отношении Всевышнего, намеренно введены в текст пьесы автором. Думается, что они символизируют двунаправленность отношения Господа к своим созданиям. Это, с одной стороны, всепонимающий, любящий своих чад Создатель, готовый простить им определенные проступки, а с другой — это суровый, но справедливый Отец, карающий их за содеянные прегрешения. Таким образом, используемое в тексте пьесы сочетание *clear image* не является описанием безукоризненного образа. Это скорее истинно правдивый, лишенный фальши образ Спасителя с оправданно присущими ему элементами суровости.

Из сказанного можно сделать вывод, что целью исканий главного героя пьесы становится прежде всего Господь. Тем не менее, обретая путь к Всевышнему, Себастьян одновременно ищет и свой собственный путь в жизни. Соответственно в анализируемом сочинении усматривается и упоминаемая выше двунаправленность поиска. Это, на наш взгляд, подразумевает как обретение веры, так и поиски своего внутреннего «Я», т. е. это своеобразный путь к себе, или, иными словами, некий процесс самопознания и самоопределения.

Богоискания Себастьяна вызывают несомненные опасения у его кузины Кэтрин, которая наблюдает за постоянными переменами в душе героя. В разговоре с доктором девушка поясняет, что она пыталась спасти близкого ей человека от возможного саморазрушения в угоду Господу, чтобы показать, как сильно она его любит: «I tried to save him, Doctor <...> Completing! – a sort of! – image! – he had of himself as a sort of! – sacrifice to a! – terrible sort of a – <...> cruel one [God], Doctor!» [2: p. 131]. Кузина Себастьяна видит в постоянных поисках молодого человека не только путь к вере, но и нечто иное. Возможно, это движение в сторону гибели, ведь из приведенной цитаты следует, что Себастьян ассоциирует себя с жертвой, которую можно и необходимо принести Создателю. Данный факт можно рассматривать как аллюзию к тем временам, когда, поклоняясь языческим богам и обращаясь к ним с просьбой о милости, люди отправляли на смерть животных и своих соплеменников. Это также своеобразная отсылка к жизни ветхозаветных персонажей, например, Каина и Авеля. Так, в Библии говорится: «И был АVELЬ пастырь овец, а Каин был земледелец. Спустя несколько времени, Каин принес от плодов земли дар Господу, и АVELЬ также принес от первородных стада своего и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел» [1: Быт. 4:2–6]. Не менее показателен пример и с Авраамом, о чем в Библии имеется следующее упоминание: «И явился Господь Авраму и сказал: потомству твоему отдам Я землю сию. И создал он там жертвенник Господу, Который явился ему» [1: Быт. 12:7].

Отметим, однако, что отнюдь не поисками протагониста своего пути к Богу можно объяснить тот факт, что Себастьян показан в пьесе в определенной степени «человеком без возраста». При этом данную характеристику можно интерпретировать двояко. С одной стороны, из текста пьесы читатель так и не узнает, сколько лет герою было на момент смерти. Единственное, о чем нам становится известно, так это то, что и он, и его мать были достаточно молоды: «Both of us were young, and stayed young» [2: p. 109]. Вполне вероятно, что под этим пожилая леди подразумевает молодость духа. Можно предположить, что автор намеренно не уточняет возраст своего героя, чтобы подчеркнуть по-юношески беззаботный характер образа жизни, которому долгое время следует главный герой.

С другой стороны, как замечает миссис Винэбл, время было не властно над ее сыном. Он не подвергался обязательному для всех людей процессу

старения. Доказывая этот факт, женщина показывает доктору две фотографии, сделанные с перерывом в двадцать лет. На них Себастьян в костюме ренессансного мальчика-пажа запечатлен во время двух маскарадов, один из которых происходил в Каннах, а другой в Венеции. По убеждению матери, время не изменило ее сына. Изображенные на обоих снимках юноши ничем не отличаются в плане возраста, а ведь на втором снимке Себастьян значительно старше. Эта особенность протагониста показывает, что на пути к зрелости он так и не завершил необходимый этап взросления. Пытаясь найти свое собственное «Я», герой хочет пройти путь самоопределения, но не достигает финальной ступени на пути своего становления.

Тем не менее, вопреки мнению матери о вечной юности сына, его кузина Кэтрин замечает, что в определенный момент Себастьян вдруг неожиданно перестал быть молодым. Она даже точно указывает, когда это произошло: «All I know is that suddenly, last summer, he wasn't young any more, and we went to Cabeza de Lobo, and he suddenly switched from the evenings to the beach <...> that's named for Sebastian's name saint, it's known as La Playa San Sebastian, and that's where we started spending all afternoon, every day» [2: p. 139]. Анализируя слова Кэтрин, можно заключить, что тем летом в душе героя что-то резко изменилось. Он прекратил посещать фешенебельные вечеринки. Все его внимание оказалось прикованным к пляжу, названному в честь святого Себастьяна, тезки главного героя.

Выбор именно этого имени и аллюзия к образу христианского святого, безусловно, не случайны. Как известно, святой Себастьян неоднократно принимал мучения за христианскую веру. Будучи жителем языческого Рима, юноша был обязан отречься от Создателя, в противном случае его ждала смерть. Однако, верный Всевышнему, он не мог поступиться своими религиозными убеждениями, осознанно выбрал пытки и погиб. Соответственно святой предстает в образе мученика, готового принести свою жизнь в жертву и как бы положить ее на алтарь веры.

По мнению Кэтрин, Себастьян тоже принес себя в жертву. И в этом смысле можно говорить о наличии параллели, своеобразного связующего звена между двумя Себастьянами. Однако, если жертва святого понятна и оправданна, то поведение протагониста пьесы скорее вызывает недоумение. Перед читателем встает вопрос, ради чего он отдал себя на растерзание толпе бездомных подростков.

Себастьян завершает свой жизненный путь, убегая от голодных разъяренных детей, жертвой которых он становится. В определенной степени это напоминает путь маленьких новорожденных черепашек к морю, многие из которых погибают в когтях хищных птиц.

Поиски Господа и собственного пути завершаются гибелью героя. Финал пьесы полон недосказанностей и вопросов без ответов: во имя чего принесена жертва? Почему герой, предвидя собственную гибель, бросился вперед к полубезумевшим подросткам? В чем обретение собственного «Я» протагониста?

Неопределенность завершающей сцены пьесы может быть проинтерпретирована как прерванный путь героя в обоих аспектах его поисков, ни один из которых Себастьян так и не довел до конца.

Таким образом, проведя анализ пьесы Т. Уильямса «И вдруг минувшим летом», мы можем сделать вывод о том, что мотив *путь* в этом сочинении актуализируется в двух вариантах: 1) путь к Богу, поиск Всевышнего, и 2) путь к самому себе. Данный факт свидетельствует о том, что по своей сложности и значимости анализируемый мотив выходит за рамки простого мотива. На наш взгляд, его следует рассматривать как лейтмотив, осевой компонент произведения, фундамент построения пьесы как на структурном, так и на смысловом уровнях.

Библиографический список

Источники

1. Библия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bibleonline.ru> (дата обращения: 14.11.2016).
2. *Williams T.* Plays. New York: Library of America, 2000. 975 p.

Литература

3. *Баранова К.М.* Истоки лейтмотива wilderness в американской литературе // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2010. № 1 (5). С. 17–23.
4. *Машошина В.С.* Библейские концепты в романе-притче Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит» // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 1 (17). С. 58–66.
5. *Стеценко Е.А.* История, написанная в пути... (Записки и книги путешествий в американской литературе XVII–XIX вв.). М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 1996. 312 с.

References

Istochniki

1. Bibliya [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.bibleonline.ru> (data obrashheniya: 14.11.2016).
2. *Williams T.* Plays. New York: Library of America, 2000. 975 p.

Literatura

3. *Baranova K.M.* Istoki lejtmotiva wilderness v amerikanskoj literature // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2010. № 1 (5). S. 17–23.
4. *Mashoshina V.S.* Biblejskie koncepty' v romane-pritche G. Melvilla «Mobi Dik, ili Bely'j Kit» // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 1 (17). S. 58–66.
5. *Stecenko E.A.* Istoriya, napisannaya v puti... (Zapiski i knigi puteshestvij v amerikanskoj literature XVII–XIX vv.). M.: IMLI RAN, Nasledie, 1996. 312 s.

O.Ya. Fedorenko

**Implementation of the Motif of *Way*
in the Play by T. Williams «Suddenly Last Summer»**

The article deals with the variants of realization of one of the main motives of American literature, the motive of *way*, in the work by the outstanding American playwright T. Williams. In this regard, analyzing the author's techniques, allusions and symbols contributes to the evidence of the presence of the mentioned category in the structure of the play.

Keywords: American drama; image; allusion; way to God; self-determination.

И.В. Зоц

Московские урбанонимы в переводческой перспективе

В статье рассматриваются сложные случаи передачи русских звукосочетаний в урбанонимах средствами латинского алфавита и сопутствующие им переводческие решения. Анализируются возможные трудности, возникающие у носителей английского языка при произношении русскоязычных урбанонимов. Проводится аргументированный анализ вариантов перевода. Строгие переводные варианты сравниваются с решениями, обусловленными традицией.

Ключевые слова: урбанонимы; билингвальная городская среда; навигационные указатели; кириллица; латиница.

В рамках билингвальной городской среды возникает необходимость создания системы транслитерации русских названий московских улиц, площадей, станций метро [6] средствами латинского алфавита. Современный русский язык постоянно адаптирует коммуникативные средства английского языка как в профессиональной, так и в повседневной среде, решая актуальные коммуникативные задачи. Как демонстрируют анализ СМИ и растущая роль Интернета, именно английский язык служит средством международного общения и увеличивает коммуникативно-прагматический потенциал речевого события. В силу своей узнаваемости англицизмы транслируют одинаковые во всех культурах значения и ассоциации. В связи с этим передача кириллицы символами латинского алфавита расширит коммуникативные возможности иностранцев в Москве и обеспечит более эффективное сообщение информации [9].

Городское пространство открыто внешним воздействиям, и наиболее открытым пространством внутри города являются места публичного интереса и пользования, коллективного присутствия, включающие в себя улицы и площади современного города. Именно такие территории формируют структуры «пространственного мышления», в связи с чем чрезвычайно важно сформировать в их контексте корректные билингвальные сообщения [4]. Для описания городского билингвального ландшафта мегаполиса необходимо ответить на ряд вопросов, вызванных вариативностью передачи некоторых звукосочетаний и повлекших за собой различия в системах транслитерации, используемых в Москве. Помощь в ориентировании в московском городском пространстве требуется в первую очередь иностранцам, не владеющим кириллическим алфавитом. Выбирая тот или иной вариант передачи русских букв и звуков, мы рассматриваем следующие факторы: удобство для восприятия

реципиентами письменной и устной форм транслитерированных слов, вероятность ошибки при чтении и произношении слов и правильность интерпретации названия, произнесенного иностранцем при обращении к носителю русского языка [10: р. 92].

Рассмотрим возможные варианты передачи наиболее сложных и вызывающих частые сомнения сочетаний. Обоснуем возможный выбор того или иного из них. Одним из критериев, определяющих данный выбор, служит объем конечного варианта.

Вариант транслитерации, разработанный Д.И. Ермоловичем более 15 лет назад, основан на стандарте ГОСТ 16876-71 [1] (в настоящее время заменен стандартом ГОСТ 7.79-2000) и ориентирован на перевод топонимов без учета исторически сложившихся соответствий [5: с. 138]. Рассмотрим ряд принятых ученым решений (табл. 1–2):

Таблица 1

Согласные и безгласные

Рус.	Англ.	Рус.	Англ.	Рус.	Англ.
б	b	л	l	х	kh
в	v	и	m	ц	ts
г	g	н	n	ч	ch
д	d	п	p	ш	sh
ж	zh	р	r	щ	shch
з	z	с	s	ъ	Не передается
й*	y	т	t	ь	Не передается
к	k	ф	f		

Таблица 2

Гласные

Рус.	В начале слова, перед гласными	После согласных (кроме шипящих)	После шипящих (ж, ч, ш, щ)	После ь и ы
а		а		–
е	уе		е	уе
е		уо	о	уо
и		и		уи
о		о		уо
у		и		–
ы	–	у	–	–
э		е	–	–
ю		уи	–	уи
я		уа	–	уа

Передача большинства согласных русских звуков эквивалентными одинарными английскими буквами не предусматривает расхождений (*б/b, в/v, д/d* и т. д.). Однако способы передачи некоторых звуков и сочетаний нуждаются в уточнении. Например, согласно таблице 1 русский согласный *г* всегда

передается английским *g*. Вместе с тем возможна аргументация в пользу того, что звук *g* перед гласными удобнее передавать диграфом *gh*, чтобы исключить возможный вариант произношения [dʒ] носителями английского языка в таких названиях, как *улица Вильгельма Пика* (ср. *Вильджелма), *улица Гиляровского* (*Джиляровского) и т. д. [8]. Поскольку в английском языке мягкость произношения звука *g* обуславливается следующей за ним гласной (*e*, *i* и *y*), требуется предусмотреть употребление диграфа *gh* для аналогичных случаев в русском языке (т. е. сочетаний *ge*, *gi*, *gy*). В остальных случаях представляется целесообразным использовать одинарную *g* для упрощения чтения и краткости написания транслитерированного варианта (ср. *усадьба Хованского* — *Usadba Khovanskogo*, *улица Гостиничная* — *Gostinichnaya Ulitsa*).

Буквы *e* и *ё* в начале слова перед гласными, а также после мягкого и твердого знаков ученые предлагают передавать диграфами *ye* и *yo* соответственно (см. табл. 2). Однако результаты независимого исследования, проведенного составителями карты Московского метрополитена [2], показывают, что носители английского языка проявляют склонность к произношению буквы *y* в середине слова как [ai] согласно английским правилам фонетики (ср. *Vasilyevsky*, где возможен вариант произношения *Василяевски, и *Vasilevsky*, *Vasiljevsky*, исключаяющие такую форму произношения).

Этот же аргумент применим к решению о передаче русского звука *ы* английской буквой *y*. Исследования переводчиков, работавших над картой московского метро, демонстрируют, что использование буквы *i* ведет к меньшему количеству ошибочных вариантов произношения (ср. *Выхино*: *Vyhino* — *Vihino*, где в первом случае среди ответов респондентов присутствует версия *Вайхино). Метрополитен является важной частью коммуникативного символического пространства города, выступающей как один из его пространственных компонентов [3]. В связи с этим важно учесть традицию, задаваемую переводами на карте метро, даже если они частично не соответствуют официально принятым в настоящее время стандартам.

Использование диграфа *ya* в середине слова после согласных приводит к аналогичным трудностям (ср. *Курьяновский проезд* — *Kuryanovsky proezd*, название которого можно прочесть как *Кураяновский; также *Охотный ряд* — *Okhotny Ryad*, что ведет к варианту прочтения *Раяд). В качестве альтернативы *y* предлагается использовать для передачи русских звуков *я*, *e*, *ё* сочетания *ia*, *ie*, *io* (например, *Пенягинский проезд* — *Peniaghinsky Proezd*), а также опускать смягчающий гласный *i* там, где его отсутствие не влияет на различие смысла (например, *i* не требуется после согласной *l* по аналогии с невелиризованным аллофоном *l*, так называемым *light l*: *улица Клязьминская* — *Klazminskaya Ulitsa*). В то же время использование *y* в начальной позиции слов не вызывает затруднений, поскольку в английском языке отсутствуют слова, в которых *y* в начальной позиции представляет собой гласный звук (ср. *Тверская-Ямская* — *Tverskaya-Yamskaya*).

Согласно варианту Д.И. Ермоловича, звук *t* передается буквой *t* во всех позициях. Но эту интерпретацию можно уточнить: звук *t* надо передавать буквой *t* только в тех случаях, когда после него не следует звук *ц*. Иначе сочетание *тц* автоматически входит в диграф *ts* (например, *Старобитцевская* — *Starobitsevskaya*).

Звук *x* передается диграфом *kh* как в варианте Д.И. Ермоловича, так и на карте московского метро, чтобы избежать возможного опущения звука *x* по аналогии с непроизносимым *h*, например в английском и французском языках (ср. *Охотный ряд* — *Ohotny Riad*, где возможен вариант произношения *Отный/Оотный ряд*). Однако в конце слов наличие диграфа представляется избыточным, поскольку произнесение на выдохе ведет к редукции звука *x* и потере им смысловозначительной функции (ср. *улица Красных Зорь* — *Krasnyh Zor Ulitsa*; вариант произношения *Красны Зор* в целом соответствует исходному русскому варианту).

В то же время важно обратить внимание, что, несмотря на проведенные экспериментальные исследования и наличие опытных результатов, успешно используемых на практике, составители перевода карты Московского метрополитена в ряде случаев отходят от собственных правил и обращаются к традиционным (устоявшимся) методам передачи звуков и окказионализмам, служащим для устранения двояких вариантов произношения. К традициям, диктуемым практической транскрипцией, относится передача окончаний *ый, ий* буквой *у* (поскольку это наиболее краткий вариант написания окончания, не вызывающий трудностей при прочтении). Среди окказионализмов, наблюдаемых у составителей карты московского метро на английском языке, отметим передачу названия станции метро *Багратионовская* — *Bagratchionovskaya*. Такое решение позволяет избежать возможного прочтения слога *ation* как [eɪʃn].

Таким образом, несколько рассмотренных выше примеров позволяют сделать выбор в пользу ряда однозначных вариантов передачи русских звуков, предполагающих наименьшие отклонения от исходного названия. Одновременно удастся сохранить ценностные ориентиры в виде имен собственных на карте метрополитена, формирующие пространственный опыт пассажиров, что особенно важно в свете того, что пространство, будучи универсальным концептом, представлено во всех лингвокультурах. Соответственно, его формирование в билингвальном городском ландшафте столицы поможет создать полноценный образ Москвы в глазах иностранных граждан [7].

Библиографический список

Источники

1. ГОСТ 16876-71. Правила транслитерации букв кирилловского алфавита буквами латинского алфавита. Технические требования. М.: Изд-во стандартов, 1981. 8 с.
2. Схема метро: транслит, картонка и макбук // Сетевое сообщество LiveJournal. [Электронный ресурс]. URL: <http://grosslarnakh.livejournal.com/43371.html?nojs=1> (дата обращения: 15.12.2016).

Литература

3. Викулова Л.Г. и др. Парижский метрополитен как коммуникативное пространство // Л.Г. Викулова, И.В. Макарова, Я.А. Мелехина, К.Б. Осипович // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. 2016. № 2 (09) 2016. 9 с.
4. Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф. Городское пространство как новая коммуникативная среда эпохи глобализации // *Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: докл. и сообщения Междунар. конф. / Ин-т языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям*. М., 2014. С. 302–309.
5. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р. Валент, 2001. 199 с.
6. Зоц И.В. Билингвальные навигационные сообщения в контексте городской среды // *Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2016. № 2 (22). С. 114–119.
7. Лягушкина Н.В. К вопросу о формировании базовых концептов: пространство // *Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2012. № 2 (10). С. 55–60.
8. Сулейманова О.А., Холодова Д.Д. Система городской навигации города Москвы как проблема мультикультурного моделирования лингвистического образа города // *Journal of English Studies at New Bulgarian University (ESNBU)*. 2015. С. 97–115.
9. Хурыз И.П. Актуальные коммуникативные практики: контекст реальности в прагматике современного дискурса: монография. Краснодар: Просвещение-Юг, 2010. 139 с.
10. Souleimanova O.A., Kholodova D.D. 3T in Linguistic Navigation through Megapolis — Translation, Transcription, Transliteration // *Translata 2014*. Innsbruck: University of Innsbruck, 2014. 187 p.

References*Istochniki*

1. GOST 16876-71. Pravila transliteracii bukv kirillovskogo alfavita bukvami latin-skogo alfavita. Texnicheskie trebovaniya. M.: Izd-vo standartov, 1981. 8 s.
2. Sxema metro: translit, kartonka i makbuk // *Setevoe soobshhestvo LiveJournal*. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://grosslarnakh.livejournal.com/43371.html?nojs=1> (data obrashheniya: 15.12.2016).

Literatura

3. *Vikulova L.G. i dr. Parizhskij metropoliten kak kommunikativnoe prostranstvo / L.G. Vikulova, I.V. Makarova, Ya.A. Melexina, K.B. Osipovich // Crede Experto: transport, obshhestvo, obrazovanie, yazy'k*. 2016. № 2 (09) 2016. 9 s.
4. *Vikulova L.G., Serebrennikova E.F. Gorodskoe prostranstvo kak novaya kommunikativnaya sreda e'poxi globalizacii // Yazy'kovaya politika i yazy'kovy'e konflikty' v sovremennom mire: dokl. i soobshheniya Mezhdunar. konf. / In-t yazy'koznaniya RAN, Nauchno-issledovatel'skij centr po nacional'no-yazy'kovy'm otnosheniyam*. M., 2014. S. 302–309.
5. *Ermolovich D.I. Imena sobstvenny'e na sty'ke yazy'kov i kul'tur*. M.: R. Valent, 2001. 199 s.

6. Zocz I.V. Bilingual'ny'e navigacionny'e soobshheniya v kontekste gorodskoj srede' // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2016. № 2 (22). S. 114–119.

7. Lyagushkina N.V. K voprosu o formirovanii bazovy'x konceptov: prostranstvo // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2012. № 2 (10). S. 55–60.

8. Sulejmanova O.A., Xolodova D.D. Sistema gorodskoj navigacii goroda Moskvy' kak problema mul'tikul'turnogo modelirovaniya lingvisticheskogo obraza goroda // Journal of English Studies at New Bulgarian University (ESNBU). 2015. S. 97–115.

9. Xuty'z I.P. Aktual'ny'e kommunikativny'e praktiki: kontekst real'nosti v pragmatike sovremennogo diskursa: monografiya. Krasnodar: Prosveshhenie-Yug, 2010. 139 s.

10. Souleimanova O.A., Kholodova D.D. 3T in Linguistic Navigation through Megapolis — Translation, Transcription, Transliteration // Translata 2014. Innsbruck: University of Innsbruck, 2014. 187 p.

I.V. Zots

Moscow Urbanonyms from Translator's Viewpoint

The paper compares several methods of transliterating Russian sounds by the means of the Latin alphabet from a translator's perspective using the complex real-life examples and analyzes possible issues that the native English speakers may experience. Arguments supporting particular variants are presented alongside the examples taken from the conducted experiments. Translated variants are matched against the traditional solutions currently in use.

Keywords: urbanonyms; bilingual city environment; navigation signs; Cyrillic alphabet; Latin alphabet.

**КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ.
БИБЛИОГРАФИЯ**

**Рецензия на монографию В.М. Головки
«Философская повесть Н.С. Лескова
семидесятих годов»
(Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского
федерального ун-та, 2016. 251 с.)**

В последние годы ученые все чаще обращаются к проблемам философского мировоззрения русского писателя-классика Н.С. Лескова. Это является отражением общих процессов мирового литературоведения, связанных с развитием методологии исследований в области философии литературы. Монография В.М. Головки органично вписывается в данный контекст, поскольку в ней конкретизируются многие вопросы философской картины мира Н.С. Лескова, что способствует совершенствованию теоретических подходов к изучению корреляции философского и литературного дискурсов, к анализу художественно-гносеологических и бытийных проблем литературного творчества, в частности, художественной антропологии и онтологической поэтики. Именно эти вопросы находятся в центре внимания автора рецензируемой работы о философской повести Н.С. Лескова 1870-х гг. Исследование искусства художественного философствования писателя осуществляется в жанровой парадигме. Это имеет принципиальное значение, поскольку философская проблематика повестей Н.С. Лескова рассматривается с точки зрения познавательного потенциала данного вида художественной прозы.

Достоинством монографии является создание широкой исследовательской базы, включающей в себя труды в области литературоведения и смежных гуманитарных наук. Это имеет принципиальное значение, поскольку определяет как качество работы, так и ее соответствие ценностным критериям современной филологии. На историографическом фоне наглядно проявляются инновационные интенции автора, то, чем обогащает его исследование науку.

Изучение философской картины мира Н.С. Лескова сопряжено с анализом специфики освещения в его произведениях проблем сущего и бытия, человека

и истории, личности и общества, онтологии человеческого существования, нравственного смысла жизни. Автором привлекается материал трех произведений 1870-х гг.: «Смех и горе», «Захудалый род» и «Детские годы». Отбор именно этих образцов мотивирован тем, что они дают яркое представление о «понимающем» потенциале [с. 25], типологии и жанровой поэтике данной разновидности повести.

Анализ названных повестей осуществляется в контексте сопоставлений мировоззренческих и творческих позиций Н.С. Лескова и русских писателей, мыслителей, публицистов, литературных критиков его времени, что оказывается необходимым для изучения философских проблем лесковского творчества. Исследователь сосредоточен на вопросах художественного воплощения диалектико-материалистического понимания отношений личности и общества в прозе Н.С. Лескова. Писатель предстает как поборник философского реализма в духе А.И. Герцена, актуализировавшего деятельностный подход при изображении общественного человека.

Открывая монографию главой «Повесть в системе жанров эпической прозы», В.М. Головкин создает теоретическую базу для решения дискуссионных проблем жанровой идентификации произведений Н.С. Лескова, в частности, хроники «Захудалый род», которую исследователи, специально не занимающиеся проблемами генологии, нередко рассматривают как разновидность романа. Но «понимающий потенциал» романа и повести, как показывает автор рецензируемой монографии, принципиально разные [с. 25–38], и повесть, восходящая к построениям романного типа, остается повестью, обладающей специфическим познавательным качеством, поскольку человек показывается в ней как «завершенный», «равный» себе и своему сюжету» [с. 184]. Эти теоретические положения в работе ученого конкретизируются в системе историко-литературного анализа.

Вместе с тем исследователь обращается к проблемам метапоэтики Н.С. Лескова, к опыту его интерпретации эпических жанров. В.М. Головкин показывает, что писатель, оставаясь в повести «рисовальщиком» (письмо Н.С. Лескова Ф.И. Буслаеву 1 июня 1877 г.), поднимается на уровень художественно-философского анализа проблем смысла жизни, свободы воли, нравственного выбора человека, самопроектирования личности и т. д. в результате активно-творческого освоения ресурсов художественного обобщения данного литературного жанра. Этот анализ концептуализируется, с одной стороны, в плоскости освещения философских исканий русской культуры пореформенной поры, а с другой, — в методологическом обосновании положения, согласно которому теоретическое и нетеоретическое (художественное) философствование — это не только разные способы бытования смыслов, но прежде всего созидание разных смыслов.

В монографии анализируются те аспекты философской картины мира Н.С. Лескова, которые определили доминантные черты поэтики конкретных повестей. Так, сатирическое задание повести «Смех и горе» проявляется в формах художественного исследования человека, находящегося «не на своем месте и не при своем

деле», которые определили доминантную роль принципа остранения в аксиологии и эстетике произведения. Исследователь рассматривает функциональную роль взаимосемантизации художественного время-пространства повести и ее нарратива, а композицию сюжета — с точки зрения авторского осмысления диалектики конкретно-исторического и «вечного». В исследовании философской проблематики исторической хроники «Захудалый род» доминируют вопросы понимания писателем «сущности человека» и художественного воплощения этого понимания в идейно-эстетической системе произведения, в характере изображения целостного бытия человека. Автор раскрывает функциональную роль категории самосознания в характерологии и шире — человекознании писателя. По мнению В.М. Головки, в повести «Детские годы» в центре авторского внимания оказываются проблемы исходного утверждения бытия, «экзистенциальная ситуация нравственного выбора» [с. 174, 176], а потому становятся эстетически повышенными соотношения субъективного и отраженного «я» в характерологии и поэтике сюжета, корреляции хронотопа и многосубъектной системы повествования. «Детские годы» привлекают исследователя с точки зрения специфики художественного выражения психологии самосознания при изображении «внутреннего человека». Специфика жанровой формы философской повести, как показано в исследовании, в значительной мере определяется особенностями художественного хронотопа, соотносительностью пространства с бытием героев, принципом борьбы «идей» — главных «героев» философской повести.

Большой интерес представляет трактовка автором монографии дискуссионного вопроса о принадлежности Н.С. Лескову помет на лондонском издании романа «Кто виноват?» А.И. Герцена из личной библиотеки писателя. Авторство помет атрибутируется в системе реконструкции читательской рецепции, по мнению В.М. Головки, не адекватной лесковскому пониманию «сущности человека», что и заставляет сомневаться в том, что эти пометы принадлежат Н.С. Лескову. К философской проблематике исследования имеет прямое отношение даже эпизод, относящийся не к творческому процессу, а к рядом протекающей литературной деятельности писателя. Не менее интересен и литературоведческий комментарий к статье Н.С. Лескова о картине В.Г. Перова «Никита Пустосвят. Спор о вере». Эту забытую рецензию писателя В.М. Головки также рассматривает в парадигме философии человека, а потому закономерно включает данный текст в систему анализа онтологии человеческой жизни в понимании и интерпретации Н.С. Лескова, мыслителя и художника.

Монография В.М. Головки, помимо обновления проблематики исследований творчества Н.С. Лескова, способствует совершенствованию методологии философии литературы, демонстрируя значимость междисциплинарного подхода в современной филологической науке и роль филологии в системе гуманитарного знания.

**О некоторых лингвистических аспектах
эволюции: рецензия на монографию
В.П. Даниленко «От праязыка — к языку.
Введение в эволюционную лингвистику»
(СПб.: Алетейя, 2015. 386 с.)**

Одним из наиболее популярных и перспективных направлений лингвистических исследований в последнее время стала антропоцентрическая лингвистика, целью которой является исследование лингвистических аспектов эволюции человека. К этому направлению относятся антропологическая лингвистика, сформировавшаяся в начале XXI в. как развитие когнитивной лингвистики и исторического терминоведения, в рамках которой исследуются возможности реконструкции эволюции сознания человека на основе лингвистических и в первую очередь лексических данных [2, 3].

Одной из наиболее значимых публикаций в этом направлении является книга известного иркутского языковеда Валерия Петровича Даниленко, посвященная лингвистическим аспектам эволюции человека. Опираясь на эволюционную точку зрения на проблему глоттогенеза, автор показывает путь к созданию синтетической теории языковой эволюции [1].

Во введении к книге автор не только приводит серьезные теоретические и фактические обоснования эволюционного направления лингвистики, но и предлагает собственную методологическую систему, в рамках которой может быть рассмотрен как глоттогенез, так и эволюция в целом. Такая система основывается на понятии универсального эволюционизма, включающего в себя ряд аспектов эволюции: в целом (от физиогенеза к биогенезу, далее — к психогенезу и культурогенезу), а также в рамках культуры, религии, науки, искусства, нравственности, политики и языка.

В систему входят базовые науки, такие как философия, физика, биология, психология и культурология, которые являются, согласно автору, «базовыми потому, что они составляют основу (базу) для других наук <...>. Так, в физику входят такие науки, как астрономия, геология, гидрология и т. п., в биологию — ботаника, зоология, генетика и т. п., в психологию — зоопсихология и психология человека, в культурологию — науки о материальной культуре и духовной культуре. В последние следует включить религиоведение, науковедение, искусствоведение, этику, политологию и лингвистику. Предметами их изучения являются шесть компонентов духовной культуры — религия, наука, искусство, нравственность, политика и язык» [1: с. 13]. Данная система используется

в дальнейшем на протяжении всей книги при рассмотрении глоттогенеза — происхождения и исторического развития языка.

В книге пять глав. В главе 1 «Гипотезы о происхождении языка» излагаются теории, связанные с происхождением языка, рассматриваются достаточно хорошо известные старые гипотезы о происхождении языка, такие как звуко-символическая (Платон), междометная (А.А. Потебня), звукоподражательная (Платон, Г. Лейбниц) и трудовая (Монбоддо, Л. Нуаре, Б.В. Якушин, Ф. Энгельс). Как замечает автор книги, данные гипотезы о происхождении языка отнюдь не устарели, а скорее нуждаются в актуализации на современном этапе развития лингвистики [1: с. 45].

Наряду с этим здесь представлен критический анализ ряда новых гипотез, таких как *натавистская гипотеза* Н. Хомского, предполагающая врожденную способность к языку и потребность к размышлениям в качестве причины его появления, и *протограмматическая гипотеза* Т. Гивона, согласно которой в происхождении языка можно выделить два этапа — протограмматический и грамматический, первый из которых характеризуется отсутствием грамматических показателей у первых слов-предложений, выраженных указательными местоимениями, развившихся на основе указательных жестов, а второй — появлением и увеличением числа грамматических показателей. Выдвигаемое американским лингвистом Т. Гивоном положение о протограмматическом периоде, для которого свойственны однословные предложения, вполне согласуется с современными представлениями о том, что на определенном этапе развития первобытный человек пользовался *голофразами*, т. е. одиночными словами, предназначенными для выражения целого комплекса идей. Говоря о *музыкальной гипотезе*, которую предложил японский приматолог Н. Масакаки при анализе начального этапа глоттогенеза (гуление, лепет и пение), В.П. Даниленко справедливо критикует ее за упрощенный подход к зарождению языковой способности у человека.

В главе 2 «Философские (универсально-эволюционные) подходы к решению проблемы глоттогенеза» на основе описанной во Введении книги системы эволюционизма проводится анализ аспектов физиогенеза, биогенеза, психогенеза, культурогенеза и глоттогенеза. Этот системный подход использован в анализе взглядов хорошо известных философов — Демокрита, Тита Лукреция Кара, Жюльена де Ламетри, Иоганна Гердера, Вильгельма фон Гумбольдта, Герберта Спенсера, наряду с которыми автор приводит имена, редко упоминаемые в современных работах, — немецкого философа Герхарда Фоллмера (одного из ведущих специалистов в современной эволюционной гносеологии) и советского антрополога Валерия Павловича Алексеева (1929–1991). Виднейший специалист по исторической антропологии и географии человеческих рас, В.П. Алексеев внес значительный вклад в становление теории глоттогенеза, рассмотрев вопросы эволюции биологической, психической, культурной сторон языка.

В главе 3 «Частнонаучные (частно-эволюционные) подходы к решению проблемы глоттогенеза» анализируются биологические, психологические и культурологические подходы. Представители первых из них (Е.Н. Панов, З.А. Зорина и А.А. Смирнова, А. и Б. Гарднеры) видят в языке прежде всего продолжение биогенеза, сторонники вторых (М. Томаселло, Т.В. Черниговская) — продолжение психогенеза, а приверженцы третьих (Д. Биккертон, С.А. Бурлак) — продолжение культурогенеза. Глава содержит информацию о современном состоянии обучения человекообразных обезьян языку жестов и другим вспомогательным языкам общения, а также психологических и культурологических аспектах гипотезы о том, что человеческий язык начался с осмысленных жестов.

В главе 4 «Коэволюция предъязыка с биопсихогенезом и предкультурогенезом» раскрывается точка зрения автора на решение проблем, связанных с происхождением и эволюцией предъязыка — средств общения предков человека, предшествующих и способствующих формированию собственно языка. При этом рассматриваются физические, биотические, психические и предкультурные аспекты предъязыка, а в переходе предъязыка в язык выделяются три процесса — преобразование произвольных междометий в полупроизвольные, появление полупроизвольных слов-звукоподражаний и на их основе создание произвольных слов.

Заключительная глава 5 «Коэволюция языка с культурогенезом» посвящена проблеме непосредственного происхождения и эволюции языка и начинается с краткого описания антропогенеза. К сожалению, отправной точкой в изложении служит момент появления собственно людей, что образует разрыв между временем отделения наиболее близких родственников человека — горилл, а затем шимпанзе около 7–8 млн лет назад от предков человека. Вместе с тем автор справедливо отмечает действующую в антропологии тенденцию к удлинению эволюционного возраста людей и считает вполне возможным, «что со временем дело дойдет до узаконивания эволюционного возраста человечества в 4–5 млн лет» [Там же: с. 222].

Выдвигаемые автором положения не всегда соответствуют общепринятым теориям. Так, в предлагаемой им структуре внутренней лингвистики [Там же: с. 234] исчез уровень лексики языка. Затем [Там же: с. 235] данный уровень появляется в составе грамматики, причем лексикология, наряду с морфологией и синтаксисом, представлена в качестве раздела фразообразования, определяемого как наука о создании новых предложений. Таким образом, нарушен методологический принцип философа-номиналиста Уильяма Оккама (Guilielmus Occamus, ок. 1285–1349) «не вводить новые сущности без необходимости», поскольку традиционно предложения изучаются в рамках синтаксиса, и введение нового термина считаем не вполне обоснованным. В качестве отдельного раздела грамматики, наряду с фразообразованием, выступает словообразование, оторванное от лексикологии. Таким образом, читателям, не имеющим лингвистического

образования, предлагается дисциплинарная структура внутренней лингвистики в искаженном виде.

Вместе с тем в главе содержится ряд очень верных суждений, касающихся синкретической (диффузной) полисемантической первых слов [1: с. 237] и эволюции грамматических средств. Следует отметить прекрасный очерк формирования русской философской терминологии [1: с. 252–259] и весьма квалифицированное трактование современных терминологических проблем. Справедливы и критические замечания о злоупотреблении малопонятными терминами, создающими иллюзию научности в ряде современных публикаций. Автор приводит убедительные доводы, интересно, доходчиво и со знанием дела излагает материал.

В целом книга носит междисциплинарный характер и учитывает внешние и внутренние факторы развития. Автор активно применяет языковые средства оценочной семантики: *спасительный аргумент* [1: с. 25], *сильнейшая сторона гипотезы* [1: с. 29], *очень обстоятельный обзор* [1: с. 38], *Н. Хомский взлетел на олимп мировой славы* [1: с. 39].

Особо стоит отметить диалогичность издания, в рамках которого филолог позиционирует равнодушное отношение к злободневным вопросам: «Инволюционные процессы охватили сейчас всю культуру, но в особенности духовную культуру России. <...> В ходу у нас теперь не только «лже», но даже и «де»: дефляция, <...> деинтеллектуализация, дебилизация <...>, а в итоге — деградация и депопуляция всей страны» [1: с. 11–12]; «Сам того не подозревая, Н. Масатака в какой-то мере возродил И. Гердера» [1: с. 43]. Автор не скрывает свою позицию несогласия с определенной гипотезой, выражая некоторую долю иронии: «К паразитной гипотезе происхождения языка, по-видимому, следует относиться как к шутке, в которой есть доля правды» [1: с. 44]. Приводит оценку человека с точки зрения предъязыка: «Но все-таки до людей — в количестве ритуалов — животным очень далеко» [1: с. 199]. Прибегает к резкой критике: «Богословы приложили немало усилий для опошления эпикурейского учения» [1: с. 53].

Еще раз подчеркнем открытость автора, используя местоимение *Я*, он объективирует собственную позицию и научный опыт: *Я постараюсь обойти сенсационные страницы в изучении антропогенеза; Я не буду здесь рассказывать...; Я не буду также анализировать ситуацию..., Я здесь ставлю перед собой задачу поскромнее* [2: с. 223]. Данная работа вносит несомненный вклад в развитие современных знаний об эволюции языка, культуры и сознания человека. Написанная в увлекательной и доступной форме, она будет интересна для самого широкого круга читателей. Достижение диалогичности основано на применении языковых и неязыковых приемов воздействия на адресата. Важным является использование *специализированных сигналов адресованности*: вопросительных, восклицательных и побудительных предложений как отражения метадискурсивной стратегии, используемой в книге:

«Что мы имеем уже сейчас? Возьмем для начала соотношение между физиогенезом и афизиогенезом» [1: с. 10]. Используя «мягкую модальность» в модели *вопрос — ответ*, автор рассуждает: «Чем же человек обязан своему возвышению над животным миром? Развитию ума» [1: с. 54]. И приглашает к размышлению читателя, задавая полемический вопрос: «Однако непонятно: зачем под глоттогенез подводить только когнитивную потребность в языке, а коммуникативную оставлять на задворках?» [1: с. 40]. Такой подход инициирует уважительное отношение читателя к представителям науки, внесшим немалый вклад в научный диалог по заявленной в заглавии проблематике. А сам автор В.П. Даниленко показывает высокий уровень коммуникативной культуры, демонстрируя высочайшую культуру, энциклопедичность знаний и уважение к читателю.

С.В. Гринева, Л.Г. Викулова

Библиографический список

Источники

1. Даниленко В.П. От праязыка — к языку. Введение в эволюционную лингвистику. СПб.: Алетейя, 2015. 386 с.

Литература

2. Гринева-Гринева С.В. Основы антропологической лингвистики: учеб. пособие для студ. вузов / С.В. Гринева-Гринева, Э.А. Сорокина, Т.Г. Скопюк. М.: Academia, 2008. 124 с.
3. Antropolingwistika: (nova nauka XXI wieku) / S. Griniewicz, J. Zaniewski, T. Skopiuk, E. Sorokina. Bialystok: Wyzsza Szkola Finansow i Zarzadzania, 2009. 130 s.

References

Istochniki

1. Danilenko V.P. Ot prazyzy'ka — k yazy'ku. Vvedenie v e'volyucionnyu lingvistiku. SPb.: Aletejya, 2015. 386 s.

Literatura

2. Grineva-Grineva S.V. Osnovy' antropolingvistiki: ucheb. posobie dlya stud. vuzov / S.V. Grineva-Grineva, E'.A. Sorokina, T.G. Skopyuk. M.: Academia, 2008. 124 s.
3. Antropolingwistika: (nova nauka XXI wieku) / S. Griniewicz, J. Zaniewski, T. Skopiuk, E. Sorokina. Bialystok: Wyzsza Szkola Finansow i Zarzadzania, 2009. 130 s.

АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ», 2017, № 2 (26)

Абаева Евгения Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры англистики и межкультурной коммуникации ИИЯ МГПУ.

E-mail: abaevaes@bk.ru

Бубнова Ирина Александровна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной филологии ИГНиУ МГПУ.

E-mail: aribubnova@gmail.com

Васильев Сергей Анатольевич — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы ИГНиУ МГПУ.

E-mail: okdomovenok@yandex.ru

Викулова Лариса Георгиевна — доктор филологических наук, профессор, замдиректора ИИЯ МГПУ по научной работе и международной деятельности, профессор кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: VikulovaLG@ifl.mgpu.ru

Головко Вячеслав Михайлович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета; действительный член Schopenhauer-Gesellschaft (Deutschland).

E-mail: vmgolovko@mail.ru

Гринеv Сергей Викторович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры англистики и межкультурных коммуникаций ИИЯ МГПУ.

E-mail: svgrinev1@gmail.com

Дыханова Берта Сергеевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русской литературы, теории и методики преподавания литературы Воронежского государственного педагогического университета.

E-mail: alla@as10244.spb.edu

Завьялова Елена Евгеньевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы Астраханского государственного университета.

E-mail: zavyalovaelena@mail.ru

Зоц Иван Владимирович — аспирант кафедры языкознания и переводоведения ИИЯ МГПУ.

E-mail: ivanzots@mail.ru

Касьянова Наталья Борисовна — аспирант кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: kassianata@yandex.ru

Ковалева Татьяна Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка Государственного социально-гуманитарного университета.

E-mail: z-tatiana@yandex.ru

Лагоша Мария Александровна — аспирант кафедры русской литературы ИГНиУ МГПУ.

E-mail: kurukitsune@yandex.ru

Матвеева Ирина Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы ИГНиУ МГПУ.

E-mail: matv1@yandex.ru

Нечаева Людмила Тимофеевна — доктор педагогических наук, профессор, заведующая лабораторией «Восточные языки в школе», Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: ltnechaeva@mail.ru

Романичева Елена Станиславовна — кандидат педагогических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории социокультурных образовательных практик Института системных проектов МГПУ, заслуженный учитель РФ.

E-mail: els-62@mail.ru

Сененко Олеся Владимировна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории социокультурных образовательных практик Института системных проектов МГПУ.

E-mail: ovsenenko@gmail.com

Сулейманова Ольга Аркадьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языкознания и переводоведения ИИЯ МГПУ.

E-mail: olgasoul@rambler.ru

Трунова Ольга Владимировна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной филологии ИГНиУ МГПУ.

E-mail: Lachesis47@mail.ru

Федоренко Ольга Ярославовна — ассистент кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ, аспирант кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: Olgadujuin@gmail.com

Федорова Александра Геннадьевна — аспирант кафедры русского языка ИГНиУ МГПУ.

E-mail: koral245@yandex.ru

Харлашкин Михаил Николаевич — аспирант кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: therover@rambler.ru

Шелаева Алла Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры истории западноевропейской и русской культуры Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: alla@AS10244.spb.edu

**Authors of «MCU Vestnik»,
series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education»,
2017, № 2 (26)**

Abaeva Evgeniya Segeevna — PhD (Philology), docent, associate professor of Anglistics and Cross-cultural Communication department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: abaevaes@bk.ru

Bubnova Irina Alexandrovna — Doctor of Philology, full professor, head of Foreign Philology department, Institute of Humanities and Management, MCU.

E-mail: aribubnova@gmail.com

Vasilyev Sergey Anatolyevich — Doctor of Philology, full professor, professor of Russian Literature department, Institute of Humanities and Management, MCU.

E-mail: okdomovenok@yandex.ru

Vikulova Larissa Georgievna — Doctor of Philology, full professor, Science and International Relations Vice-director of Institute of Foreign Languages, MCU, professor of Romance Philology department of Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: VikulovaLG@ifl.mgpu.ru

Golovko Vyacheslav Mikhailovich — Doctor of Philology, full professor; professor of Local and Global Literature department, North Caucasus Federal University; actual member of Schopenhauer-Gesellschaft (Deutschland).

E-mail: vmgolovko@mail.ru

Grinev Sergei Viktorovich — Doctor of Philology, full professor, Professor of Anglistics and Cross-cultural Communication department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: svgrinev1@gmail.com

Dykhanova Berta Sergeevna — Doctor of Philology, full professor; professor of Department of History of Russian literature, Theory and Methodology of Literary Education, Voronezh State Pedagogical University.

E-mail: alla@as10244.spb.edu

Zavyalova Elena Evgenyevna — Doctor of Philology, docent, Professor of Literature department, Astrakhan State University.

E-mail: zavyalovaelena@mail.ru

Zots Ivan Vladimirovich — postgraduate of Linguistics and Translation Theory department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: ivanzots@mail.ru

Kasyanova Natalya Borisovna — postgraduate of Romance Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: kassianata@yandex.ru

Kovaleva Tatyana Anatolyevna — PhD (Philology), docent, associate professor of the English Language department, State University of Humanities and Social Studies.

E-mail: z-tatiana@yandex.ru

Lagosha Maria Alexandrovna — postgraduate of Russian Literature department, Institute of Humanities and Management, MCU.

E-mail: kurukitsune@yandex.ru

Matveeva Irina Ivanovna — PhD (Philology), docent, associate professor of Russian Literature department, Institute of Humanities and Management, MCU.

E-mail: matv1@yandex.ru

Nechaeva Lyudmila Timofeevna — Doctor of Pedagogy, full professor, head of laboratory «Oriental Languages at Secondary School», Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University.

E-mail: ltnechaeva@mail.ru

Romanicheva Elena Stanislavovna — PhD (Pedagogy), docent, senior researcher of Laboratory for socio-cultural educational practices, Institute of System Projects, MCU, Honored teacher of the Russian Federation.

E-mail: els-62@mail.ru

Senenko Olesya Vladimirovna — PhD (Philology), leading researcher of the Laboratory of sociocultural educational practices, Institute of System Projects, MCU.

E-mail: ovsenenko@gmail.com

Sulejmanova Olga Arkadyevna — Doctor of Philology, full professor, head of Linguistics and Translation Theory department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: olgasoul@rambler.ru

Trunova Olga Vladimirovna — Doctor of Philology, full professor, professor of Foreign Philology department, Institute of Humanities and Management, MCU.

E-mail: Lachesis47@mail.ru

Fedorenko Olga Yaroslavovna — assistant professor of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU, postgraduate of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: Olgadujuin@gmail.com

Fedorova Alexandra Gennadyevna — postgraduate of the Russian Language department, Institute of Humanities and Management, MCU.

E-mail: koral245@yandex.ru

Kharlashkin Mikhail Nikolaevich — postgraduate of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: therover@rambler.ru

Shelaeva Alla Alexandrovna — PhD (Philology), docent, associate professor of the Department of History of Western-European and Russian Culture, Institute of History, Saint-Petersburg State University.

E-mail: alla@AS10244.spb.edu

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, русскому языку, германским языкам, романским языкам, восточным языкам), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам.

Редакция просит Вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а. л.). Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева, заголовок — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия на русском языке помещаются аннотация (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяет их точка с запятой. Также указываются автор, название статьи, аннотация (Resume) и ключевые слова (Keywords) на английском языке.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [3: с. 147].

6. Рукопись подается в редакцию журнала на электронном и бумажном носителях.

7. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов) на русском и английском языках, внешняя и внутренняя рецензии с заверенными печатью подписями рецензентов.

8. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробные сведения о требованиях к оформлению рукописи можно найти на сайте www.mgpru.ru в разделе «Документы» Научно-информационного издательского центра МГПУ.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к заместителю главного редактора *Викловой Ларисе Георгиевне* (Москва, Малый Казенный пер., 5 Б, каб. 444).

Телефон редакции (495) 607-76-37.

E-mail: VikulovaLG@ifl.mgpru.ru.

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета

Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»

№ 2 (26), 2017

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62502 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:

доктор педагогических наук, профессор *А.В. Щепилова*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:

Е.С. Терновскова

Корректор:

Л.Г. Овчинникова

Перевод на английский язык:

О.В. Вострикова

Техническое редактирование и верстка:

Г.П. Васильева, О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ:
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 05.06.2017 г. Формат 70 × 108 1/16.
Бумага офсетная.

Объем: 8,75 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.